

ЛИЗ ФИЛДИНГ

Молько для него

Красавица Наташа Гордон работает в престижном риелторском агентстве, не подозревая о том, что некто, желая занять ее место, делает все, чтобы ее очернить. Так или иначе, но в срыве сделки по продаже загородного имения Хедли-Чейз обвиняют именно ее. Наташа хочет доказать, что она — лучшая, и убеждает хозяина имения скульптора Дария Хедли, что обязательно найдет покупателя. Он соглашается, но в обмен просит ее позировать для него. Неодолимое влечение, возникшее между Наташей и Дарием, сулит им безумный роман, но и он и она желают большего. Сумеют ли они обрести душевную близость и довериться друг другу, тем более что в прошлом у каждого из них есть тайны, которые они тщательно скрывают от всех...

Лиз Филдинг

Только для него

Глава 1

— Что так расстроило Майлза? — недоумевала Наташа Гордон. — Я ехала смотреть квартиру в Сент-Джонс-Вуд, когда получила сообщение немедленно возвращаться.

Джанин, секретарша и первая сплетница компании «Морган и Блэк», равнодушно пожала худыми плечами.

Наташа побежала на второй этаж. Майлз Морган, глава фирмы «Морган и Блэк», занимающейся продажей элитной недвижимости в Лондоне, вот уже несколько недель намекал ей на то, что она может претендовать на вакантное место младшего партнера. И по праву! Последние три года она трудилась не покладая рук. Наташа не сомневалась, что заслужила повышение.

— Тише, тише, — уговаривала она свое сердце, останавливаясь у кабинета Моргана.

— Джанин! Она тут, наконец? — прокричал Майлз прежде, чем сообразил, что та, кого он ждет, стоит прямо перед ним. — Где, черт возьми, вы пропадали?

— Показывала супружеской паре дом в Челси. Ручаюсь, они позвонят еще до конца дня и скажут, что согласны!

Перспективы огромной комиссии обычно было достаточно, чтобы у Моргана поднялось настроение, но сейчас он просто хмыкнул, и надежда, загоревшаяся было в душе Наташи, немедленно погасла.

— Майлз, у вас что-то срочное? Через полчаса я должна буду показывать Гленкоре Джаррет квартиру в Сент-Джонс-Вуд, а в городе пробки.

— Забудьте. Туда я послал Тоби.

— Тоби?! — Она покачала головой. — Но леди Глен... Она специально попросила...

— Прислать вас. Знаю. Забудьте о ее светлости, — продолжал Майлз, протягивая ей свежий номер журнала «Кантри кроникл». — Взгляните лучше вот на это!

Наташа увидела рекламу на весь разворот: только что на продажу выставлено старинное загородное поместье Хедли-Чейз.

— Ух ты, как красиво получилось!

Низкий туман, в лучах восходящего солнца, окутывал дом золотистой мягкой дымкой, которая удачно скрывала его недостатки.

— Телефон будет разрываться от звонков, — сказала она.

— Читайте, — велел Майлз, кивая на журнал.

— Я и так знаю, что там написано, Майлз. Я ведь сама составляла текст. — Великолепный дом пришел в удручающее состояние от старости и заброшенности. Поэтому Наташа всячески подчеркивала красоту и удобство расположения, возбуждая любопытство потенциальных покупателей. — Вы сами одобрили рекламу, — напомнила она ему.

— Этого я не одобрял, смотрите сами.

Наташа нахмурилась. Неужели какая-то ужасная ошибка ускользнула от их внимания? А ведь речь шла о дорогой цветной рекламе на весь разворот, и она двадцать раз все проверила и перепроверила.

— «Обширное поместье XVII века в живописном месте на Беркширских холмах. Расположено вблизи автомагистрали, по которой легко добраться до Лондона. Это хорошие новости. Плохие новости...» — Она запнулась. Плохие новости? Что за...

— Не останавливайтесь, продолжайте! — Слова были произнесены жестко и уверенно,

но не ее начальником.

Обернувшись, Наташа заметила, что из кожаного кресла у стола Майлза Моргана поднялся незнакомец с темными волосами, в темной одежде, с темными глазами на завораживающем лице, которому, казалось, не хватало какой-то мелочи, чтобы его можно было назвать красивым. Пожалуй, улыбка могла бы поправить дело.

Он буквально излучал силу, хотя здоровяком не был. Но плечи под мятой парусиновой курткой, когда-то черной, теперь вылинявшей, были широкими, а живот под футболкой, свободно свисавшей до узких бедер, — плоским. Руку он положил на высокую спинку кресла, длинные пальцы сжимали кожаную обивку. Ей вдруг пришло в голову, что такие пальцы могли бы вытворять с ней самые немыслимые вещи.

Наташа посмотрела ему в глаза, которые, казалось, видели ее насквозь, и ее затопила горячая волна, зародившаяся где-то внизу живота.

— Наташа!

Окрик Майлза вернул ее к действительности.

— «...плохие новости заключаются в том, что деревянные конструкции прогнили и источены древесным жучком, штукатурка осыпается, а крыша течет. Вне всяких сомнений, продавец предпочел бы снести дом и по-другому использовать землю, но постройка относится к историческому наследию в самом сердце Зеленого пояса, так что это не представляется возможным. В доме есть также великолепная дубовая тюдоровская лестница, но, учитывая вышеупомянутые сырость и древесного жучка, чем раньше вы приедете осматривать дом, тем больше у вас будет шансов успеть увидеть верхние этажи дома».

Она перечитала текст дважды, прежде чем до нее полностью дошел смысл. Сердце билось как сумасшедшее.

— Ничего не понимаю, — сказала она, осознавая, насколько неубедительно звучат ее слова. — Как это могло произойти?

— Действительно, как? — вопросом на вопрос отозвался высокий неотразимый незнакомец. Интересно, кто он такой?

— Хедли, — представился он, словно прочитав ее мысли.

— Хедли? — Ее голос прозвучал хрипло, и не только из-за того, что кровь у нее от мозга прилила к другим, более возбудимым частям тела. Она была потрясена. В доме никто не жил, продажей занимались душеприказчики, и она думала, что живых представителей семьи Хедли не осталось на свете.

— Дарий Хедли, — продолжал он, уловив в ее голосе нотку сомнения.

Дарий Хедли был похож на цыгана или пирата: в ухе блестела золотая серьга, на плечи спадала копна черных курчавых волос. Может, его предки водили караваны на Восток, а оттуда привозили шелка и специи... Поэтому и дали ему имя персидского царя. Во всяком случае, надменности новому знакомому хватало.

Майлз прокашлялся, и она запоздало протянула руку:

— Наташа Гордон. Как поживаете, мистер Хедли?

— А как, по-вашему, я поживаю? — Ее руки он как будто не замечал.

— Я не понимаю, почему так получилось, уверяю вас, произошла какая-то накладка.

— Накладка? — Горящий, словно угли, взгляд прожег ее насквозь. Наташе показалось, что жар поднимается у нее по шее и заливает ей щеки. — Всего лишь накладка? — Он выделил последнее слово.

— Мистер Хедли, серьезные покупатели прекрасно понимают, что с такой

недвижимостью проблемы неизбежны.

— Им бы хотелось осматривать верхние этажи, не рискуя сломать себе шею, — заметил Хедли.

— Наташа! — вмешался Майлз, на сей раз еще более резко. — Вы хотели что-то сказать мистеру Хедли?

— Что? — Она с трудом оторвала взгляд от красиво изогнутых губ Дария Хедли и уставилась на его выдающееся адамово яблоко, после чего ее взгляд метнулся к другим, еще более волнующим частям его тела.

— А, хм, да... Вообще-то, — сказала она, — в доме не одна лестница, так что это не проблема. Кажется, главная лестница в полном порядке... ее надо как следует пропылесосить. — Вздыхнув, она приказала себе встряхнуться. — Я посоветовала душеприказчикам, которые занимаются продажей дома, нанять профессиональных уборщиков, чтобы привести все в порядок.

У Хедли на скулах заходили желваки.

— И что же они ответили?

— Что наймут смотрителя, который за всем проследит.

— Значит, потенциальным покупателям стоит бояться лишь сырости, древесного жучка и протекающей крыши? — Дарий Хедли чуть приподнял бровь, и каждая клеточка ее тела затрепетала.

— Вообще-то, — ответила Наташа, — судя по документам, от древесного жучка избавились много лет назад.

— Мистеру Хедли не нужны оправдания! — рявкнул Майлз. — Он ждет от вас объяснений и извинений.

— Не беспокойтесь; я уже услышал все, что нужно, — сказал Хедли прежде, чем Наташа успела вымолвить хоть слово. — Морган, с вами свяжется мой адвокат.

— Адвокат? Но послушайте же...

Дарий Хедли прервал Наташу на полуслове ледяным взглядом... Наконец, видя, что ей нечего ответить, он кивнул Майлзу и вышел из кабинета. Наташа почувствовала странную слабость. Протянув руку, она схватилась за спинку кресла, на котором он сидел несколько минут назад.

Наташа смотрела в окно. Дарий Хедли переходил дорогу, направляясь к Слоун-сквер. Женщины провожали его взглядами.

Значит, не только на нее он оказывал такое действие.

Неожиданно он остановился, круто повернулся и посмотрел на окно, у которого стояла Наташа... У нее перехватило дыхание.

— Наташа!

Она вздрогнула, повернула голову, а когда снова посмотрела в окно, Хедли уже исчез. Наташа повернулась к окну спиной.

— Вы уже разговаривали с «Кроникл»? — обратилась она к Майлзу.

— После того как со мной связался адвокат мистера Хедли, я первым делом позвонил менеджеру по рекламе «Кроникл». — Майлз подошел к столу, вынул из прозрачного файла лист бумаги и передал ей.

Из «Кроникл» переслали фотокопию одобренного Майлзом текста рекламы. Все совпадало до последней запятой, до галочки рядом с печатью «одобрено» и ее подписи внизу.

— Нет, Майлз. Это не тот текст! — Она подняла глаза.

— Но ведь писали его вы, — возразил Майлз.

— Несколько фраз отдаленно напоминают мои, — признала Наташа.

Время от времени она и правда позволяла себе слегка нарушить общепринятый рекламный стиль. Она выделяла мелкие недостатки, исправление которых не стоит больших денег, но значительно повышает шансы на успешную продажу недвижимости.

— Да бросьте, Наташа! По стилю — ваша типичная «антиреклама».

— Моя «антиреклама» бывает точной и всегда по делу.

— Так вы бы все-таки написали о протекающей крыше?

— Определенно. Пятна на потолке и лужи на полу способен заметить любой покупатель!

— Ну а что там с лестницей?

— Очень красивая — если, конечно, удастся разглядеть ступеньки под слоем пыли и сухих листьев, которые налетели через разбитое окно.

Дом года два пустовал с тех пор, как его последнего владельца увезли в дом престарелых. Из-за болезни Альцгеймера он представлял угрозу для себя самого.

— Смотритель дома — хуже некуда. Мне пришлось самой раздобыть картонку и вставить вместо разбитого стекла, но кусок картона унесет первым же сильным порывом ветра. И, честно говоря, на месте Дария Хедли я бы давно уже избавилась от душеприказчика, похоже, от него нет никакого проку.

Морган молчал.

— Ну, послушайте, Майлз. Вы же знаете, я не посылала этого в «Кроникл».

— Вы уверены? Точно? Как всем нам уже известно, вы работаете с утра до ночи. Во сколько у вас сегодня был первый показ?

— В восемь, но...

— А во сколько вы вчера вечером закончили работать? — Не дожидаясь ответа, Майлз глянул на распечатку из ее ежедневника — несомненно, Джанин позаботилась. Теперь понятно, почему она так улыбалась, — прокол с рекламой! Всем насплетничает... — Последняя встреча была назначена на девять тридцать. Во сколько вы вчера вернулись домой? В одиннадцать? В полдвенадцатого?

Вчера она приехала домой уже за полночь. Покупатели не всегда идеально вписываются в график «с девяти до пяти».

— Покупатели специально прилетели из Штатов, чтобы посмотреть квартиру. Не могла же я сказать им, что мой рабочий день заканчивается в семнадцать тридцать, — заметила Наташа.

— Никто не сможет долго выдерживать такой темп работы без ущерба для себя, — заметил Майлз. — По-моему, вы просто устали и по ошибке послали в «Кроникл» не тот вариант текста.

— Нет...

— Я сам во всем виноват. — Он покачал головой. — Слишком много я на вас навалил.

— Я ничего не перепутала. — Наташа постепенно закипала. Сердце учащенно забилося от злости. Как посмел кто-то подделать ее безупречно составленный текст? — Ведь они прислали подтверждение... Неужели я, по-вашему, не заметила бы, что текст не тот?

— Если у вас вообще было время хотя бы взглянуть на него.

— Время нашлось, — отрезала Наташа. — Я проверила каждое слово. Интересно, о чем

думали в «Кроникл»? Почему такой текст не показался подозрительным никому из отдела рекламы?

— Показался... — Майлз покосился на разворот в журнале. — Они звонили нам двадцатого. Разумеется, разговор записывался.

— Хорошо, так какой же идиот с ними разговаривал?

Он протянул ей листок бумаги, чтобы она посмотрела своими глазами:

— Идиотка по имени Наташа Гордон.

— Не может быть!

— Завотделом рекламы уверяет, что вы сказали: мол, такие тексты — последний писк моды. — Хотя Майлз говорил спокойно, от его голоса у Наташи по спине побежали мурашки. — Все ясно, вы были недовольны тем, что душеприказчики, которые продают дом, не прислушались к вашим советам.

Наташа изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал спокойно, несмотря на то что пульс зашкаливал.

— Никто из «Кроникл» мне не звонил.

— И что дальше? Хотите сказать, что завотделом рекламы «Кроникл» лжет? Или что кто-то выдал себя за вас? Бросьте, Наташа! Кому надо вас топить? — возмутился он.

Она проглотила подступивший к горлу ком. И правда, похоже на бред.

— Хотя в одном вы правы, — продолжал Майлз. — Телефон буквально раскалился добела... — Наташа вздохнула с облегчением, но, как выяснилось, рано. — Звонили редакторы бульварных газетенок, желающие заполучить комментарии.

Она нахмурилась:

— Уже? Номер появился в продаже меньше чем два часа назад.

— Вы же знаете, плохие новости распространяются быстро. — Майлз взял у нее листок с рекламой и бросил его на стол. — Мне кажется, кто-то из сотрудников «Кроникл» подкинул журналистам лакомый кусочек.

— Нетрудно догадаться. А как же Дарий Хедли обо всем узнал?

— Надо полагать, его адвокатам тоже позвонили из редакции.

Наташа покачала головой:

— Единственное, что я могу сказать, — плохой рекламы не бывает. Я имею в виду то, что сказала мистеру Хедли. Если все представить под нужным углом...

— Ради бога, Наташа, перестаньте! По вашей милости и фирма, и мистер Хедли очутились в дурацком положении. Здесь невозможен никакой «правильный» угол! Он снял дом с продажи, хотя мы уже понесли значительные убытки. Теперь Хедли намерен обвинить нас в причинении морального и материального ущерба. Репутации компании «Морган и Блэк» нанесен невосполнимый урон.

— Всего этого можно избежать, если мы сумеем быстро найти покупателя, — не сдавалась Наташа. — Ведь реклама появится во всех воскресных выпусках!

— Я рад, что вы осознаете размер трагедии.

— Нет...

Когда им поручили продать Хедли-Чейз, она навела справки о владельцах в Гугле, однако не нашла интересных сплетен, которые так оживляют колонки в воскресном приложении к журналу о недвижимости. К сожалению, Хедли оказались либо слишком сдержанными, либо скучными сверх всяких ожиданий.

— Ну, послушайте, Майлз, — сказала она. — Вас бы такая реклама не смогла обмануть.

Дом расположен в прекраснейшем месте, а тех, кому хватит на него денег, не отпугнут обычные для всех старинных построек проблемы. — Она и сама понимала, что ее доводы не слишком убедительны. — Я сделаю несколько звонков, переговорю кое с кем... — Она чувствовала себя так, словно разговаривает со стеной, и в негодовании всплеснула руками. — Черт возьми, я сама поеду в Хедли-Чейз, возьму в руки метлу и приведу дом в порядок!

— Вы ничего не будете делать и ни с кем не будете разговаривать, — буркнул Морган.

— Но если я быстро найду покупателя...

— Все, хватит! Хватит! Я забронировал для вас место в клинике «Фэрвью»...

— Что?! В «Фэрвью»? — В клинике, в которой знаменитости лечатся от алкоголизма и наркомании?

— Мы опубликуем заявление, в котором будет сказано, что вы переживаете стресс и нуждаетесь в нескольких неделях абсолютного покоя под надзором медиков.

— Нет. — Болезней и больниц ей в детстве хватило. Сейчас она на минуту не задержится в больнице без достаточно веских на то оснований.

— Все расходы покроет медицинская страховка от фирмы, — убеждал Морган, видимо считая свой аргумент решающим.

— Нет, Майлз.

— И на досуге, — он повысил голос, — подумайте о своем будущем.

— Подумать о моем будущем? — Свое будущее она видела в том, чтобы стать компаньоном фирмы. — Вы, должно быть, шутите, Майлз. Какая-то девица в приемной подставила меня, и вместо того, чтобы...

— Лично мне, — веско проговорил Майлз, — сейчас нужно, чтобы вы пошли мне навстречу.

Она поняла, что Майлзу все равно, каким образом все произошло, он думал лишь о том, как спасти репутацию фирмы. Вот зачем он срочно вызвал ее к себе. Хотел предъявить «жертву» Дарию Хедли. Неудивительно, что она не произвела никакого впечатления на клиента. Не нужна ему голова какой-то дуры, заикающейся и краснеющей, стоило ему лишь на нее взглянуть. Ему нужно возместить убытки, а Майлз решил спасти репутацию фирмы, погубив репутацию Наташи.

— Я переговорил с Питером Блэком, а он обсудил ситуацию с нашими адвокатами. Мы пришли к выводу, что так будет лучше для всех, — заявил Майлз.

— Так быстро?

— Нельзя терять ни минуты.

— И все же... Что за адвокат поддержит откровенную ложь?

— Какую ложь? — вкрадчиво осведомился он. — Даже у лучших из нас случается синдром эмоционального выгорания.

Синдром эмоционального выгорания? Судя по всему, адвокаты уже приступили к действиям. Ее назовут «чрезвычайно ценной сотрудницей»... Из-за огромного объема работы с ней, «к сожалению», случился нервный срыв. Читатели должны понять, что текст, составленный ею, — не более чем бред сумасшедшей.

В результате все будут желать ей скорейшего выздоровления. Майлз, разумеется, надеялся, что она с радостью воспользуется предоставленной лазейкой и спрячется в «Фэрвью». Клиника славилась тем, что надежно укрывала своих пациентов от внимания со стороны прессы.

Наташа поняла, что под вопросом ее дальнейшее пребывание в «Моргане и Блэке». Судя по всему, на карьере можно поставить крест...

— Произошла ошибка, — настаивала она, прекрасно понимая: решение уже принято и, что бы она ни сказала, его не изменить. — Не я это написала.

— Наташа, я изо всех сил пытаюсь замять скандал, причиной которого стали вы. — Майлз говорил спокойно, его лицо ничего не выражало. — В ваших же интересах пойти мне навстречу.

— Не в моих, а в ваших, — возразила она. — Никто не примет меня на работу — если, конечно, вы не имеете в виду, что возьмете меня назад с распростертыми объятиями после курса лечения. И что повышение, которым меня много месяцев манили, как ослика — морковкой, будет меня ждать...

— Я должен в первую очередь заботиться об интересах компании и лишь во вторую — о сотрудниках. — Он тяжело вздохнул. — Пожалуйста, поймите меня правильно.

— Иначе что?

— Наташа... прошу вас. Ну, почему вы не хотите признаться, что ошиблись? Все допускают ошибки. Возможно, вы в самом деле нездоровы. Может быть, даже мистер Хедли проявит к вам... к нам... сочувствие.

— Я этого не делала, — повторила она.

— Мне очень жаль, Наташа, но, если вы не пойдете нам навстречу, мне придется вас уволить без предварительного уведомления за тот вред, который вы нанесли нашей репутации. В таком случае вас ждет еще и иск от фирмы за нанесение злонамеренного ущерба.

— Я не больна, — ответила она, изо всех сил стараясь говорить ровным голосом. — Что касается возмещения ущерба, не думаю, что вы или мистер Хедли слишком преуспеете в суде. Да, рекламный текст существенно отличается от того, что он заказывал... Но это чистая, неприкрашенная правда.

— За исключением жучка-древоточца и лестницы, — напомнил он ей с каменным лицом.

— Ах, вот чем вы собираетесь рискнуть? — спросила Наташа. — Кто знает, что скрывается под всей этой грязью?

Дождаться ответа она не стала. Если начальник предлагает вам выбор между судом и психушкой, продолжать разговор бессмысленно.

Глава 2

Как он посмел? Как, черт возьми, он посмел даже подумать о том, что у нее стресс или она «сгорела на работе»? Майлз прекрасно понимает, что все его предположения — полнейшая ерунда.

Наташу трясло. Выйдя из кабинета Майлза Моргана, она сразу пошла в туалет, поправила прическу, подкрасила губы светлой помадой и направилась к лестнице, по которой с такой надеждой взбегала совсем недавно.

Ее не было всего десять минут, не больше, но Джанин уже ждала ее с картонной коробкой, в которой лежало содержимое ящиков ее рабочего стола.

— Здесь все, — сказала она, злорадно ухмыляясь.

Они никогда не дружили. Выходя с работы, Наташа сразу забывала о Джанин. Но та, хоть и улыбалась, и держалась фальшиво-приветливо, видимо, не знала покоя из-за того, что Наташе больше платят. Конечно, она не думала о том, что Наташа с утра до вечера на работе, что у нее практически нет личной жизни.

Наташа взяла коробку и шагнула к двери.

— Подожди! Майлз сказал...

С ее точки зрения, Майлз и так наговорил достаточно, но, сохраняя невозмутимое выражение лица, она обернулась.

— Он велел забрать у тебя ключи.

Ну конечно. Он же не хочет, чтобы она вернулась ночью, когда здесь никого не будет, и перевернула все вверх дном, чтобы отомстить.

Она поставила коробку, достала брелок с ключами, сняла с него ключ от задней двери офиса и молча отдала Джанин.

— И от машины, — добавила та.

БМВ-кабриолет был наградой, которую Майлз обещал тому, кто выполнит годовой план продаж, что лично он считал нереальным. Она же справилась с задачей на неделю раньше срока. Она очень радовалась успеху и гордилась собой; коллеги ей завидовали. Кто-то нарочно ее подставил?.. Так и правда спятить недолго.

Она сняла ключи с серебряного брелка «Тиффани», который ей подарил на Рождество Тоби. Брелок она убрала в карман, но ключи продолжала держать в руке.

— Сначала достану свои вещи из багажника.

— Я пойду с тобой, — сказала Джанин, шагнув к двери. — Мне нужно убедиться, что машина как следует заперта.

Наташа отперла машину и швырнула ключи Джанин с таким видом, будто ей на все наплевать. Она не доставит им удовольствия! Не станет плакать и жаловаться. В конце концов, речь идет всего лишь о машине. Вскоре она получит ее обратно, как только Майлз снова начнет думать головой.

Она опустошила бардачок, достала из багажника резиновые сапоги, старинный воцненный дождевик, купленный в благотворительном магазине, зонтик. Сложив все в коробку, потянулась к сумке с ноутбуком.

— Я его забираю, — сказала Джанин.

— Мой ноутбук? — Наташа наконец повернулась к Джанин лицом. — Это Майлз велел тебе его забрать?

— У него и так забот хватает, — ответила Джанин, вызываяще тряхнув головой. Значит, не Майлз.

— Действительно. Когда я выясню, кто заварил всю кашу, у него забот еще прибавится, и не только у него. А пока что, — сказала она, перекидывая ремень через плечо и поглаживая мягкую кожаную сумку, в которой лежал ее драгоценный MacBook Pro, — если он спросит, напомни, что ноутбук я купила на свою премию за январь.

Джанин, пойманная на лжи, густо покраснела, но победа Наташи была недолгой.

— Здесь такси ждет, чтобы отвезти тебя в «Фэрвью», — сказала она, круто разворачиваясь и направляясь обратно в офис.

Наташа посмотрела на черную машину, стоящую у обочины с включенным двигателем. Несмотря на обилие вещей, которые загромождали руки, ее так и подмывало сбежать по направлению к ближайшей станции метро, но оценить ее жест было некому — разве что автоинспектору. Поэтому она села в такси и назвала водителю свой домашний адрес.

Водитель обернулся:

— Мне оплатили поездку до «Фэрвью».

— Сначала мне нужно домой, — ответила она с каменным лицом. — Взять пижаму и зубную щетку.

Дарий быстро шагал по Кингс-Роуд к метро. В нем бурлила ярость. Ему хотелось уйти как можно дальше от Наташи Гордон.

Досадная накладка? Из-за нее дом теперь невозможно будет продать! А ему придется платить налог, который выражается цифрой с шестью нулями... Интересно, что в ее глазах представляет крупную неприятность? В ее васильковых глазах... А волосы у нее взъерошены, словно она только что вскочила с постели... А фигура — сплошные изгибы! Она невероятно сексуальна...

Спустившись в метро, он достал маленький альбом для эскизов, который всегда носил с собой. Он рисовал то, что видел своим внутренним взором, — Наташу Гордон. Ее широко распахнутые глаза, изогнутые брови, локон, выбившийся из-под старинной серебряной заколки, складочку в углу рта, которая появилась, когда она улыбнулась, протягивая ему руку. Он помнил ее всю до мельчайших подробностей. И румянец, выступивший у нее на щеках, и тонкую цепочку на шее, исчезающую в ложбинке между манящими полными грудями. И длинные ноги.

Дарий задумался, представляя, как бы он нарисовал ее, вылепил... Когда наконец поднял глаза, оказалось, что он давно проехал свою станцию.

— Это замечательный дом, Дарий. — Пэтси, отложив документы, заварила им чай. — Масса места! В одной из построек можно оборудовать студию, — сказала она. — Почему бы тебе не поселиться там? Если вежливо попросишь, я тоже перееду к тебе и буду вести твое хозяйство...

— Ты и еще целая армия?

Он покосился на фотографию дома в «Кроникл». Дом построили в тюдоровском стиле; позже предки пристраивали крылья и флигели, а вкусом обладали не все. На снимке Хедли-Чейз показан с лучшей стороны. Деревянный фасад, розы, которые скрывают недостатки. Слева, чуть в стороне от дома, растет кедр, посаженный в честь коронации королевы Виктории.

Идеальный снимок! Его сделали в самое лучшее время, и день был подходящий: золотистый туман, поднимающийся с реки, придавал местности неземное очарование, возвращающее в дни его школьных каникул и утренней рыбалки с дедушкой.

— Там комнат двадцать, не меньше, — заметил он, возвращаясь к работе над броней рыцаря, который сидел на коне и собирался брать барьер. — А еще кухня, буфетная, кладовки и холодный чердак, где хозяйева селили прислугу.

Плюс полдюжины коттеджей, в которых живут бывшие работники поместья — он никак не мог их выселить, и лодочный сарай, чьи лучшие дни миновали примерно двадцать лет назад.

— Так что ты собираешься делать?

— Может, свернуть этой дрянной девчонке шею? — предложил он, и ему сразу представилось, как его ладонь ложится ей на затылок. Он даже ощутил шелковистость ее кожи и ванильный аромат, который никак не мог забыть...

— В газете написано, что у нее было что-то вроде нервного срыва, — запротестовала Пэтси.

Пэтси была вдовой, работала помощницей в нескольких близлежащих фирмах, чтобы достойно содержать своего десятилетнего сына. У Дария она приводила в порядок книги и документы, следила, чтобы в его холодильнике всегда было свежее молоко и холодное пиво, и поддерживала порядок в его жизни. Обратной стороной медали было то, что она, словно средневековый странствующий менестрель, разносила по всей округе сплетни, каждый раз добавляя к своей истории что-то новое. Он не сомневался, что Хедли-Чейз невероятно разнообразил ее репертуар в последние дни, и соседи жадно ждут продолжения.

— Только не говори, будто ты веришь всему, что пишут в газетах.

— Конечно же не верю, — ответила Пэтси, — но суть статьи в том, что у нее нервы не в порядке... Уж они бы не стали врать о таком, верно?

— Да ну? Она была в полном порядке, когда я ее видел, — возразил Дарий. — По моему, при помощи истории с нервным срывом Морган и Блэк хотят свалить всю вину на нее и сделать вид, будто фирма здесь ни при чем.

— Это возмутительно. Ей надо вчинить им иск!

— Она не потрудилась отрицать это, — заметил он.

— Может быть, ее адвокат посоветовал ей молчать? Как она выглядит? Ты не говорил, что видел ее.

— Поверь мне, — сказал Дарий, — я изо всех сил стараюсь забыть о нашей с ней встрече. — Забыть свою мгновенную реакцию при одном взгляде на нее, зов ее чувственного тела, вызывающего желание обнимать ее и дарить ласки...

Хорошо, что она сейчас вне пределов досягаемости, в клинике «Фэрвью», где подыгрывает Моргану, надеясь, что он не прогонит ее с работы...

— Может быть, у нее была анорексия? — вслух размышляла Пэтси. — В прошлом. — Сама она могла похвастаться не только богатой душой, но и богатым телом.

— Ни в коем случае. — Дарий покачал головой, вспомнив восхитительный момент, когда Наташа Гордон протянула ему руку для приветствия, и блузка на ней на мгновение распахнулась, давая возможность постороннему взгляду оценить то, что за ней скрывается. — Наташа Гордон щедро одарена всеми прелестями доярки.

— Доярки?

— У нее большие голубые глаза, густые белокурые волосы и кожа цвета сливок... или

чайной розы. Поверь, она не похожа на женщину, которая питается только листьями салата.

— Ох. — Пэтси бросила на него многозначительный взгляд. — А эта доярка извинилась, сделав прелестный реверанс? — спросила она, демонстрируя знакомство с жанром.

— Судя по всему, текст она даже не читала. — Ни извинений, ни оправданий... — И назвала случившееся «досадной накладкой».

— Правда? Ты действительно уверен, что у бедной женщины все в порядке с головой?

— Она так же здорова, как и я — разумеется, на первый взгляд. — В последнее время Дарий сильно сомневался в своей психической полноценности. Доярки, розы... Будь он циничнее, он бы при прощании намекнул, что отвлечь его от мыслей о суде она может при помощи своего обаяния и распахнутой блузки. Не стоит даже мечтать о том, насколько далеко она могла бы зайти, чтобы этого добиться.

— Наташа, отец очень беспокоится за тебя. Ты так напряженно работаешь, и этот стресс... ну... сама понимаешь... — Мама никогда не высказывала вслух того, о чем на самом деле думала. — Он считает, что тебе стоит на некоторое время приехать домой, чтобы мы могли о тебе позаботиться.

Наташа вздохнула. Она знала: что бы она ни говорила, родители отчасти верят в историю, растиражированную газетами, и думают, что они с самого начала были правы. Быть дома для нее безопаснее.

— Мам, я в порядке.

— Том считает, что небольшой перерыв пойдет тебе на пользу. Мы сняли дом в Корнуолле на каникулы.

Интересно, а чего она ожидала? Отец беспокоится, брат на правах врача «прописал» ей недельный отдых на море, а мать пыталась всем угодить.

— Ты же всегда так любила там бывать и уже сто лет не видела племянниц. Не представляешь, как они выросли!

Ей двадцать пять, и она проведет каникулы с семьей. Днем будет строить замки из песка вместе с племянницами, а по вечерам играть в «Монополию» или в «Угадай слово». Не правда ли, заманчивая перспектива?

— Я видела их на Пасху, — напомнила Наташа.

— Дорогая...

— Мама, вы все неправильно поняли. Я совершенно здорова.

— Точно? Ты принимаешь витамины, которые я тебе прислала?

— Никогда не забываю.

— Ты хорошо питаешься?

— Да, хорошо и полноценно.

Приехав на такси домой, она первым делом подошла к холодильнику и достала ведерко клубничного мороженого. Поедая его, она села за компьютер и открыла файл с написанной ею рекламой, чтобы в случае, если дело дойдет до несправедливого увольнения, у нее на руках было письменное доказательство того, что она сделала на самом деле. Но на экране она увидела все то же самое, точь-в-точь то, что пошло в печать. Она ничего не понимала.

Или она действительно сходит с ума, или кто-то в самом деле хорошо постарался, чтобы ей навредить. Не только подменил оригинал, подделал печать и перехватил адресованный ей телефонный звонок, но и взломал ее ноутбук и изменил документ, чтобы у нее не было

доказательств ее правоты.

Это мог сделать только один человек. Человек, который не предупредил ее о том, что возвращается из заокеанского турне на неделю раньше, который не поспешил к ней с пиццей, бутылкой кьянти и шоколадкой, как только обо всем узнал. Он не позвонил и не поинтересовался, как она себя чувствует.

Он получил повышение, которое по праву должна была получить она! Тоби Дентон, ее коллега, пользующийся особыми привилегиями!

Наташа никогда бы не подумала, что ее подставил этот здоровенный блондин-регбист ростом под два метра, для которого работа — лишь досадная помеха в жизни... Он мечтал стать профессиональным спортсменом... Неужели ему хватило ума, чтобы уничтожить ее с помощью такого хитрого плана?

Он был энергичен, только когда бегал по игровому полю, а в остальное время отличался полнейшим равнодушием к происходящему. Когда ему требовалась помощь — Наташа единственная, кто откликнулась на его зов. Она сама дала ему пароль от своего ноутбука, чтобы он мог, когда требовалось, проверять рабочий график. Как правило, по утрам он забывал, где именно и когда ему нужно было появиться.

Объявление о его назначении компаньоном появилось на сайте фирмы «Морган и Блэк» на следующий день после того, как Наташа вышла оттуда, неся в руках коробку с содержимым ящиков своего рабочего стола. Фотографии с корпоративной вечеринки появились в блоге еще через день. Тоби постарался на славу! Она аплодировала бы ему стоя, если бы ради своего повышения он не принес в жертву ее.

— Наташа! — окликнула мать. — Ты там что, печешь?

— Пеку? Нет... — Ей стало совсем плохо. — Мне нужно идти. Я жду звонка. Желак вам хорошо провести время в Корнуолле.

«Жду звонка»... Кто бы ей сейчас позвонил? Да, она действительно кое-что испекла... Наташа окинула печальным взглядом выстроившиеся на рабочем столе кухни кексы с имбирем, лимоном, маракуйей и торт, который нужно было намазать кремом. Этим она всегда отвлекалась от дел.

А перед глазами снова и снова вставал Дарий Хедли. Его руки. Золотая серьга блеснувшая из-под темных кудрей... Сумасшествие.

Ладони вспотели, глаза щипало, у нее не было работы, и никто ей не звонил. Еще неделю назад каждая крупная фирма мечтала заполучить ее к себе, а теперь она стала персоной нон грата. Ей придется очень нелегко. Она должна доказать всему миру, что по-прежнему лучшая из лучших. И ее голова все же работала, она видела решение.

Она должна найти покупателей для Хедли-Чейз. Придется ей встретиться с мужчиной, под взглядом которого она тает, как желе. Но душеприказчик, занимавшийся продажей дома, ясно дал ей понять, что продавец больше не желает иметь с ней дела.

Чем больше она думала о Дарии Хедли, тем яснее ей становилось, как тяжело ему приходится. И почему он вынужден продать дом, в котором его предки жили четыреста лет? Если у него не хватает денег на содержание дома, все понятно, ведь налоги на такое имущество убийственно высоки. И нетрудно догадаться, почему он пришел в ярость. Ведь по ее милости, как считает Хедли, он вынужден сам всем заниматься.

Скорее всего, она будет единственной, кто предложит ему помощь. А уж Хедли, несмотря на чувства, которые у нее вызывал, — точно ее единственная и последняя надежда.

К счастью, все, что касалось Хедли-Чейз, она сохранила в особой папке в своем

ноутбуке. Не хватало одного — контактных данных Дария Хедли.

Она погуглила Хедли-Чейз в надежде наткнуться на какую-нибудь семейную сплетню, которую растиражировали бы все издания, посвященные недвижимости, но ей не повезло. Наташа уже не надеялась, что найдет хоть сколько-нибудь ценную информацию и о самом Дарии Хедли. Она ввела его имя в поисковую строку — на всякий случай.

На экране появилась целая вереница ссылок и картинок, и она нажала на одну из них. По иронии судьбы, это была фотография с одного из светских мероприятий для «сливок» общества, которые освещала «Кантри кроникл». Подпись под фотографией гласила: «Победитель конкурса скульптор Дарий Хедли в художественной галерее «Серпентайн...»

Так он — скульптор? Тогда все понятно: и грубые ботинки, и потрепанные джинсы.

Галстук у него на шее чуть распушен, воротник расстегнут. Он не обращал внимания на фотографа; он смеялся над кем-то или над чем-то. Кстати, она оказалась права: его лицу для привлекательности не хватало всего лишь улыбки. Он был похож на дьявола, но дьявола, у которого был хороший день. Наташа коснулась пальцами экрана, провела по его губам.

— Ох... — вздохнула она. — О-хо-хо...

Узкий переулок, по которому шла Наташа Гордон, был застроен самыми разными зданиями. Она знала лишь название улицы, но не сомневалась, что легко найдет студию именитого, награжденного различными премиями скульптора. И ошиблась. Она дошла до глухого конца переулочка, не заметив ни единого признака студии: развернувшись, столкнулась лицом к лицу с женщиной, которая пристально изучала ее, сощутив глаза.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила незнакомка.

— Да, надеюсь... Я ищу Дария Хедли. Мне сказали, что его студия на этой улице.

Незнакомка окинула ее долгим, задумчивым взглядом. От нее не ускользнул серый костюм, который Наташа надевала на деловые встречи и теперь надеялась, что с его помощью сумеет противостоять «электрическим волнам», возникшим между нею и Хедли в кабинете Майлза.

Закончив пристально осматривать ее, незнакомка осведомилась:

— Дарий ждет вас?

— Он наверняка мне обрадуется, — ответила Наташа, мысленно скрестив пальцы на удачу. — Вы его знаете?

— Конечно. — Женщина расплылась в улыбке. — Я всех знаю. Даже вас, Наташа Гордон.

Стараясь не показывать изумления, Наташа последовала за женщиной обратно, к старым, ржавым воротам гаража. Женщина достала толстую связку ключей и отперла боковую дверь.

— Дарий! — крикнула она, оставив дверь открытой.

Наташа устремилась за ней следом.

— Сегодня у тебя подходящее настроение для доярки?

Доярки?!

Откуда-то сверху громко пробурчали:

— Не сейчас, Пэтси.

Наташа задрала голову. Дарий Хедли стоял на высокой стремянке и ваял круп скачущей лошади.

— Ты по-прежнему хочешь свернуть ей шею? — не отставала Пэтси.

— За неделю ничего не изменилось, — ответил он, отклоняясь назад, чтобы посмотреть на результаты своей работы, — но не волнуйся, эта чертова лошадь меня доконала так, что наносить кому бы то ни было тяжкие телесные повреждения я уже не в настроении.

— Значит, если я ее впущу, ей ничто не грозит?

— Когопустишь?.. — Он повернулся, и Наташино сердце сделало сальто при взгляде на него.

— Ты описал ее очень правдоподобно. Очень! — добавила Пэтси с широкой улыбкой. — Конечно, мне помогло и то, что ты в последние дни рисуешь ее на каждом свободном клочке бумаги.

— Пэтси...

— Я увидела, как она ходит туда-сюда по улице в поисках твоей студии. Табличка с твоим именем на двери была бы как нельзя кстати, — заметила Пэтси, по-видимому несколько не напуганная его рычанием.

— Табличка привлечет зевак, которые помешают мне работать, — ответил Дарий, глядя поверх головы Пэтси на дверь.

У порога, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, стояла Наташа.

Может быть, это солнечный свет, пробивавшийся сверху, сделал его глаза похожими по цвету на расплавленное олово. Они прожигали ее насквозь. Ноги девушки сделались ватными...

Он был великолепен: выцветшие, запачканные глиной джинсы в обтяжку, кудрявые волосы, черные, как вороново крыло, мускулистые плечи. И руки...

— Мистер Хедли, догадываюсь, что я — последний человек на Земле, с кем вам сейчас хочется разговаривать, — быстро произнесла Наташа, не дожидаясь, пока он велит ей проваливать, — но, если у вас найдется десять минут, у меня к вам есть предложение.

— Предложение?

Дарий посмотрел вниз. В полумраке отчетливо выделялась фигура Наташи Гордон, похожая на песочные часы, подчеркнутая светом, отраженным от плоских крыш...

— У вас найдется для меня десять минут? — повторила она.

Сверху он видел, как прижимаются друг к другу ее пышные груди в вырезе блузки. Она подняла руку и прикрыла глаза от света, падающего вниз сквозь стеклянный потолок.

— Давайте присядем, — предложила она, поднимая вторую руку, в которой держала белую коробку, перевязанную ленточкой. — Я принесла домашний пирог, сама испекла. Я даже заварю чай.

Он взял влажную тряпку и вытер руки. Вообще-то следовало бы послать ее куда подальше, но часто ли получаешь заманчивые предложения от сексапильной красотки, которая к тому же принесла с собой пирог?

— Надеюсь, печь вы умеете... вы или ваша мама, — заметил он.

Пэтси удовлетворенно кивнула, видимо сообразив, что они, оставшись наедине, не перережут друг друга, и ушла.

— Разве я могла бы принести с собой что-нибудь, что было бы не идеально? — спросила Наташа.

«Да уж...» — подумал Дарий. Она не пожалела усилий...

— Как вы нашли меня?

— Разве это важно?

— Представьте, важно. — Он спустился на одну ступеньку, и она глубоко вздохнула.

— Поискала в Интернете, — ответила она. — И довольно быстро нашла Дария Хедли скульптора, отмеченного наградами, который в данный момент работает над бронзовой скульптурой в натуральную величину. Вы получили престижный заказ изобразить одну из величайших скаковых лошадей всех времен. — Она нарочно забрасывает его подробностями, чтобы он забыл, о чем спрашивал. Ему знакома такая манера. Его дед тоже умел мастерски уводить разговор в сторону, если ему задавали неудобные вопросы. — Там и фотография была, — добавила Наташа.

— Моя? — Дарий спустился еще на одну ступеньку вниз.

— Лошади. В «Рейсинг таймс». Ваши фотографии — большая редкость. У вас даже нет своего сайта. — В ее устах фраза прозвучала как упрек.

— Меня это устраивает.

— Да...

Наташа отвернулась, давая им обоим передышку. Озираясь по сторонам, она увидела

целую кучу фотографий лошади во всех ракурсах — стоящей, галопирующей, в прыжке. Снимки были развешаны на всех стенах. Она подняла голову и оглядела статую. Дарий вял лошадь, которая готовится прыгнуть.

— Знай я, кто вы, когда ваш дом выставили на продажу, — сказала она наконец, — воспользовалась бы кое-какими сведениями, чтобы привлечь внимание журналистов. Владельцы скаковых лошадей — одни из самых богатых людей в мире, к тому же имение Хедли-Чейз расположено недалеко от крупного тренировочного центра...

— Вы дали журналистам достаточно пищи для ума безо всякой помощи с моей стороны, — урезонил ее Дарий. — Кстати, я спрашивал не о том, где вы узнали о моей студии, а от кого, — с нажимом произнес он, давая понять, что его невозможно одурачить.

Она печально улыбнулась. Уголки губ дернулись вверх.

— Кстати, «где» — гораздо сложнее. Выяснить адрес — только полдела. Если бы не Пэтси, я бы до сих пор искала вас.

— И все-таки? — не сдавался он.

— Извините, мистер Хедли. Агент по недвижимости никогда не раскрывает своих источников.

— У какого-нибудь журналиста? — Нет, вряд ли, подумал он. — Сейчас журналисты явно не на ее стороне... Читая между строк, можно было заметить, что все предполагали, будто бы ее «крах» был вызван оголтелым стремлением к успеху. Кое-кто даже намекал, что она подпитывала свою энергию кокаином. — Может быть, галерист, торговец произведениями искусства? — продолжал Дарий. Галерист, сраженный ее голубыми глазами и расстегнутой верхней пуговицей на блузке? Нет... Кто там недавно купил новый дом? — Фредди Гловер несколько месяцев назад праздновал новоселье, — заметил он.

Наташа не подтвердила и не опровергла его предположение, и он оставил ее в покое.

— Если вы пришли, чтобы извиниться...

— Я уверена, что Майлз уже устроил ритуальное пресмыкательство, но, если вы настаиваете, я тоже могу изобразить раскаяние, — предложила она.

Она слегка взмахнула рукой, подчеркивая свою искренность, и ему показалось, будто все ее тело замерцало.

Наташа выжидательно смотрела на него, но он молчал, стараясь овладеть собой.

— Мне, разумеется, очень жаль, что все так случилось, но к вам я пришла не для этого.

— Зачем же вы пришли? — спросил он. Ему ужасно не нравилось, что его так сильно волнует эта женщина. — Ради бога, войдите и закройте дверь, если вы остаетесь. Не съем же я вас...

По лицу девушки нельзя было сказать, что его слова ее полностью убедили, но она закрыла дверь, а потом подошла к нему, медленно покачивая бедрами. Такая походка вышла из моды лет пятьдесят назад. Примерно тогда же, когда вышла из моды ее фигура, похожая на песочные часы.

Дарий заметил, что она постаралась скрыть свои прелести под строгим сереньким костюмчиком. Но юбка льнула к ее бедрам и была на целую ладонь короче, чем требовалось для деловой дамы. Такая длина выгодно подчеркивала ее стройные ноги на случай, если бы он забыл остановить взгляд на глубоком вырезе ее блузки. Если она хотела выглядеть серьезно, ей точно следовало выбрать блузу поскромнее.

Волосы девушка собрала в свободный пучок на затылке. Весь его вид — откровенная провокация! Его так и тянуло вытащить шпильки и полюбоваться ее белокурыми волосами,

разметавшимися по плечам.

Она остановилась, подойдя к стремянке, и устремила свой взгляд вверх, на него. Видимо, она тоже почувствовала, что его провоцировать опасно, и замерла в нерешительности.

К черту пирог! Он готов проглотить ее саму...

— Ну? — неожиданно рявкнул он, разозлившись на нее за то, что она его отвлекает. Он и на себя злился: ведь ему приятно, что она его отвлекает! И за то, что он обрадовался, когда увидел ее. Если, конечно, за всем не стоит Морган. Придумал коварный план: подослать к нему секс-бомбу, чтобы отвлечь от мыслей о взыскании компенсации.

Наташа провела языком по верхним зубам, потому что во рту у нее пересохло. На мгновение она забыла, зачем явилась в студию Дария Хедли.

— Так что же вам нужно, Наташа Гордон?

Она посмотрела вверх и увидела в его взгляде отражение своих смятенных чувств. Еще миг — и все завертится совершенно непредсказуемым образом.

— Конкретно от вас, мистер Хедли, мне не нужно ничего, — скороговоркой произнесла она. — Совсем наоборот. Я собираюсь оказать вам услугу. Хочу продать ваш дом.

— Мисс Гордон...

— Знаю, знаю. — Она подняла руки вверх, словно сдаваясь. — С чего бы вы стали мне доверять, особенно после фиаско с рекламой.

— Насколько я понимаю, вы намерены продолжать, как бы я ни отнесся к вашему предложению? — спросил он.

— Вы совершенно правы.

Она сняла с плеча сумку с ноутбуком и положила ее к своим ногам, словно «бросая якорь» в его студии. Коробку с пирогом она поставила на верстак, рядом с аккуратно разложенными инструментами.

Дарий наконец спрыгнул со стремянки.

Наташа опасливо покосилась на возвышающуюся над ней скульптуру. Стараясь не смотреть на Дария, она обошла скульптуру лошади со всех сторон, внимательно рассматривая ее. Очутившись на безопасном расстоянии, она позволила себе посмотреть на Хедли.

— Я видела вашу инсталляцию снаружи галереи «Тейт модерн». Дом.

— Вижу, вы неплохо подготовились, — заметил он.

— Просто проходила мимо. Я не знала, что это ваше, пока не увидела в Интернете. Ваш дом... показался мне несколько мрачным.

— Критиковать может каждый.

— Нет... Он красивый. Просто... В общем, внутри не было людей, а без людей дом бездушен.

— А может, я именно это и имел в виду, — заметил он.

— Правда? — Он не ответил, и она снова посмотрела на лошадь. — Она... большая.

— Я сделаю уменьшенную копию ограниченным тиражом.

— Как раз подошло бы для каминной полки, — брякнула Наташа, не подумав, и тут же пожалела о сказанном. — Простите, я сказала глупость. Я немного нервничаю.

— Не удивительно. Неужели Майлз Морган решил, что меня можно купить за кусок пирога и возможность созерцать ваше декольте?

— Что? — Она посмотрела на верхнюю пуговицу своей блузки, но та была на месте.

Пока. — Майлз меня не посылал. Что же касается моего декольте... — Она пожала плечами, пытаясь успокоиться. — Когда продаешь дома, самое главное — создать образ. Подготовить почву, произвести первое впечатление, привлечь внимание зрителя и удержать его. — И подумала, что сейчас она продает не дом, а саму себя... — В последнее время я увлеклась кулинарией и съела слишком много своей выпечки.

— И сейчас хотите поделиться.

— Я подумала, что-нибудь сладкое поможет растопить лед.

Лед? Никакого льда не было и в помине. Кровь застучала у него в ушах; ему показалось, что внутри его все закипает. Он целую неделю рисовал эту женщину, как одержимый, стремясь выкинуть ее из головы.

Ему хотелось рисовать и рисовать ее, пока он не увидит ее такой, какая она есть, пока не поймет, о чем она думает, что чувствует.

— Что там у вас? — спросил он.

— Я не знала, что вы любите, поэтому принесла несколько на выбор, — ответила она, глядя на него. Ему показалось, что между ними прошел электрический разряд. — Несколько кексов... Лимонный, шоколадный, кофейный, имбирный... и еще с маракуйей, «плодом страсти».

Из коробки соблазнительно пахло ванилью, и он сразу вспомнил детство.

Ему с трудом удавалось не поддаться искушению, поднять взгляд и посмотреть на ее соблазнительную грудь. Неужели он такой же, как его отец? Неужели и для него страстное желание обладать женщиной способно вытеснить из головы все прочие мысли? Одна женщина заслонила собой целый мир.

— Вижу, мисс Гордон, вы не преувеличивали, сказав, что увлеклись кулинарией, — сказал он, беря первый кусок, который попался в руки. — Печь вам порекомендовали в «Фэрвью», так сказать, в качестве трудотерапии?

— Прошу вас, называйте меня Наташа. Мне так больше нравится.

— Охотно. — Он слизнул сахарную пудру с большого пальца, и Наташа залилась поистине девичьим румянцем.

— На вашем месте я бы очень злилась. Честно говоря, я тоже злюсь. Не очень-то приятно было звонить родителям и предупреждать, что они, и их соседи, и вообще все, кого они знают, прочтут о моем нервном срыве в вечерней газете. Что к ним в дверь будут звонить и ломиться репортеры. Что они, кстати, не замедлили сделать.

— Никаких комментариев.

Улыбка стала чуть шире, на щеке появилась крошечная морщинка.

— Кстати, насчет «Фэрвью» все неправда... Через пятнадцать минут после вашего ухода мы с Майлзом Морганом расстались.

— Он вас уволил? Я не очень хорошо разбираюсь в трудовом праве, но уверен, что он поступил противозаконно. Он не имел права вас увольнять, пока вы больны.

— Возможно, вы и правы, — признала она, — но я отказалась идти ему навстречу и притворяться, будто у меня нервный срыв. И не стала прятаться в «Фэрвью», чтобы спасти репутацию фирмы.

— Я читаю газеты.

— Все читают газеты, — ответила она. — Предполагается, что сейчас я даю отдых усталым мозгам и обдумываю свое будущее.

— Вы ничего не отрицали, — заметил он.

— Мне бы ничего не помогло. Я не сумасшедшая. Меня подставили! Потом он перешел к угрозам, что подаст на меня в суд за злонамеренный ущерб... — хрипло продолжала она. Зрочки стали огромными.

Он невольно подумал: что она будет делать, если он схватит ее руку и приложит к молнии на своих джинсах? Если он вопьется в нее поцелуем?

— В общем, мне показалось, что оставаться там бессмысленно.

Он отвернулся, подошел к чайнику, встряхнул его, проверяя, достаточно ли воды, включил. Что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей, роящихся у него в голове. Тех же мыслей, что выгнали его из кабинета Майлза Моргана, только еще более энергичных.

У него не было проблем со связями «на одну ночь». Ни к чему не обязывающий секс, просто хорошее времяпрепровождение, которое не задержится в воспоминаниях надолго. Сложности начинались, если включить голову. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она осталась. Но и прогнать ее он тоже не мог...

— Похоже, вы хотите отрицать, что Хедли-Чейз заражен древесным жучком, — сказал он, бросая в кружки чайные пакетики. Сделав над собой усилие, он перевел разговор снова на дом. — Об этом раструбили во всех газетах. Кто же вам теперь поверит, даже если вы станете утверждать обратное?

— Верно... Хотя это и не так, — сказала она, видимо, с таким же жаром, как и он, возвращаясь к делу. — Дом не заражен жучком. Правда, в последние годы он пребывал в запустении, надо подлатать крышу, но самое главное — реклама привлекла к нему внимание, — сказала она серьезно, как будто в этом было что-то хорошее. — Мою фотографию перепечатали все воскресные приложения о недвижимости.

— Вашу фотографию? — Он взмахом руки указал ей на старый диван, на котором он спал, когда работал допоздна и слишком уставал для того, чтобы пройти сто шагов до дома. — Разве у Моргана нет профессионального фотографа?

— Есть, конечно, и он старался, как мог, передать красоту интерьеров, но в тот день, когда мы выехали на съемку, дождь лил как из ведра, и, как он ни бился с фотошопом, ничего не выходило, — призналась она, садясь на старые продавленные диванные подушки. — Сроки поджимали, поэтому в выходные, когда погода наладилась, я сама поехала на место и сделала несколько снимков.

— У вас хороший глаз.

— На самом деле я сделала несколько сот кадров. И выбрала один.

«Не просто выбрала», — подумал он, доставая молоко; он должен был чем-то занять руки. Она не жалела своего времени. Если, конечно, верить ее словам...

— Какая жалость, что издания о недвижимости не ограничились публикацией фотографии.

— Этого и быть не могло. Она была так хороша, что к ней непременно должен был быть написан текст, это была превосходная возможность для рекламы. Если бы Майлз не запаниковал...

— То что? Что бы вы сделали?

— Ну, для начала наняла бы уборщиков за счет фирмы. Затем я бы пригласила редакторов изданий о недвижимости на ланч в близлежащем пабе, а когда они вдоволь налюбуются окрестностями, я бы медленно-медленно повезла их к дому, чтобы они в полной мере насладились видом.

— А потом?

— Я нисколько не сомневаюсь, — сказала она, — что за неделю нашла бы вам покупателя.

Ее улыбка была лучезарной.

— Несмотря на шаткую лестницу и протекающую крышу? — не отступал он.

— Дождя не было целую неделю.

— Но жара не может длиться вечно.

— Верно, и поэтому мы должны сейчас же взяться за дело. У Хедли-Чейз столько возможностей! — продолжала она. — Я даже не представляла, сколько там всевозможных хозяйственных построек, пока сама не увидела... Конюшня, маслобойня... ну, а во многих ли имениях есть своя пивоварня?

— Во всех больших имениях в прежние времена имелись свои пивоварни; тогда пить пиво было безопаснее, чем воду.

— Наверное, но их ведь можно превратить в мастерские, гостевые домики и офисы. Майлз обычно соображает гораздо быстрее... — Между ее бровями залегла крошечная морщинка. — Это я виновата.

— А не он?

— Все немного сложнее, чем вы думаете. — Она поставила локоть на подлокотник дивана, подперев подбородок рукой, давая ему возможность увидеть свои прелести под другим углом. Чтобы отвлечься, он взял коробку с пирогами и протянул ей. — Вы все еще хотите продать дом? — спросила она, наклоняясь вперед и пытаясь при помощи считалочки выбрать кусочек, указывая на каждый поочередно пальцем с ярко-красным ногтем.

Тоже способ отвлечься.

— Я решил, что вас послал Морган, чтобы заставить меня отказаться от идеи обратиться в суд, — сказал он, позволяя себе очередной взгляд на ее блузку. В вырезе мелькнул кружевной бюстгальтер — такая картинка способна спровоцировать пробку на дороге! Кровь в нем закипела.

Она подняла на него взгляд, поскольку он замолчал.

— Вы до сих пор так думаете?

Думает? Кто здесь думает... Он покачал головой:

— Нет. Вы настроены деловито. Бизнес есть бизнес.

Она подняла взгляд. На сей раз она не улыбалась. На ее лице была написана решимость.

— Это не бизнес, это — личное. Ваши дела с «Морганом и Блэком» меня не касаются. Я с вас ничего не возьму. — Она снова коротко пожала плечами, и, когда закинула ногу на ногу, его мысли опять потекли по совершенно иному руслу...

— Может быть, вы предпочитаете посидеть пару лет и подождать, пока уляжется суета?.. — предположила она, откусывая кусок лимонного бисквита, Белоснежные зубы, губы, похожие на лепестки роз...

А он уже хотел нарисовать ее обнаженной, вылепить ее роскошное тело из глины, изучить ее формы руками, а затем воссоздать их.

— Вы, должно быть, очень везучий, — невозмутимо продолжала она, как будто не догадываясь о том, какое действие производит на него и в каком смятении его мысли. — У риелторов намечается бурная неделя; вряд ли они будут долго мусолить эту новость. Прочтите настоящий текст. — Она доела пирог и слизнула крошки с кончиков пальцев. — Ну а уж что за всем последует, решать вам.

— Наташа, вы забыли, что я уже читал вашу рекламу.

— Нет, мистер Хедли. Вы видели результат того, что сделал с моим текстом человек, который меня подставил, чтобы получить повышение, ради которого я работала, не жалея сил и не считая часов.

— Дарий, — поправил он, чувствуя, что над его верхней губой выступили капельки пота. — «Мистером Хедли» меня называет только мой бухгалтер.

— Хорошо, Дарий. Так вот, говоря, что дело немного сложнее, чем вы думаете, я имела в виду настоящие сложности. — Она взглянула на него, в ее глазах он увидел отчаяние. — Путаница с рекламным текстом — не случайная ошибка.

— Не ошибка, значит?

— Нет, — сказала она. — Но мишенью подставы была я, а вы оказались случайной жертвой.

— Случайной?.. — повторил Дарий, заново осмысливая все, что она сказала. — Вы хотите сказать, что все это было подстроено?

— Мне действительно очень жаль, — повторила она.

— И наполовину так не жаль, как мне! — Или как будет Майлзу Моргану, если ее слова окажутся правдой. — И что? Тот человек получил повышение, на которое рассчитывали вы?

Наташа вздохнула с облегчением:

— И мое место, и мою машину... А еще перечеркнул мою карьеру! В буквальном смысле спустил мою репутацию в унитаз.

Дарий понял, что отчаяние в ее взгляде вызвано страхом. Она боялась, что он поднимет ее на смех или назовет лгуней. На самом же деле он просто не знал, что и думать.

— Вода закипела. Мне заварить чай? — предложила она.

— Вы сами вызвались... — Зачем ему понадобилось губить вашу репутацию? — спросил он, потянувшись за карандашом и блокнотом, стараясь уловить и запечатлеть изгиб ее шеи, ее плечи в тот момент, когда она поставила чайник на место. Ее спину и ноги, когда она нагнулась, чтобы открыть холодильник. — Разве ему не достаточно было получить ваше место?

— Он задался целью окончательно убрать меня со сцены, — ответила Наташа, сосредоточенно открывая пакет молока. — Я действительно профессионал в своем деле.

После недолгих колебаний, когда Наташа Гордон с трудом удерживалась, чтобы не сорвать с него одежду, она сумела взять себя в руки. Ее выдавали лишь глаза. Он видел, как бьется жилка у нее на шее, и представил, как запускает руку ей под блузку, сжимает грудь, чувствуя, как неистово колотится ее сердце.

Карандаш, который он держал в руках, с треском сломался...

— И теперь вы хотите отомстить? — спросил он.

— Я уже отомстила. Может, у меня и не все в порядке с головой, но Майлз от страха ухватился за самое примитивное решение, какое можно было принять в этой ситуации... Не сомневаюсь, выход ему подсказали...

— Кто подсказал?

На самом деле сейчас Дарию было все равно, кто и почему так поступил, ему просто хотелось, чтобы она и дальше говорила и двигалась. Он схватил обломок карандаша и принялся делать наброски: Наташа покачала головой, прядь ее волос высвободилась из аккуратного пучка и упала ей на щеку.

Она нахмурилась:

— Пока не знаю. Все случилось так быстро... Кто-то заранее все просчитал и знал, на какие рычаги надо нажать. — Она поморщилась.

— У вашего обидчика есть имя? Я уверен, что моего адвоката оно очень заинтересует.

— Не сомневаюсь, но я пришла сюда не для того, чтобы помочь вам разделаться с моими обидчиками, — сказала она. Тем не менее крошечная морщинка оставалась на месте. Ей тоже нужны были ответы.

— Так вы хотите вернуться на работу?

— Этого не случится.

— Вы не хотите работать на того, кто отобрал у вас место?

Она пожала плечами, изобразив улыбку:

— Никогда не говори «никогда». Кто знает, до какой степени отчаяния я дойду?.. Какой чай вы любите? — спросила она, бросая на него взгляд. — Слабый, покрепче, очень крепкий... — Вдруг она заметила, чем он занят. — Вы меня рисуете?

— Да. Вы против?

— Сама не знаю.

— Если вы против, я не буду, — сказал он. — Кстати, чай я люблю крепкий. Немного молока. Без сахара. Вы думаете, Морган пожалеет о своем слишком поспешном решении?

— Кто знает? Тоби не дурак, но работа для него на втором месте после регби. Честно говоря, я и не подозревала, что его интересуют продажа недвижимости и менеджмент. У меня сложилось впечатление, что работать в компании его заставили родственники.

— Странно, что он получил повышение при таком отношении к работе.

— Его двоюродная бабушка замужем за Питером Блэком.

— Ах вот оно что!

— Ему недавно исполнилось двадцать три года, — задумчиво продолжала Наташа. — Может быть, он понял, что регбист-профи из него уже не выйдет?

— Разбилась его мечта, и он решил украсть вашу? Довольно безжалостно с его стороны. Впрочем, я слышал, что в бизнесе это обычное дело.

— Подлость и лень — неудачное сочетание. Скажите, Дарий, вот вам бы хотелось, чтобы такой человек трудился с вами бок о бок во время кризиса? Или работать с человеком, который бросит вас на растерзание волкам, толком вас даже не выслушав? Без какого-либо расследования. Бог с ним, с Тоби Дентоном. Майлз — вот кого я не прощу! И вернусь к нему не раньше чем рак на горе свистнет.

— Никогда не говори «никогда», — напомнил он ей и получил в награду укоризненную улыбку.

— Ну разве что он предложит мне стать полноправным компаньоном, — продолжала Наташа, — но, ввиду последних событий, такое тоже вряд ли произойдет раньше чем рак на горе свистнет.

— Хорошо, я понял. Вы туда не вернетесь, — сказал Дарий. — Но если вы не собираетесь возвращаться и не хотите мстить... то чего вы хотите?

Плечи Наташи опустились, Дарий понял, что задал правильный вопрос, и порадовался тому, что ее губы расплылись в улыбке, которую он так ждал. Наконец-то ожили и ее глаза.

— Неделю назад я могла прийти в любое агентство по недвижимости в Лондоне, и меня тут же взяли бы на работу, — сказала она. — Теперь, когда я осталась на мели, мой телефон зловеще молчит.

— Вы удивлены?

— Нет, и я не стала никого смущать, напоминая о прошлых щедрых предложениях.

— Уверен, они все страшно благодарны вам за такую тактичность, — заметил Дарий, не в силах сдержать улыбки. Наташа Гордон начинала ему нравиться. У нее только что буквально выбили почву из-под ног, и все же она не сдается.

— Я не рассчитываю на то, что обо мне хоть кто-нибудь вспомнит. — Она замолчала, видимо ожидая, что он как-то отреагирует на ее слова. Дарий прорисовывал линию ее подбородка. Хорошо очерченного, решительного подбородка... — И единственный способ это сделать — продать Хедли-Чейз, — продолжала она, предлагая ему возможность выручить ее.

— В таком случае нелегко вам придется.

— То же самое можно сказать и про вас, — заметила она, отпивая чай. — Не скрою, дело потребует определенной изобретательности и фантазии, зато и стимул велик. — Наташа искоса взглянула на него, прищурилась, заметив, что он разглядывает ее, но на сей раз не отвела взгляд. — Кто будет стараться изо всех сил, чтобы найти вам покупателя? — продолжала она. Настало время привести решающий довод: — К тому же бесплатно!

— Бесплатно? За такую благотворительность вас выкинут из гильдии агентов по недвижимости, — предостерег он.

Кончики ее губ дрогнули, снова расплываясь в улыбке. Он понял, что пропал.

— Поверьте, такое предложение делают один раз в жизни. Что вы теряете? — настаивала она. От нее исходили почти видимые волны силы и азарта. — Мы как будто созданы друг для друга.

Он покачал головой. На самом деле ему нельзя даже говорить с ней. С его адвокатами припадок случится, если они узнают!

— Агент по недвижимости, которую никто не возьмет на работу, и дом, который никто не сможет продать? Вот уж правда, отличное сочетание! — Он не сумел удержаться от смеха.

Она посмотрела на него поверх кружки:

— Дом нужно как следует прибрать. Вымести сухие листья. Вставить в окна стекла.

Он нахмурился:

— Говорите, там разбито окно?

— А вы не знали? А ведь я предупредила вашего зрителя. Он обещал передать все душеприказчикам. Послушайте, я не пытаюсь представить все так, как будто продать Хедли-Чейз будет легко, — сказала она. — Вы не продаете ухоженный домик с четырьмя спальнями на небольшом расстоянии от хороших школ.

— В таком случае мне бы вообще не требовалась ваша помощь!

Он признался в том, что действительно нуждается в ее помощи, и они оба понимали это.

— Я могу лишь обещать, Дарий, что вам не придется ни в чем участвовать лично. Понимаю, как вам сейчас тяжело...

— Вряд ли. — Никто не мог даже отдаленно представить себе, какие чувства он испытывал к этому дому. Целый вихрь воспоминаний и эмоций, какие в нем пробуждались при мыслях о Хедли-Чейз.

— Нет, конечно нет, но Хедли-Чейз уже несколько столетий принадлежит вашей семье. Представляю, как должно быть тяжело его продавать.

— Вы так думаете? — спросил он, глядя на нее сквозь скрещенные пальцы, испытывая ее. — Решили, что мне стыдно из-за того, что не по карману его содержать?

— Нет! Конечно нет. — Кровь снова прилила к ее щекам. — Вам нечего стыдиться! Все всем виноваты ваши предки... — Сообразив, что не стоит критиковать его родственников, она поспешила добавить: — Я приложу все усилия для того, чтобы для вас все прошло безболезненно! Вас я прошу лишь сообщить адвокату и зрителю о том, что я буду заниматься всем от вашего имени, а потом можете вообще забыть о доме.

Он делано рассмеялся:

— Вы что же, ручаетесь, что продадите его?

— Ручаюсь, что больше не побеспокою вас без достаточно веской причины, — ответила

она.

Поздно! Наташа Гордон беспокоила его больше любой другой женщины на свете, но Хедли-Чейз висел мельничным жерновом на его шее. Имение — тьма, поглотившая его предков. Оно свело в могилу его деда, когда тот в последний раз попытался взять в руки тот мир, который когда-то принадлежал ему. Мир, которым он правил. Дед хотел управлять будущим. И им тоже... Чем скорее он избавится от Чейза, чем скорее эта ноша свалится с его плеч, тем лучше.

— Предположим, я позволю вам заниматься моим делом, — сказал он так, словно еще ничего не решил, — но каков ваш план действий?

— План?

— У вас нет ни денег на рекламу, — продолжал он, — ни витрины, в которую могли бы заглядывать прохожие, ни даже колонки в «Желтых страницах».

— Верно, зато у меня есть Интернет, социальные сети...

— Называть мое имя нельзя, — предупредил он, окинув жестом свою студию, — и запрещаю вам вообще рассказывать что-либо обо мне, чтобы привлечь внимание общественности.

— Все будет сделано очень аккуратно, — заверила она его, слишком легко соглашаясь. — Ничего кричащего или такого, что могло бы вас смутить. Я даю вам слово.

— Ваше слово в данном случае не имеет никакой цены. Как только сведения просачиваются в Интернет, вы больше не имеете над ними власти.

— Ничто не просочится, если я все сделаю правильно.

— С какой стати я должен вам верить?

Она нахмурилась, не понимая, куда он клонит:

— Дарий, в конце концов, речь идет всего лишь о доме!

Она ошибалась, но он и не ожидал, что она поймет то сплетение любви и ненависти, которое связывало его с Хедли-Чейз. И с собственными родными.

— Я ответил на все ваши вопросы, — сказал он, давая понять, что разговор окончен.

Наташа покачала головой.

— Если бы я знала ответы на все вопросы, — ответила она, — я и сейчас работала бы в фирме «Морган и Блэк».

— Это...

— Что?

— Ничего.

С какой стати он должен ей верить? Скорее всего, работу она потеряла из-за собственной профессиональной непригодности. И только ложь Майлза Моргана о ее нервном срыве и то, что он публично унизил ее, выглядело непростительно. К тому же его трясло от одного вида Майлза Моргана.

Налоговая служба не станет ждать вечно, пока он выложит положенную сумму за наследство. Истина в том, что он не может себе позволить ждать, пока шум вокруг истории с домом уляжется.

— Ладно.

Он снова окинул ее острым, пронизывающим взглядом, водя карандашом по бумаге, а ей казалось, будто он кончиками пальцев прикасается к ее телу. Он как будто медленно раздевал ее.

Ей с трудом удавалось держать себя в руках. Очень хотелось погладить его по

мускулистой руке, по предплечью.

— Вы слышали? Я сказал «ладно».

— Ладно? — У нее перехватило дыхание. Неужели он согласился? — Ваше «ладно» означает «да»? — спросила она. — Вы дадите мне шанс?

Наступившее молчание показалось ей бесконечным. Возможно, Дарий обдумывал, что скажет его адвокат. Вне всяких сомнений, его согласие означало, что он больше не сможет предъявить иск «Моргану и Блэку».

— Да, но с одним условием.

Ох-ох...

— Я дам вам шанс продать Хедли-Чейз при одном условии.

— Я согласна на все что угодно, — сказала она.

— Что, все так плохо? — спросил он, взглядом предупреждая ее о том, что ей стоило бы вначале спросить, что же у него за условие.

— Что угодно, если это законно, честно и прилично, — ответила Наташа, с трудом переводя дух. По поводу «приличного» она еще могла бы поторговаться... — У меня в самом деле все плохо, но я не дура.

Возможно...

— Что за условие?

— Я хочу, чтобы вы мне позировали.

— Позировала? — На какое-то мгновение она не могла понять, что он имеет в виду, но, когда он отвел от нее взгляд, она поняла, о чем он ее просил.

Во рту у нее пересохло.

— Чтобы я позировала? Как натурщица?

— Если вы спрашиваете, хочу ли я рисовать вас обнаженной, мой ответ — да, — сказал он прямо. — Я хочу рисовать ваше тело, а не вашу одежду.

— Ох... — Она зажмурилась. Ее снова обдало жаром. Потрясенная тем, как страстно ей этого хочется, она сжала кулаки, чтобы не начать раздеваться прямо здесь и сейчас.

Неправильно истолковав ее молчание, он сказал:

— Наташа, вы просите меня довериться вам. Хорошо, но тогда и вы мне доверьтесь.

— Доверие важно, — согласилась она, — но дело в том, что я не прошу вас раздеваться.

— А я не против, если вам так будет легче.

— Да... Нет! — Что с ней творится? Немыслимо! Ей бы возмущаться, а не дрожать от возбуждения при мысли о том, как он будет разглядывать ее прелести. Интерес у него не только профессиональный! — Вы попросили бы об этом, будь я женщиной?

Он пожал плечами:

— Возможно. Будь вы красивым мужчиной... Наверное, он, как и вы, Наташа, предположил бы, что я желаю видеть в нем не только модель.

— Я ничего не предполагаю, — возразила она, но ее выдавал румянец на щеках. — Совсем недавно я узнала, что бывает, если смешивать работу и личную жизнь.

— Личную жизнь... С Морганом?

— С Майлзом? Боже упаси, нет!

— Значит, с Тоби Дентоном, который сейчас сидит за вашим столом и водит вашу машину. Он что же, и сердце вам разбил?

— Ох... Нет... — Наташа покачала головой. — У нас были не такие отношения.

— А какие?

— Я заранее знала, что долго это у нас не продлится. Я была слишком занята для чего-то серьезного. Кроме того, хотя внешне он вполне привлекателен, немного найдется женщин, согласных отойти на второй план ради регби. Сходить куда-нибудь, время от времени провести вместе ночь — вот что устраивало нас обоих.

— Значит, вы были не просто коллегами? И все-таки он вас предал.

— Да. — Хуже того, она никогда не узнает, получилось ли это случайно, или все было спланировано с самого начала и ее водили за нос, как дурочку.

— Что ж, спасибо за доверие, — не сразу ответил Дарий. — Кстати, уверяю вас: позирование — не удовольствие. Это довольно тяжелая, утомительная работа, от которой болят все мышцы. И вы правы. Работа и удовольствие — плохое сочетание. Хорошую модель найти трудно, поэтому я не осложняю отношения сексом.

— То есть... — Она замолчала. Ну да, он ведь только что сказал! Что ж, прекрасно! — Можно посмотреть? — спросила она, протягивая руку за его блокнотом. Ей больше не хотелось раздеваться. — Что у вас получилось?

Он отдал ей блокнот, не говоря ни слова. Она стала разглядывать его рисунок.

Ее губы получились полными и манящими, изгиб шеи над воротником, линии ног, юбка, обтянувшая бедра... Ей точно пора на беговую дорожку. И глаза, выдававшие чувства, которые она испытывала, глядя на него.

— Теперь понимаю, почему некоторые первобытные племена считают, будто фотокамера крадет их души, — сказала она, потрясенная тем, что увидела на бумаге. Как у него это получается? Всего несколькими штрихами... — Я ожидала увидеть нечто другое.

Дарий прислонился к стремянке, скрестив руки на груди.

— А что вы ожидали увидеть?

— Не знаю, здесь просто я.

— Лишь то, что лежит на поверхности. Тот образ, который вы показываете миру. Я копну глубже.

— Вы не найдете там развитой мускулатуры, — предупредила она.

— В вас так много всего, Наташа.

— В детстве я болела, — ответила она. — И мама все время пыталась меня откормить. Я сбежала из дому, чтобы спастись от пирожных с заварным кремом. — Она посмотрела вверх на скелет лошади, затем на блокнот. Пролистала его назад, чтобы посмотреть, что еще там нарисовано, — просто, чтобы только не смотреть на него... Оказалось, что ее изображение почти на каждой странице. — Не понимаю. Вы не могли нарисовать все это сегодня.

— Да. — Его лицо ничего не выражало.

— Но позавчера... Вы видели меня всего лишь минуту или две, а это...

— Я только схватил образ.

Когда их взгляды встретились, оба подумали о возникшей между ними еще в кабинете Моргана подсознательной связи. Им показалось, что воздух вокруг них сгустился, и в студии стало темнее.

Она закрыла глаза, и по всему ее телу пробежала дрожь. Когда она открыла глаза, сквозь прозрачный потолок пробивался солнечный свет, а Дарий все еще ждал ее ответа. Он знал, что он будет положительным...

— Вы отольете эксклюзивную бронзовую статую — мою копию? — спросила она. — Вы выставите ее в галерее, как скаковую лошадь?

— Может быть. Если внутреннее содержание соответствует упаковке.

— Упаковке?!

— Очень красивой упаковке.

— Кажется, недавно вы говорили, что упаковка у меня слишком богатая, роскошная...

Может, дадите мне пару месяцев, чтобы сбросить несколько лишних килограммов?

— Даже не думайте, — сказал он, забирая у нее блокнот. — Вы боитесь, что вас узнают?

— Узнают? — Напряжение испарилось, когда она искренне рассмеялась. Неужели он думает, будто ее узнают в законченной скульптуре? — Вряд ли это возможно. — Она представила, что скажут знакомые, если узнают ее. — Нужно сделать это условием.

— Напоминаю, речь идет о взаимном доверии, — усмехнулся он, не разделяя, однако, ее веселья, и на какой-то момент она испугалась, что обидела его. — Ну, какие у вас еще проблемы?

— Проблемы? — Только одна. Ее больше интересует он сам, чем его дом. Она забыла, зачем пришла сюда, забыла, что ее будущее зависит от того, насколько грамотно она себя поведет. Вот в чем проблема! — Вас не волнует, что вы собираетесь наживать на мне, в то время как я буду работать бесплатно? — спросила она, возвращаясь к тому, зачем сюда пришла.

— Наташа, мы оба потратим время, — сказал он, отделяясь от лестницы и внезапно подходя слишком близко. — Но если я найду в вас глубины, стоящие исследования, я... — Его глаза говорили о том, что его мысли были очень далеки от искусства.

— То вы — что? — Слова едва не застряли у нее в горле. Не только его, но и ее мысли нельзя было назвать возвышенными!

— То я подарю вам слепок.

— Чтобы я поставила мои «глубины» на сервант и чтобы все мои знакомые смогли ими любоваться?

— Обещаю, вам понравится, — сказал он. — Подумайте только, как возбужденные самцы будут гладить холодную бронзу, представляя, что ласкают ваше живое и теплое тело.

— Нет... — Она уже поняла, что на свете есть только один мужчина, чьих прикосновений к своей коже она желала, и он находился прямо здесь, перед ней.

— Каждая женщина мечтает о бурном прошлом, которым можно было бы смутить своих внуков, — сказал он. Его лицо потемнело, взгляд стал тяжелым, а голос таким тихим, что она с трудом его расслышала.

— Откуда вы знаете? — прошептала она.

Он, как в замедленной съемке, поднес руку к ее лицу, коснулся кончиками пальцев, затем провел по щеке, и у нее засосало под ложечкой, как перед прыжком в бездну.

Отвердевшие соски проступили под шелковой блузкой, по спине побежала струйка пота. Обводя большим пальцем ее губы, Дарий мрачно улыбнулся.

Она задыхалась, не в силах выговорить хоть слово. Он не сводил глаз с ее лица, пока она расстегивала одну за другой крошечные перламутровые пуговицы. Наконец блузка запахнулась, и она, не сводя с него взгляда, прикусила его большой палец губами.

Она ласкала его языком, чувствуя вкус глины и пирога, сахара и каких-то специй, которых не было в ее выпечке. Она застонала, когда он провел влажным пальцем по ее губам.

Затем он прильнул губами к ее губам. Язык повторил тот путь, который только что

проделал его палец. Она едва не потеряла сознание от взрыва наслаждения и упала бы, если бы он не поддержал ее.

Она обхватила его голову руками, притянула к себе. Поцелуй делался все более страстным. Она перебирала пальцами его кудри, щетина щекотала ей щеку. С ним буквально срослись запахи металла, глины и промасленного дерева... Простые, естественные запахи. Он ловко вытянул ее блузку из пояса юбки, провел ладонями снизу вверх по спине, потом большими пальцами по ее грудям. В ее бедро уткнулось что-то твердое и горячее...

Он откинул голову назад, чтобы полюбоваться тем, как она снимает шелковую блузку, помог ей освободиться от бюстгалтера, его сильные пальцы ласкали ее нежную кожу. Когда он провел языком по набухшему соску, ее ноги подогнулись.

С грохотом он сбросил с верстака все, что на нем было, и без каких-либо видимых усилий поднял ее на руки и уложил туда.

Да...

Это слово спиралью прошло сквозь все ее тело, торжествующе, освобождающе, возбуждающе. Все, что она могла чувствовать, — жар его губ, когда он покусывал и щекотал нежную кожу на ее груди. Его язык пробуждал в ней настоящий вулкан страсти.

— Дарий... — почти беззвучно взмолилась она, и его рука оказалась между ее бедер, убирая последний хрупкий барьер, чтобы дать дорогу огню, вспыхнувшему между ними.

Она выгнулась ему навстречу, страстно желая большего, требуя большего...

Она схватилась за его сильные плечи, впиваясь в него ногтями, когда его пальцы проникли в нее. Не хватало дыхания, чтобы кричать, еще больше возбуждая его. Все, что она могла, — тихо, отчаянно постанывать и выгибаться ему навстречу. Он же не спешил, мучил ее, заставляя ждать. Гладил, дразнил языком, умело удерживал ее на грани. Наконец внутри ее все совсем растаяло. Она испытала мощный оргазм и, ошеломленная, вся в испарине, прижалась к нему, словно ища спасения.

Она бессильно уронила голову ему на плечо.

Очень долго вокруг них двигались лишь пылинки, танцующие в солнечном свете. Затем Дарий слегка отклонился назад.

— Ты в порядке?

В порядке?

— Сейчас соображу, где я.

— Держись... — Одной рукой он обнял ее за плечи, другой подхватил под колени и перенес на диван.

— М-м-м... — умиротворенно пробормотала она, растянувшись на подушках и глядя на него снизу вверх. Глаза у нее слипались. Она притянула его ближе, собираясь погладить по плоскому животу под просторной футболкой. Ей хотелось перехватить инициативу. Ему наверняка тоже хочется высвободить энергию, которая пульсирует у него между ног... Его выдавала заметная выпуклость.

Он поймал ее руку за запястье, не давая осуществить задуманное.

Его глаза буквально прожигали ее насквозь, и он крепко держал ее руку, пока, с видимым усилием, не отпустил, а затем, стараясь не прикасаться к ней, поднял бюстгальтер и подал ей.

— Дарий!

Вместо ответа он начал сосредоточенно застегивать на ней блузку, словно сапер, обезвреживающий бомбу. Одно неверное движение, одно прикосновение...

— Что ты делаешь? — спросила она. Затем, когда постепенно к ней начало возвращаться чувство реальности, выдохнула: — Нет...

— Наташа, здесь я работаю. Вот что я имел в виду, когда сказал, что не занимаюсь любовью со своими моделями.

— Я не модель.

— Точно. — Его губы дрогнули в подобии улыбки. — Профессиональная модель ни за что не стала бы раздеваться перед художником... Так что пока прервемся, если, конечно, у тебя нет с собой упаковки презервативов.

Проскользнувшее в его словах предположение о том, что она шла к нему, заранее готовая на все, подействовало на нее как ледяной душ. Она совершенно забылась, у нее просто вылетело из головы, что это был только бизнес...

— Извини, — сказала она, резко сядя и отталкивая его. — Не ты один на работе не допускаешь подобных отношений. — Разочарование добавило ее словам резкости. — Секс с клиентом совершенно точно недопустим.

— Позволь тебе напомнить, что я не твой клиент. Разве что ты передумала продавать Хедли-Чейз бесплатно...

— Нет, — сказала она. — Уговор дороже денег. Но ты обещал кое-какие привилегии...

— Какие привилегии?

— Авторский слепок, которым я украшу свою каминную полку. Кстати, спасибо тебе. У меня уже давно... — Она поспешила прикусить язык и сменить тему. — Позвони, когда тебе понадобится, чтобы я разделась для тебя, — она собрала все силы, чтобы встать. Уйти отсюда. — Мой номер ты найдешь на крышке коробки с пирогами.

— Большинство людей используют в таких случаях визитные карточки, — заметил он,

открывая коробку и разглядывая наклейку, на которой она напечатала свое имя, номер телефона и адрес электронной почты. Среди разбросанных по верстаку инструментов он отыскал свой телефон и вбил туда ее номер.

— К сожалению, моя визитка устарела и, поскольку я не знала, станешь ли ты меня слушать... — Наташа глубоко вздохнула. — Исходя из моего опыта, мужчины не выбрасывают домашние пироги, от кого бы они ни были.

— Ты была уверена, что стоит мне попробовать, и я захочу еще?

Запах секса в воздухе был еще так силен, что они оба понимали: его слова относятся вовсе не к кондитерским изделиям.

— Ох, прошу тебя! — воскликнула она. — Многочисленные возбужденные кавалеры выстраиваются в очередь перед моим домом, желая отведать еще кусочек моего лимонного пирога...

Что, съели, мистер Хедли?

— Правда? — Он облизнул кончик большого пальца. — Лично я предпочитаю покислее... и побольше специй.

Ее снова обдало жаром от низа живота до корней волос, когда она поняла, что он имеет в виду ее вкус.

— Чтобы было липко и остро... — Мяч на его половине поля. Очко в его пользу! — Я послал тебе свой номер на случай, если у тебя возникнут какие-нибудь проблемы.

— Ах да. Проблемы.

Никаких проблем быть не должно. Она об этом позаботится. Но для начала ей нужно немедленно уйти отсюда, иначе она скоро совсем сгорит.

Жакет...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Где же он?

Она осмотрелась.

Дарий обнаружил ее жакет лежащим на полу у дивана и, подтолкнув к нему Наташу, поднял его. Она нервно отступила назад, отдаляясь от него на расстояние вытянутой руки. Его замечание насчет презервативов было грубым — намеренно, словно он плеснул холодной водой на разгорающийся пожар. К сожалению, после того, как он окатил ее холодом, от них обоих пошел пар. Он встряхнул жакет и приподнял, показывая, что поможет его надеть.

Она повернулась к нему спиной. От нее пахло пряностями и сексом. Не в силах удержаться, он обхватил ладонями ее груди, притянул к себе и поцеловал в шею. Она прижалась к нему со стоном отчаяния и наслаждения. Несколько мгновений он прижимал ее к себе, но потом с трудом овладел собой и осторожно подтолкнул девушку к двери.

— Уходи, — велел он.

Она повернулась и посмотрела на него, ее глаза были влажными, притягательными.

— Сейчас же, — сказал он, касаясь лбом ее лба. Ее грудь уперлась в его. Он пропал и ничего не мог с собой поделать. — Пожалуйста.

Она вздохнула:

— Верно. Да... На такое я не рассчитывала. — Она вернулась за сумкой, подошла к двери и остановилась. — Я дам знать, только когда у меня появятся новости.

— Особенно я ни на что не надеюсь.

Он лишился покоя с тех пор, как увидел ее. А с тех пор, как она перешагнула порог его

студии, покачивая бедрами, ему стало трудно дышать.

— Как ты туда доберешься? — спросил он. Крохотная морщинка появилась на ее гладком лбу. — Я имею в виду Хедли-Чейз. Кажется, ты говорила, что и твою машину отобрал подлец Дентон?

— Ничего... — Она тряхнула головой, стараясь привести мысли в порядок. — Возьму что-нибудь напрокат.

— Пустая трата денег. Лучше купи в кредит микроавтобус, — посоветовал он. — А на бортах напиши свою фамилию; будет бесплатная реклама. Продай дом, и я придумаю тебе логотип.

Об этом говорить было безопаснее, чем о чувствах.

— Если я продам твой дом, — возразила она, — мне не нужен будет никакой логотип.

— Если ты продашь дом, Наташа, тебе больше не нужно будет ни на кого работать. Не только жаждущие агенты по недвижимости и возбужденные мужчины выстроятся в очередь перед твоей входной дверью, но и отчаявшиеся продавцы будут обивать твой порог.

— Спасибо, но в ближайшие пять лет я еще не готова переходить на вольные хлеба.

— Мне кажется, ты совсем недавно говорила, что осталась без работы и без перспектив.

— С работой все временно повисло в воздухе. Перспективы — в процессе, — сказала и протянула ему руку.

Он не мог отказать ей в рукопожатии. Маленькая, нежная ручка с ухоженными ногтями легла, словно бархат, в его загрубевшую от глины ладонь, пробуждая в нем опасные мысли. Он понимал: во что бы то ни стало нужно выпроводить ее из своей студии, пока здравый смысл не покинул его ко всем чертям.

— Пожалуйста, иди, — попросил он.

Ее губы раскрылись, как будто она хотела что-то сказать, но, очевидно, передумала и, не говоря больше ни слова, вышла и закрыла за собой дверь.

Набирая номер душеприказчика, чтобы сообщить последние новости, Дарий прислонился к двери лбом. Не дожидаясь, пока Брайан Рамзи заклокочет, что он не должен был пускать Наташу на порог, быстро проговорил:

— Для ведения сделки вы предложили фирму «Морган и Блэк». Они с задачей не справились... Значит, сделаем все по-моему. Пожалуйста, проследи, чтобы Гэри Уэбб завтра был на месте и впустил ее.

— Мистер Уэбб сейчас на больничном. Кроме того, в свете последних событий я вынужден настаивать, чтобы мисс Гордон сопровождало какое-нибудь ответственное лицо. Передай, пусть зайдет ко мне на неделе. Я посмотрю, когда можно будет кого-нибудь к ней прикрепить.

— Что случилось с Гэри? — спросил Дарий.

— Он упал.

Наташу не держали ноги, голова кружилась. Ей нужно сесть. Нужно выпить кофе. Съесть мороженого...

Ради всего святого, она взрослая женщина и достаточно умна для того, чтобы понимать: такое влечение к едва знакомому мужчине добром не кончится, особенно если отношения между ними должны были быть сугубо деловыми.

И о чем она только думала? А, никто ни о чем не думал. По всей видимости, она до сих пор не в состоянии здраво мыслить, потому что изо всех сил ждала новой встречи. В

следующий раз у нее в сумке будет не только пирог...

При этой мысли она не могла не улыбнуться, но тут зазвонил ее телефон. Звонил Дарий.

— Напиши мне свой адрес, — сказал он, прежде чем она успела собраться с мыслями и кое-как поздороваться.

— Что-что?

— Смотритель дома сейчас в больнице, а душеприказчик настаивает на том, чтобы тебя сопровождало ответственное совершеннолетнее лицо.

— Хм... Какие они заботливые! — Душеприказчики наверняка имели в виду не только осмотр дома. Они наверняка привели массу доводов против того, чтобы он отменил сделку... — Что случилось с мистером Ворчуном?

— Упал с лестницы. Сломал ногу и руку, сильно расшибся.

— Ох... — Ее прекрасное настроение было испорчено в мгновение ока. — Мне так жаль. — Ей и правда было жаль Гэри. Хотя он и брюзжал, переломов явно не заслужил. — Он поправится? — Неожиданно ее посетила жуткая мысль: — Надеюсь, он не пытался починить окно?

— Неужели вы испытываете чувство вины, мисс Гордон? — спросил Дарий. — Может быть, и его угостите своим пирогом?

— Дарий!

Он рассмеялся:

— Расслабься, Сахарные губки. Ты ни при чем — он прочищал водосточную трубу в сельском клубе. Но ты права, стекло действительно нужно вставить. Ничего, я с ним разберусь.

Сахарные губки? Только этого не хватало...

— Я могу все устроить, — предложила она, изо всех сил стараясь не думать о том, почему он выбрал для нее именно такое ласковое обращение. — Я специалист по управлению недвижимостью. У меня диплом с отличием!

— Рад за тебя. Позвони в организацию по охране памятников; может быть, они наймут тебя на работу.

— Они предлагали, — ответила Наташа. — Я отказалась.

Наступило непродолжительное молчание, по которому она угадала, что ей наконец-то удалось его удивить. Затем он сказал:

— Я заеду за тобой завтра в восемь утра.

— Ты?!

— Я — единственное ответственное совершеннолетнее лицо, доступное в самое ближайшее время. Конечно, ты могла бы подождать, пока Брайан Рамзи выкроит пару свободных часов, но ему не слишком-то по душе мой выбор агентов по недвижимости, поэтому он не будет очень спешить.

— Нет, спасибо. Я уже беседовала с Брайаном Рамзи. Его отношение ко мне едва ли можно было назвать вежливым, когда он обнаружил, что я представляю агентство, с которым он заключил договор.

— Значит, до завтра. Кстати, можешь прихватить с собой обед.

— Мужчины чинят окна, а женщины готовят еду?

— Если тебе так больше нравится, пригласи меня в паб, но я ведь забочусь о твоём кошельке.

— Значит, устроим пикник. У тебя есть аллергия на что-нибудь? Какая-нибудь

нелюбимая еда?

— Свой приторный лимонный пирог оставь толпам твоих поклонников... А что мне нравится, ты знаешь и сама.

Он положил трубку прежде, чем она успела ответить, и Наташе пришлось бороться с безумным желанием побежать обратно к нему в студию.

На следующее утро Дарий был у ее дома ровно в восемь часов, она уже ждала его. Для поездки за город она надела удобные джинсы, мешковатую футболку и кроссовки.

Ноутбук лежал в сумке, ланч упакован. Подготовилась так, чтобы у нее не осталось ни единого повода задержаться и пригласить его к себе, пока она будет собирать вещи. Когда Дарий позвонил в дверь, она была готова идти.

Она сбежала вниз по лестнице и буквально выпорхнула через входную дверь...

Он ничего не сказал, когда она внезапно замерла на полдороге, и деловитое «привет», которое она так долго репетировала в уме, так и не сорвалось с ее языка, когда она увидела его. Он стоял, прислонившись к дверце старого «лендровера». В черной рубашке с коротким рукавом и линялых джинсах в обтяжку он казался олицетворением греха, который она с удовольствием бы совершила.

Он был так чертовски прекрасен, что все ее нервные окончания возбуждились. Ее сердце невольно замирало при мысли о том, что, может быть, он поцелует ее в щеку — рассудительно, но оставляя возможность для чего-то большего... Или, может быть, он поцелует ее так, что ее колени подогнутся.

Ничего не произошло, он держал дистанцию. Выразил легкое удивление при виде ее одежды, призванной заглушить любые порывы страсти, волос, заплетенных в простую косу и стянутых самой обыкновенной резинкой. И вдруг, когда она уже решила, что сегодня можно ничего не опасаться, он протянул руку, провел большим пальцем по ее губам и сказал:

— Доброе утро, Сахарные губки.

Его низкий, бархатный голос завибрировал у нее в груди, и контейнер, в котором лежал их ланч, выскользнул из ее пальцев и упал на тротуар.

Он приподнял кончики губ в раздражающей полуулыбке. Выпрямившись и распахнув перед ней пассажирскую дверцу, он спросил:

— Надеюсь, там не было ничего бьющегося?

— Я хорошо упаковала термос, но не уверена, что не пострадал пирог, — ответила она и, залившись краской, как дурочка, полезла в машину, оставив его поднимать контейнер.

У нее никак не получалось пристегнуться, руки так дрожали, что он взял ее ладони в свои, перехватил ремень и застегнул сам.

— Заело...

— Ну да, бывает.

Она старалась не смотреть на него, но никак не могла удержаться. О боже...

— Извини, возможно, машина не отвечает твоим представлениям об удобстве, — сказал он, наклоняясь вперед и заводя мотор. Он как будто не обращал внимания на сгустившуюся в салоне атмосферу.

— Не беспокойся, — сказала она. — Ты, наверное, заметил, что в последнее время мне пришлось перейти в эконом-класс.

— Точно, — улыбнулся он. Ямочка у него на щеке свела на нет все ее усилия. К счастью, вибрация мотора «лендровера» не позволила ему заметить, как она вздрогнула.

— Ну и каков план?

— План?

— Я предполагал, что ты полночи не спала, придумывая, как найти покупателя для Хедли-Чейз.

— Ха, неужели так заметно?

— Я просто предположил, — ответил он. Его улыбка стала шире, а голова у нее закружилась так, что пришлось откинуться на подголовник.

— Ты почти угадал, — выдавила она из себя. — Я полночи не спала, придумывая рекламу для Хедли-Чейз, которую можно будет опубликовать в Твиттере и на Фейсбуке.

Рекламой она действительно занималась после возвращения домой. В основном, подбирала подходящие картинки и видео, а также выявляла круг нужных людей, которых заинтересует ее страничка, — сотрудников беркширских газет и журналов, Кого-нибудь, кто интересовался бы загородными домами, недвижимостью, краеведением, историей. Того, кто мог бы проявить интерес к Хедли-Чейз.

— Как себя чувствует мистер Ворчун... то есть мистер Гэри? — спросила она, слегка повысив голос, чтобы ее стало слышно за рокотом мотора. Молчание слишком уж затянулось.

— По словам медсестры, с которой я разговаривал, неплохо.

— Мне правда очень жаль.

— А уж ему как жаль!

— Я имела в виду, мне жаль, что тебе самому приходится всем заниматься. Ты ведь не хотел, чтобы тебя в это втягивали. В дела, связанные с продажей дома.

Они остановились в пробке, и он посмотрел на нее с таким выражением, как будто не знал, как лучше ей ответить. Его глаза в свете утреннего солнца были похожи на жидкое серебро с голубоватым отливом.

Наташа попыталась сосредоточиться на том, что ее ждет, — никаких иллюзий по поводу продажи Хедли-Чейз она не питала. Но она сидела всего в нескольких дюймах от Дария Хедли. На его руке в солнечном свете блестел стальной ремешок наручных часов, привлекая внимание к запястью, слегка сжимающему руль, к пальцам, которые совсем недавно побывали в ней... И довели ее до вершины блаженства!

Охваченная страстью, одолеваемая солнцем, чьи жар и свет падали сквозь лобовое стекло на колени и на грудь, Наташа закрыла глаза, чтобы удержаться от соблазна. Когда она снова открыла их, оказалось, что она лежит щекой на его плече и вдыхает его теплый аромат, и ее первым порывом было снова закрыть глаза и замереть в таком положении.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как Дарий посмотрел на нее.

— Должно быть, ты совсем не спала сегодня ночью. Немногие способны уснуть в «лендровере»!

Уязвленная, она неохотно выпрямилась.

— Я просто дала глазам отдохнуть, — сказала она, зевая, чтобы незаметно для него проверить, не потекла ли у нее по щеке слюна. — Все это время я обдумывала план.

— Конечно, — ответил он, ухмыляясь.

— Мозг лучше всего работает тогда, когда отключается подсознание, — сказала она, осознавая, что они съехали с автострады. Интересно, долго ли она спала?

Она ездил по навигатору, который вел ее по шоссе, но Дарий, знавший эти места как свои пять пальцев, свернул с главной дороги, огибавшей деревню Хедли. Когда она

оглянулась по сторонам, чтобы понять, где они находятся, он снизил скорость и свернул на дорожку, почти целиком скрытую зарослями.

— Значит, мы подъезжаем с тыла? — спросила она, вспоминая карту и пытаясь сориентироваться.

Прямо под ними, справа, огибая редкие отмели, протекал небольшой ручей, он привел их прямо к заднему фасаду здания, и когда она, повернувшись, посмотрела вверх, то сквозь просветы между деревьями увидела высокие печные трубы.

— Главная дорога делает большой крюк и огибает деревню, — пояснил он. — Этот же путь известен только местным жителям, которые из уважения к владельцам поместья им не пользуются, да ребятам, которые иногда приходят сюда пострелять дичь.

Она посмотрела на него:

— Ты имеешь в виду браконьеров?

— Мой дед бы так их называл, — ответил он. — А я только благодарен соседям за то, что они держат под контролем популяции голубей и кроликов. Пусть за это иногда и ловят форель.

— Что ж, это, конечно, все очень по-добрососедски, но потенциальным покупателям может не понравиться, что в их владениях постреливают, — заметила она. — Если... Когда я найду тебе покупателя, кому-нибудь придется предупредить местных, что отныне им лучше охотиться где-нибудь в другом месте.

Он крепко сжал челюсти, но ответил ей так:

— Я попрошу Гэри все передать. Когда... если ты найдешь покупателя. Итак, потратив на это полночи и оставив сегодня утром мыслительную работу своему подсознанию, — начал он, — придумала ли ты что-нибудь, кроме странички в Фейсбуке?

— Я еще в процессе, — призналась Наташа. Она снова вспоминала их вчерашнюю близость и размышляла о том, как скоро они смогут вновь повторить их опыт. О своей карьере она совершенно забыла. — Мне нужна история.

— История? — Он затормозил и обернулся к ней.

— Успокойся, Дарий, я все поняла. Твое имя нигде не будет упоминаться. Клянусь, — добавила она, медленно начертив пальцем большой крест возле левой груди, отчего его глаза потемнели.

Его нога соскользнула с педали газа, двигатель заглох, и только его мерное тиканье прорывало плотную, почти физически ощутимую тишину, повисшую между ними.

— Ты в большой беде, Наташа Гордон, — сказал он. Его лицо потемнело, глаза мерцали огненным светом.

— Это что, обещание? — спросила она. У нее перехватило дыхание.

Щелчок отстегиваемых ремней безопасности прозвучал, словно выстрел в тишине. Его руки оказались у нее на талии, и, сама толком не зная, как это произошло, через мгновение Наташа уже сидела у него на коленях, не в силах оторвать взгляд от его губ, о которых она не переставала думать с того самого мига, как впервые увидела его.

— Вернее, я в большой беде...

— Разговоры, одни разговоры... — пробормотала она. Их лица сблизились; она высунула кончик языка, провела им по его нижней губе и тут же впилась в него страстным поцелуем.

Дарий откинулся назад, чтобы у нее было больше места.

Он был в приподнятом настроении с тех пор, как увидел ее утром перед домом в

маскирующей все ее прелести одежде, с простой косичкой и почти ненакрашенную. Она изо всех сил постаралась выглядеть неброско, но ей не нужна была помада, чтобы подчеркнуть горячие пухлые губы, которые так и кричали: «Поцелуй меня!»

Ему почти удалось сдержать себя. Если бы он поцеловал ее еще у дома, они так и не уехали бы из Лондона, а ему хотелось все-таки добраться до Беркшира. У него неплохо получалось концентрировать свое внимание на дороге, пока они ехали по автостраде, но затем она заснула прямо у него на плече, ее губы чуть приоткрылись, выбившиеся из прически волосы щекотали его шею. От нее шел жар.

— Тебе надоело говорить, Сахарные Губки? — спросил он. — Тогда действуй!

Ей не нужно было повторять дважды. Она зарылась пальцами в его кудри, на губах заиграла хитрая кошачья улыбка. Она словно взяла его в плен. Ее губы дразнили его, то покусывали, то отпускали, приглашая в игру.

Он наслаждался тем, что ее груди прижаты к его груди, она ерзает у него на коленях, еще сильнее возбуждая его.

Нет ничего более возбуждающего, чем женщина, настроенная на удовольствие, и он, положив руки ей на бедра, только поддерживал ее, чтобы она смогла окончательно свести его с ума.

Это не заняло много времени. Футболка, едва доходящая до талии, задралась, когда она наклонилась к нему, и он закрыл глаза, вспоминая каждый изгиб ее прекрасного тела. Его руки, как будто по собственной воле, скользнули вверх, ощутили нежный шелк ее кожи. Он коснулся ее тонкой талии, переходившей в пышные бедра. Да, уж ее не назовешь «плоской, как доска». Он положил ладонь ей на живот.

На миг он затаил дыхание, но потом дотронулся до ее груди и почувствовал, как часто бьется ее сердце. Его пальцы медленно поднимались вверх по ее спине; он массировал по очереди каждый позвонок, остановившись только для того, чтобы расстегнуть застежку ее бюстгалтера. Когда он коснулся ее сосков, ее язык нащупал бьющуюся жилку на его шее.

Глухо застонав, он сорвал с нее футболку и бюстгалтер, отшвырнул все за спину. Она выгнулась, и у него перехватило дыхание. Он увидел, как затуманились ее глаза с огромными зрачками.

— Великолепно, — сказал он, взяв в руки ее полные груди, трогая затвердевшие соски. Нагнувшись, он провел по ним языком. Просто прекрасно...

— Дарий... — взмолилась она.

Он расстегнул молнию ее джинсов и приспустил кружевные трусики, охватил ладонями ягодицы и притянул ее к себе.

Он лизнул ямочку ее пупка, покрыл легкими, нежными поцелуями низ живота. Когда он взъерошил светлый треугольник волос, прикрывающий ее лоно, она застонала, требуя большего. Он хотел раздеть ее. Но не здесь. Ему хотелось лежать с ней на траве у ручья, купаясь в солнечном свете, пробивающемся сквозь листья на деревьях, любоваться солнечными зайчиками, играющими на ее коже. Он хотел прикоснуться к ее телу, запомнить каждый его изгиб. Быть внутри ее...

— Пошли отсюда, — сказал он, открывая дверь. Оба едва не вывалились на обочину и, смеясь, ловили ртом воздух в высокой траве, среди алых гвоздик и поздних колокольчиков, которые так хорошо сочетались с цветом ее глаз. — Пойдем, — он поднял ее, прижал к себе, не желая отпускать даже на мгновение.

Она подтянула джинсы, которые почти сползли к коленям.

— Куда мы идем?

— Вы никуда не пойдете.

— Что за?.. — Дарий резко развернулся, и Наташа взвизгнула, когда они оказались лицом к лицу с охранником в шлеме с защитным козырьком. — Откуда, черт возьми, вы взялись? — спросил он.

Не обращая внимания на его вопрос, охранник сказал:

— Это частное владение. Вам нельзя здесь находиться.

— Что? Нет...

Он мысленно обругал себя за глупость — ведь Рамзи говорил ему, что заключил договор с охранным агентством, чтобы кто-то приглядывал за поместьем. Он еще раз мысленно выругал себя, когда понял, что Наташа практически голая. Он поспешил заслонить ее собой от охранника.

— Проявите же хоть каплю уважения, — сказал он, кипя негодованием.

Охранник даже не попытался отвести взгляда, Наташа его заворожила... Он все же сделал шаг назад и отвернулся.

— Не нужно так сердиться, — сказал он, защищаясь. — Я просто выполняю свою работу.

— И рыщете в кустах, как какой-нибудь извращенец! Кстати, посторонний здесь — вы. — Дарий снял рубашку, накинул ее на Наташу и толкнул ее к машине. — Это мои владения, — не думая, продолжал он. — Я — Дарий Хедли, владелец этого поместья.

— Неплохо сказано, да только мистер Хедли умер, — ответил охранник, — а дом продается. Будьте любезны, вернитесь в машину. Через несколько десятков метров...

— Не учите меня, что делать! Мне знаком каждый миллиметр этой земли, — перебил его Дарий, но понял, что должен как-то подтвердить свои права. Он вынул из заднего кармана бумажник, раскрыл его и протянул охраннику, чтобы тот увидел его водительское удостоверение. — Дарий Хедли, — повторил он, пока охранник медленно переводил взгляд с фотографии на его лицо. — Предыдущим владельцем дома был мой дед.

— Даже если это так, сэр, мне придется связаться с начальством.

— Свяжитесь с кем угодно. Кстати, как вы узнали, что мы здесь? — Было не похоже, чтобы он патрулировал окрестности, когда Дарий заглушил мотор.

— На всех въездах установлены камеры слежения, мистер Хедли. Сюда любят приезжать парочки...

— Избавьтесь от них.

— От кого?!

— Я хочу, чтобы вы немедленно сняли все камеры. Все до одной, вам понятно?

— Я не имею права...

Дарий не стал ждать объяснений. Он вернулся к машине, схватил мобильник и набрал номер Брайана Рамзи.

— Рамзи, — сказал он, прежде чем охранник успел вымолвить хоть слово в ответ. — Оказывается, вы установили в Хедли-Чейз камеры видеонаблюдения. Избавьтесь от них. И от охранного агентства.

— Дарий, — примирительно заговорил Рамзи, — дом пустует, а это наиболее экономный способ...

— Это — вторжение в частную жизнь. Местные жители имеют на нее право.

— Сюда часто проникают посторонние, браконьеры. Пруд с форелью тоже выставлен

на продажу, и страховая компания...

— Здесь проходит общинная тропа, а браконьеры не только сокращают поголовье кроликов, они — местные жители, и они лучше, чем любое охранное агентство, могут приглядеть за поместьем. Не желаю слушать никаких возражений. Я — владелец поместья и требую, чтобы камеры убрали. Сегодня же!

Он не стал слушать, что ему ответит Рамзи, и положил трубку, а затем резко повернулся к охраннику:

— Слышали, что я сказал? Вы уволены.

Глава 6

— Как ты?

— Нормально, — ответила Наташа, когда Дарий сел в машину. — А вот тебе стоит научиться жить в реальном мире!

— Что?! — Он собирался завести машину, но, услышав ее слова, развалился на сиденье и взъерошил волосы у нее на затылке. Оказалось, что Наташа в ярости. — Прости. Так получилось...

— Не извиняйся передо мной, — отрезала она. — О чем, позволь спросить, ты думал?

Он нахмурился. Похоже, он упустил что-то важное, правда, он так и не понял, что именно.

— Я думал, что ты немного расстроилась из-за того, что тебя видел полуголой абсолютно посторонний человек, — ответил он.

— Да неужели? А сам собираешься извлекать меня голую в бронзе, чтобы пялились зрители во всем мире! — Говорила она тихо, но Дарий понимал, что она просто кипит, и не ему осуждать ее за это. Можно и извиниться... Оказалось, что она еще не договорила. — Я не фарфоровая кукла и не разобьюсь, если какой-то тип увидит мою голую грудь. А ты не подумал, что у охранника, возможно, есть семья и дети, которых нужно кормить и одевать?

Что? Он перед ней извинялся, а у нее на уме, похоже, был только этот хам, который пялился на нее!

— Как ты думаешь, как отреагируют его работодатели, когда им сообщат, что они потеряли контракт из-за того, что их сотрудник, который просто делал свою работу, охраняя Хедли-Чейз от злоумышленников, посмел перечить великому и могучему Дарию Хедли?

— Я не...

— Что? Ты бы слышал себя со стороны. «Это мои владения»! Да неужели? А мне показалось, что ты желаешь расстаться с ними как можно скорее!

— Ну да, — ответил он.

— Тебе не терпится как можно скорее продать имение с минимальными для себя неудобствами.

— Нет...

— Когда ты последний раз приезжал сюда?

— Ты даже не представляешь...

— Так расскажи!

Что рассказать?! Что родной отец его продал? Как она отнесется к тому, что его оценили в фунтах стерлингов? Что родной дед заставил сына выбирать между любимой женщиной и маленьким сыном...

Он все еще держал телефон в руках и вместо того, чтобы ответить ей, нажал на кнопку вызова.

— Рамзи... Я приношу свои извинения, — начал он, снова не дав собеседнику и слова сказать. — Вы совершенно правы, дом должен находиться под охраной, и агентство замечательно справляется со своей работой. Пожалуйста, попросите их принять мои извинения перед охранником, которого я встретил сегодня утром. Он застал меня врасплох, но он просто делал свою работу, о чем и напомнил мне, а я повел себя как полный придурок.

Не дожидаясь ответа, он нажал на «отбой», бросил телефон на заднее сиденье и завел

мотор.

Наташа кашлянула.

— Тебе вернуть рубашку?

— Оставь ее себе, — сказал он. — Я надену твою. Ты указала мне мое место; думаю, твоя маечка будет мне в самый раз.

— Да нет, твоя рубашка идет тебе больше. — Она стащила его рубашку через голову и отдала ему, а затем потянулась к своим футболке и бюстгальтеру.

К тому времени, как она закончила одеваться, они как раз остановились у парадного входа в дом. Справа от них обширный парк спускался к реке. От красоты открывшегося вида у обоих захватило дух.

Наташа вздохнула. У Дария, сидевшего рядом с ней, был такой же отсутствующий взгляд, как при их первой встрече, но на сей раз она знала, что дело не только в испорченной рекламе. В то краткое мгновение, предшествовавшее его звонку Брайану Рамзи, чтобы извиниться за грубость перед охранником, она увидела в его потемневшем взгляде затаенную боль.

Здесь произошло что-то серьезное; один вид Хедли-Чейз ранил его в самое сердце. И все же он привез ее сюда. Ей больше нравилось бы думать, что он привез ее сюда для того, чтобы провести с ней день, может быть, немного подурочиться — или не немного, если не думать о последних минутах. И вдруг она поняла, что он воспользовался ее предложением, чтобы у него был повод вернуться сюда.

Она выбралась из машины, взяла с заднего сиденья свои сумки, но вместо того, чтобы напрямик отправиться ко входу, пошла к краю лужайки, где очень удобно стояла скамейка. Пусть немного побудет один, свыкнется с мыслью, что он здесь.

Она же приехала сюда не просто так, а по делу, Придется на время забыть о Дарии. Она достала свою мини-видеокамеру и сделала несколько панорамных снимков, которые можно будет разместить в Фейсбуке.

По гравию захрустели шаги. Значит, он пошел за ней.

— Может быть, у дома и есть некоторые недостатки, зато расположение выбрано превосходно, — заметила она, не поднимая головы. Потом его широкая грудь загородила объектив. Она не перестала снимать, но вместо того, чтобы делать панораму, подняла камеру так, чтобы в объектив попало его лицо.

— Вот ключи. Набери на пульте сигнализации двадцать шесть ноль пять.

— Доверяешь? — спросила она, опуская камеру. У нее заныло внизу живота. Значит, он все-таки решил сбежать. — Мне показалось, что ты приехал в качестве моего сопровождающего.

— Судя по всему, со своей ролью я не справился. Не волнуйся. Я попрошу охранника перед тем, как ты уедешь, обыскать тебя. Проверить, не стащила ли ты фамильное серебро, — сказал он.

— Ты был не прав, Дарий.

— Вот именно. — Он вызывающе вскинул голову. — Я набросился на него, потому что чувствовал себя виноватым.

— Я все понимаю, но я уже взрослая; я помнила, где нахожусь и что делаю. И мы с тобой разделяли ответственность в равных долях.

— Но ты не знала того, что знал я.

— Правда? И чего же я не знала?

— Рамзи говорил мне, что заключил договор с охранным агентством. Я тогда не мог думать ни о чем, кроме как о том, как бы поскорее раздеть тебя.

Наташа с трудом подавила порыв снова прильнуть к нему и, бегло улыбнувшись, призналась:

— Я тоже. Рассказать тебе, почему мне нравилось быть с Тоби? — спросила она.

— Нет...

— Он никогда не относился ко мне покровительственно, — все же продолжила она. — Никогда не сомневался в том, что я знаю, что делаю... — Ну, допустим, на это ему мозгов не хватало. — Ему никогда не нужно было защищать, опекать меня.

— Он украл твое место!

— Он сделал мне потрясающий комплимент, Дарий. Он понимает, что я сильная и умная... и что я выживу.

— Может быть, и так, но ведь и я не защищал и не опекал тебя. Я просто изображал мачо...

— Знаю. — Готовая тут же протянуть руку, коснуться его, разубедить, она сунула ключи от дома себе в карман, села на скамейку и вынула из сумки термос, чтобы чем-нибудь занять руки. Она хотела, чтобы Дарий поделился с ней своей болью.

— Первые двадцать лет жизни меня непрерывно защищали и опекали. Рано или поздно такое положение надоедает. — Она сняла с термоса стаканы и посмотрела на него. — У тебя есть время, чтобы выпить кофе?

Дарий понял: пора придумать какой-нибудь предлог и уйти. Так он поступал, когда становилось слишком трудно. Но с тех пор, как в кабинете Майлза Моргана он встретил Наташу Гордон, отработанный прием перестал ему удаваться.

Ему бы следовало не просто уйти, а бежать от Наташи, но он убегал от всего с семнадцати лет. Убегал от дома, находившегося сейчас за его спиной... И все же он здесь — из-за Наташи. А может быть, он лишь воспользовался предоставленным ею предлогом, чтобы вернуться сюда, снова взглянуть на этот дом. В чем бы ни скрывалась причина того, что он здесь, теперь это не важно. Дарий решительно уселся рядом с Наташей на скамейку и взял у нее чашку с кофе.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Ну ладно, — сказал он. — Я заинтригован. Расскажи мне о том, как ты провела первые двадцать лет своей жизни.

— Что, про все двадцать лет? — переспросила Наташа. — А мне показалось, ты куда-то спешишь.

— Я хотел заехать в больницу. — Еще одно испытание, с которым ему придется столкнуться. — Но Гэри никуда не денется.

— Ну давай, рассказывай, — улыбнулся он. — Я знаю, тебе очень хочется!

— А тебе действительно интересно?

Дарий вдруг подумал, что не надо было задавать этот вопрос, и уже почти жалел о том, что вовремя не уехал.

Она протянула руку, и на какое-то мгновение ее пальцы коснулись его плеча.

— Первые двадцать лет жизни меня холили, лелеяли, закармливали, — призналась она.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Дарий.

— Я не удивлена. Никто и никогда не понимал.

— А ты расскажи мне — вдруг я пойму.

Она посмотрела на него поверх чашки, затем опустила ее.

— Хорошо. Итак, каждый год я отдыхала с родными на побережье в Корнуолле, мы снимали один и тот же домик. А я мечтала летать на воздушном шаре над национальным парком Серенгети, о прыжках с «тарзанки» в Новой Зеландии, о рафтинге в Колорадо — словом, обо всем, чем занимались мои братья.

— Почему?

— Если бы тебе предложили выбирать, ты бы не отдал предпочтение полетам на воздушном шаре?

Дарий немного подумал и ответил:

— Вообще-то оба варианта неплохи, к тому же в Корнуолле можно заниматься серфингом.

— Ты занимаешься серфингом? В таком облегающем гидрокостюме? — Она помахала рукой перед лицом, потому что ей вдруг стало жарко. «Успокойся, взволнованное сердце!»

— А ты нет? — спросил он, не желая отвлекаться.

— Какой там серфинг! Я даже плавать не умею. Захожу в воду только по щиколотку, плескаюсь в «лягушатнике» с племянниками и племянницами. Строю песочные замки... Играла в «монетку» в пабе.

— Но почему? Ты говоришь, что болела в детстве, но сейчас выглядишь вполне крепкой.

— Крепкой? Спасибо на добром слове. Мне стало намного лучше.

— Не надо лицемерить. У тебя великолепная фигура — вне всяких сомнений, в гидрокостюме ты будешь выглядеть потрясающе, но я спрашивал не об этом. Меня интересует: почему родители так опекали тебя?

Вот оно, настал момент истины. В ее окружении все знали, что с ней случилось, и она уже привыкла к тому, что на нее смотрели с легким налетом неуверенности, жалости.

Все это она оставила в прошлом, когда покинула родительский дом. Никому в Лондоне, включая Тоби, она ничего не рассказывала. Но когда Майлз в прошлом году предложил всем персональную медицинскую страховку от фирмы, страховая компания наложила на нее столько ограничений, что он вызвал ее в свой кабинет с целью выяснить, в чем дело. Майлзу пришлось все рассказать, и он, подлец, сейчас воспользовался тем, что знал, против нее. Рассказать обо всем Дарию оказалось сложнее, чем она представляла себе.

Их связывают сугубо плотские отношения... Ничего другого не будет. У него на лбу написано «одиночка», и Наташе не хотелось менять его представление о ней. Зачем портить ее «очень красивую упаковку», он ведь собирается извлекать ее в бронзе. И все же... он поверил в нее, хотя многие на его месте не стали бы даже разговаривать с ней. Если она хочет откровенности с его стороны, ей придется отплатить ему тем же, не важно, продаст она Хедли-Чейз или нет.

— У меня был рак... — Она с трудом выговорила последнее, отвратительное слово на букву «Р». — Лейкемия...

— Лейкемия? — По крайней мере, он перестал улыбаться. — Прости, пожалуйста. Я думал...

— Что?

— В газете намекали на какие-то психологические проблемы... — Ему явно стало не по себе. — Пэтси считает, что у тебя была анорексия.

— Да ты что! — Напряжение разрядилось взрывом смеха. — Посмотри на меня!

Дарий посмотрел, и ему тоже захотелось смеяться.

— Я так и сказал ей: не может быть. — Он медленно провел пальцами по ее лицу, от виска до подбородка. — У тебя очень здоровый румянец.

— А мне кажется, ты хотел назвать меня «румяной миловидной толстушкой», — поддразнила она, — что на самом деле очень смешно.

Он подумал, что «миловидная» — слишком безвкусное определение Наташиной внешности.

— Почему смешно?

— Мне говорили, что люди, страдающие анорексией, смотрят на себя в зеркало, и им кажется, что они толстые, даже если на самом деле они — кожа да кости. Ну, моим родителям, когда они на меня смотрят, тоже кажется, что я — кожа да кости, несмотря на то что я...

— Соблазнительная.

— Спасибо за комплимент. — Она отвернулась.

Дарий взял ее пальцами за подбородок и снова развернул к себе, заглянул в глаза.

— Я знаю, о чем говорю, Наташа.

— Правда?

— Поверь. Ты страстная, нежная, теплая и невероятно сексуальная...

Какое-то мгновение они просто смотрели друг на друга, но потом она отвернулась, чтобы ослабить напряжение.

— Вообще-то мне нравится слово «крепкая». Мои родные до сих пор в это не верят.

— Никакого плавания, потому что «в бассейне полно микробов и кто знает, что скрывается в море»? — предположил он.

— Вот примерно так.

— Должно быть, твоим родителям очень трудно поверить, что ты действительно полностью выздоровела, — сказал он.

— Дело не только в моих родителях. У меня три старших брата, которые тоже очень переживали за меня. Старший, Том, стал врачом из-за того, что со мной случилось.

— А другие два?

— Джеймс — ветеринар, Гарри — учитель физкультуры. Он мне ближе всех по возрасту, и, когда я пошла в школу, он вызвался играть роль моего личного телохранителя. Следил за тем, чтобы меня никто не обижал.

— Как же ты со всем справлялась?

— К сожалению, должна признаться, что мне все это очень нравилось. Я росла настоящей маленькой принцессой. — Наташа вздохнула. — К тому же у меня три старших брата-красавца... Все хотели со мной дружить. Только когда мне было пятнадцать и Гарри обнаружил, что я влюбилась в парня из выпускного класса, все вышло из-под контроля.

Он ухмыльнулся:

— Наверное, он предупредил твоего кавалера, чтобы тот держался подальше от его маленькой сестренки?

— Ох, все было хуже, гораздо хуже, чем ты думаешь. Несчастный вряд ли предполагал, что являлся для меня предметом обожания. Он всегда улыбался мне в школьных коридорах — возможно, потому, что я была сестрой Гарри, — и я вообразила, что влюблена в него. Как многие... — Заметив его удивленный взгляд, она пояснила: — Девочки-подростки. И мой дорогой братец попросил его в виде личного одолжения пригласить меня на школьную

вечеринку.

— Ты шутишь?

— К сожалению, нет, — ответила Наташа. — Гарри был первоклассным спортсменом и играл за молодежную сборную страны. Его просьбы расценивались как приказы с горы Олимп.

— Значит, у тебя было свидание твоей мечты?

— Ну да, но...

— Что «но»?

Она вздохнула:

— Ты, наверно, и сам догадываешься... Я узнала, что за всем стоит Гарри, это открытие стало для меня настоящим кошмаром. Еще хуже... оказалось, что все остальные тоже в курсе.

— До? После? Во время?

— Во время. Классические сплетни в женском туалете... Девочка, которую он бы пригласил, если бы Гарри не вмешался, дала выход своим чувствам, ругая на чем свет стоит избалованную толстушку, которая упростила своего братца выкрутить руки ее дружку!

— Ого, — сказал Дарий достаточно небрежно, но в глубине души представлял себе, что испытала в тот миг пятнадцатилетняя девочка. — А ты что?

— Подождала в кабинке, пока девчонки не разошлись, потом незаметно ускользнула из школы и пошла домой пешком.

— Ясно. А идти было далеко?

— Несколько миль. Не такое уж большое расстояние, но я оставила в школе свое пальто, не хотела, чтобы кто-нибудь видел, как я ухожу.

— Пальто? В какое время года это случилось?

— На Рождество, — ответила Наташа, и у него с языка сорвалось слово, за которое ему тут же пришлось извиниться.

— Да нет, ничего страшного. Я была глупой девчонкой без пальто и, с любой точки зрения, повела себя как полная дура. На мне были новенькие туфли, не рассчитанные на долгие пешие прогулки. Они развалились где-то через полмили. А потом начался дождь.

— Твой друг не забеспокоился, что тебя нет?

— Ни на минуту. Когда девушка исчезает в туалете, кто знает, как долго она там пробудет, и я не думаю, что он очень спешил... — Она пожала плечами. — Как бы там ни было, у меня болели ноги, платье было испорчено, и я считала, что моя жизнь кончена. Хуже того, я знала, что мои родители ждут меня, ждут, что я расскажу о своем свидании. Мне не хотелось видеть их расстроенные лица, слышать сочувственные слова, так что я спряталась в сарае во дворе.

— О, я представляю себе, что было дальше. Никто не знал, где ты. Они организовали поиски, позвонили в полицию, начали обследовать реку?

— Вот именно.

— Ты шутишь?

Выражение ужаса на его лице рассмешило ее.

— Ну ладно, до реки дело не дошло. Том вышел навстречу с фонарем и встретил меня до того, как родители организовали спасательную операцию. Местный констебль прочел мне лекцию об ответственности, а отец на все рождественские каникулы посадил меня под домашний арест. Никаких праздников и вечеринок. Если честно, для меня это не было таким

уж серьезным наказанием. Больше всего мне хотелось впасть в зимнюю спячку.

— Твой отец догадывался, что ты чувствуешь. Он пытался облегчить твои страдания.

— Ну да... Конечно, пытался. — Наташа покачала головой. — Тогда я не понимала этого.

— Ты очень расстроилась.

— Потом все стало еще хуже. В школе настояли, чтобы я посещала «консультации» с психологом, — сказала она, изобразив пальцами кавычки, — потому что им было, видите ли, очевидно, что у того, кто ведет себя так иррационально и безответственно, большие проблемы и он нуждается в помощи.

— Судя по всему, у тебя выдалось не самое лучшее Рождество.

— Родители с побелевшими от страха лицами, Гарри со всеми перессорился... Да, ничего смешного. Зато после каникул произошло столько всего, что обо мне уже перестали сплетничать.

— Ну а ты?

— Я до сих пор пытаюсь доказать, что абсолютно здорова, цела и невредима.

Дарий подумал: видели бы ее братья, как она набросилась на него! Они бы не усомнились в том что их сестренка выздоровела.

— И как, получается? — спросил он вслух.

— Самым большим успехом можно назвать прошлое Рождество, когда я приехала домой на новеньком БМВ.

— Ого!

Она ткнула его локтем в бок:

— Мужчины так поверхностны. Если бы я знала, что на них так легко произвести впечатление, я бы на премиальные купила себе шикарную машину, а не внесла залог за квартиру.

— То, что ты так не поступила, доказывает, насколько ты умна.

Она тяжело вздохнула:

— А все-таки не предвидела, что со мной может произойти такое! По утрам я просыпаюсь, и на какое-то мгновение мне кажется, что все в порядке.

«Десять секунд, — подумал он. — У тебя есть десять секунд, когда ты думаешь, что твоя жизнь все еще имеет смысл. А потом вспоминаешь все, и ощущение безнадежности снова накатывает на тебя».

— Я чувствую себя такой глупой.

— Наташа, предать тебя может только тот, кому ты доверяешь, кого ты любишь. Подлость всегда совершает тот, от кого ты меньше всего ее ждешь. — Он скорее почувствовал, чем увидел, как она повернулась, чтобы посмотреть на него. Ее брови вопросительно изогнулись.

Откуда ему это известно? Когда рухнул его мир? Кто предал его? Между ними надолго установилась тишина; слышалось лишь пение дрозда, сидящего на верхушке кедра. Молчание постепенно становилось неловким. Хотя Дарий понимал, чем может грозить излишняя доверчивость, оказалось, что ему очень хочется все ей рассказать.

Но она заговорила прежде, чем он успел подобрать нужные слова, начать...

— Настоящей обратной стороной медали было чувство вины, — сказала она. — Я уже была достаточно взрослой и понимала, что моя болезнь сделала с моей матерью, понимала, что ей пришлось пережить, когда я была маленькой. Поэтому, когда отец предложил, чтобы

я получила высшее образование в университете Мелчестера...

Его одолели противоречивые чувства. С одной стороны — облегчение от того, что она «спустила его с крючка», с другой стороны — сожаление об упущенной возможности рассказать ей о себе.

— Тебе захотелось отплатить им добром за все, что они сделали, — предположил он.

— Ну, не совсем. В Мелчестере один из лучших факультетов по специальности «Управление недвижимостью», а так как я впервые жила не дома, то часто навещала родителей.

— Так что же заставило тебя отвергнуть предложение фонда охраны памятников, переехать в Лондон и поступить в фирму «Морган и Блэк»?

— Я родилась в крошечном городке. В детстве переболела лейкемией. Никто до сих пор не верит, что все прошло, даже мои родные.

— И ты в конце концов сбежала?

— Нет... Я солгала им, Дарий.

— Солгала?

— Я знала, что, если соглашусь работать в фонде охраны памятников, который находился совсем рядом с домом, я никогда не выберусь оттуда. Ничего не добьюсь. Выйду замуж за кого-нибудь, кого знала всю свою жизнь, кто знает все, что я когда-либо сделала...

— Ты сказала им, что тебе не поступало предложение от фонда охраны памятников?

Она кивнула.

— У меня было такое чувство, как будто я сбегаю из тюрьмы. Я работала усерднее, чем кто-либо другой, чтобы мне не пришлось возвращаться домой и они не убедились в том, что были правы насчет меня. — Она повернулась и посмотрела на него. — Ты считаешь меня ужасной, правда? Думаешь, я не ценю своего счастья — ведь у меня заботливые родные, которые меня любят...

Тепло. Очень тепло. Похоже, не он один умеет читать язык жестов и изучать внутренний мир. Должно быть, Наташа тоже кое-чему научилась, наблюдая за людьми, которые осматривают дома и всегда скрывают свою реакцию.

— У меня родных нет, — ответил он вслух, — так что не мне судить.

— Нет? — За какую-то долю секунды выражение ее лица стало обеспокоенным. — Мне так жаль, Дарий. Это действительно тяжело. Что случилось с твоими родителями?

Ну да, как раз это и называлось доверять кому-то свои секреты, что подразумевало взаимное доверие, но минута слабости прошла. Он снова пожалел, что спросил ее о прошлом. Зачем осложнять их отношения, которые не выходят за рамки сексуальных.

— У меня нет родителей. — Он допил кофе, прикрутил крышку обратно на термос и положил его в ее сумку. — Ты когда-нибудь говорила им правду? — спросил он, не давая ей продолжить. — Я имею в виду — о своей работе.

Наташа покачала головой.

— А ты попробуй, — посоветовал он. Она явно чувствовала себя виноватой перед родителями.

— Они очень расстроятся. Тем более сейчас, после всех этих газетных статей, после намеков на мой нервный срыв и так далее... Они снова вне себя от беспокойства.

Ее глаза заблестели, но слезы были вызваны гневом, он был в этом уверен. Так вот как бывает, когда кого-то любишь? Любовь — сложная мешанина из чувства вины, тревоги, отчаянного стремления не сделать больно, оградить, спасти, защитить...

Наташа смахнула выступившие на глазах слезы, и он обнял ее.

— Мама очень хочет, чтобы я поехала с ними в Корнуолл, куда они ездят каждый год, чтобы там она могла приглядывать за мной, — сказала она. — Лечить меня морским воздухом, прогулками по пляжу, вечерними играми в «Угадай слово».

— А ты вместо этого занимаешься сексом в лесу со скульптором с сомнительной репутацией, который собирается выставить твое обнаженное тело всему миру на обозрение, — ответил он.

Она фыркнула и спрятала лицо у него на груди. Ему показалось, что, когда он обнимал ее и они оба тряслись от смеха, он пережил лучшее время в своей жизни.

— Дарий... — Он вздрогнул, и Наташа, подняв голову, посмотрела на него. — Прости, что накричала на тебя. Мне очень жаль.

— А мне нет. — Подушечкой большого пальца он смахнул слезинку, которая потекла по ее щеке, затем поцеловал губы. — Можешь передать от меня своим родным, что им не о чем беспокоиться. Ты сильная во всех отношениях, и я очень рад, что ты на моей стороне.

Он радовался и тому, что, целуя ее и утопая в сладости ее губ, впервые в своей жизни не думал о плане побега. В их отношениях было столько открытости и доверия, что он перестал бояться. Он нужен Наташе. С его помощью она восстановит свое доброе имя. Она помогает ему, но все же не колебалась ни минуты, высказывая свое недовольство, когда считала, что он не прав. Сколько женщин на ее месте поступили бы так же?

Наташа опомнилась первая.

— Ну, хватит жалеть себя и хныкать! — сказала она. — У меня много дел.

Он оглянулся на дом. Огромный, пустой...

— Ты точно справишься одна?

Она бросила на него предостерегающий взгляд, и он поднял руки, показывая, что сдается:

— Извини...

— И ты извини... Не стоит так задираться. — Он привстал, и она продолжала: — Если честно, кое-что мне от тебя все-таки нужно.

— Что?

Наташа точно почувствовала момент, когда Дарий хотел уйти. После такой эмоциональной близости большинство мужчин наверняка сказали бы что-нибудь, но его отрывистое «что?» стало для нее хорошим предостережением. Она не должна слишком привязываться к Дарию Хедли. Он не из тех, кто умеет поддерживать отношения, а от боли, когда он ее бросит, ее уже никто не защитит.

— Если я найду какие-нибудь дневники, можно я их позаимствую?

— Дневники?

— Мне кажется, здесь должны были остаться какие-нибудь дневники, письма, — продолжала она.

— Понятия не имею, — сухо произнес Дарий. Он снова как будто окружил себя стальной броней.

— Ох, ради бога, Дарий, не злись! Если бы с Хедли-Чейз был связан какой-нибудь интересный скандал, о нем бы уже написали все газеты, когда вышла та проклятая реклама!

Она улыбнулась ободряюще, приглашая его к откровенности, но даже вчера, когда он был так возбужден, его невозможно было разгадать, он тщательно скрывал свои мысли и чувства.

— В таком большом старом доме наверняка жили известные, интересные люди, — не сдавалась она.

— Ничего интересного в твоём понимании этого слова, — отмахнулся Дарий. — Хедли были местными землевладельцами, увлекались верховой ездой охотой и рыбалкой. Они не стремились попасть в высшее общество.

— Так придумай что-нибудь!

— Большинство семейных преданий выросло из сплетен, преувеличенных и приукрашенных по мере того, как их повторяли. По нашей легенде, Джеймс Хедли получил имение от Карла II за услуги, оказанные королю-изгнаннику. По-моему, больше соответствует истине другая версия, по которой мой предок по дешевке перекупил имение у одного из сторонников Кромвеля, который, после реставрации монархии, решил, что климат в Новом Свете полезнее для его здоровья.

— Ты такой циник, Дарий Хедли.

Сойдя с опасной темы, связанной с семейной историей, Дарий расплылся в улыбке:

— Я не циник, я реалист. Кто проверит, правда это или нет, если ты, например, напишешь, что Джейн Остин приезжала сюда как-то в апреле и гостила неделю? Сочини какую-нибудь занимательную историю, связанную с ее пребыванием здесь!

— Я не сомневаюсь в том, что найдется какой-нибудь дотошный поклонник Джейн Остин, точно знающий, чем она занималась в каждую неделю каждого года.

— Правда?

— К сожалению, да. В те времена у людей еще не было электронной почты, скайпа или телевизора, так что они писали длинные письма родным и друзьям, в которых подробно рассказывали о том, где были и что делали. Они вели дневники...

— Ты же профессионал, — напомнил он. — Записи ты найдешь в комнате моей бабушки. Она писала историю дома. Не знаю, правда, дописала ли.

— Историю дома?! — От изумления Наташа ахнула. — Значит, история существует! Так есть история! Дарий, значит, это не выдумка!

Он ухмыльнулся:

— Вижу, я тебя осчастливил. Что-нибудь еще?

— Нет... Да... — Она выудила контейнер для пикника из сумки и достала оттуда маленькую пластиковую коробку. — Передай Гэри от меня это печенье. Оно не так полезно, как виноград, зато внесет приятное разнообразие в больничное меню.

Наташа вошла в дом и отключила сигнализацию. Когда «лендровер» ожил, она подошла к окну и посмотрела ему вслед. Дарий не пожелал входить в дом. Наверное, воспользовался поводом посетить Гэри, чтобы избежать неудобных разговоров.

Несмотря на заверения, что она справится сама, Наташу пугало это огромное пустое здание, наверняка полное привидений, и, когда она открыла застекленные двери, ведущие из прихожей в холл, первым, что ее поразило, была абсолютная тишина.

Она огляделась вокруг. Все было неподвижно, кроме пылинок, танцующих в солнечном свете, падающем откуда-то с высоты.

Под зеркалом на маленьком столике стояли давно остановившиеся старинные часы. В углах на всех ступеньках проклятой лестницы скопились сухие желтые листья. Не хватало лишь привалившегося к перилам лестницы лакея в ливрее для полного ощущения, что она попала в картинку из книжки «Спящая красавица», которая была у нее в детстве.

Когда в голове зародился замысел, она включила камеру и начала снимать огромный холл, медленно переходя от одного темного портрета к другому, сняла позолоченные медные часы, стоящие на элегантном витом столике, покрытом толстым слоем пыли, остановилась на отражении комнаты в пыльном позолоченном зеркале.

Она открывала двери; за ними оказывались комнаты с окнами, закрытыми ставнями. В полумраке мебель, затянута чехлами от пыли, казалась призрачной. Она поднялась по

величественной тюдоровской лестнице — ни следа древесного жучка — и обошла спальни разной степени пышности.

Она вошла в огромную спальню с кроватью под балдахином, на четырех столбиках, словно в гостиничном номере люкс. На такой могла бы спать сама королева Елизавета I. Следующая дверь вела в покои хозяйки дома: уютное, менее вычурное помещение, уборная, ванная комната и маленькая гостиная с удобным креслом, письменным столом и книжным шкафом, полки которого были уставлены журналами в кожаных обложках. Видимо, здесь хранятся материалы, которые изучала его бабушка, чтобы написать семейную историю.

В письменном столе оказался только один выдвижной ящик, в котором лежала пухлая папка, перевязанная черной лентой. Папка была озаглавлена «История Хедли-Чейз, записанная Эммой Хедли». Наташа развязала ленту и раскрыла папку, увидела рисунок дома в тюдоровском стиле, который за долгие годы не раз перестраивался и «улучшался». Вдруг пискнул ее телефон: пришло сообщение от Дария.

Дарий остановился в двадцати шагах от главных ворот и сторожки, где жили Гэри и его бабушка.

В свое время Мэри Уэбб была бабушкиной кухаркой. Из всех обитателей имения Мэри теплее всех относилась к Дарию, она словно старалась заменить ему родную мать. Она давала ему облизывать ложки, когда пекла пироги, заклеивала пластырем ссадины на коленках, утешала, когда умерла его собака. И, как и все в этом доме, Мэри знала его историю и скрывала ее от него.

Когда он узнал правду, ушел из дому и от всех, кто был с ним связан, ни разу не оглянувшись. Он сам так решил. Теперь у него есть жилье и работа. Но кто поручится, что все это останется у Гэри, его друга с детских лет, у Гэри, который делал ему рогатки, который вместе с ним лежал в темноте и караулил барсуков, который учил его водить мотоцикл? Кто поручится, что у Гэри будут работа и дом после того, как продадут особняк?

«Это мои владения»... Слова как будто сами слетели у него с языка. Наташа спросила, давно ли он в последний раз приезжал в свои владения... Почти столько же лет назад, сколько он прожил здесь. Целый век. Целую жизнь. Будь на то его воля, ноги бы его здесь не было. И все же он приехал — из-за нее. Не ради владений, а ради женщины. Он горько улыбнулся. Ирония судьбы!

Он вынул телефон и набрал ей короткое сообщение из двух слов. Когда он снова поднял голову, увидел на пороге своего домика Мэри Уэбб. Она постарела на семнадцать лет и как будто пригнулась к земле...

«Шестнадцать лет».

Сообщение было не подписано, но оно пришло от Дария и могло означать только одно. Она спросила его, давно ли он в последний раз был в Хедли-Чейз. Он не ответил, но вопрос ее запомнил. «Шестнадцать лет...»

Из Интернета она узнала, что Дарий Хедли учился в Королевском колледже искусств, и, приняв во внимание указанные там даты, посчитала, что сейчас ему года тридцать два или тридцать три. Значит, ему было шестнадцать или семнадцать, когда он покинул Хедли-Чейз, задолго до того, как поступил в колледж искусств, и до того, как его дед заболел. Судя по всему, он крупно поссорился с родными. Между ними пролегла такая огромная пропасть, что через нее не перекинешь мост. Неудивительно, что он не хотел позволить ей копаться в

темных углах его прошлого, так сказать, будить давно притихших призраков.

Наташа попыталась представить себя в подобной ситуации. Что было бы, если бы тогда она не спряталась в сарае, а сбежала из дому? Куда она могла бы сбежать? Как бы она жила?

Как бы она себя чувствовала, вернувшись домой шестнадцать лет спустя? Чужая женщина, в которой невозможно узнать прежнюю избалованную девочку?

Он не проявлял никакой заинтересованности к Хедли-Чейз, окружающие красоты никак не трогали его до тех пор, пока охранник не велел ему убираться. Он ответил почти рефлекторно. Очень властно. «Это мои владения...»

Она огляделась по сторонам. Дарий жил здесь все детские годы, сформировавшие его характер. Он жил в этом доме. Здесь он сложился как личность, получил силы для того, чтобы жить дальше.

Наташа развернула стол так, чтобы казалось, будто бабушка Дария работала за ним, лишь на секундочку отошла, сфотографировала стол и вид из окна, затем взяла папку и отправилась на поиски комнаты, в которой жил Дарий Хедли. И нашла ее в самом конце коридора второго этажа.

Комната была больше, чем большинство спален в доме, с высоким потолком и огромными окнами, выходящими в парк. Было очень легко угадать, кому принадлежала эта спальня. Здесь жил мальчик.

Ее брат Том был примерно одних с Дарием лет, и над его кроватью висел такой же постер, на полках стояли такие же книги. Впрочем, книгами и плакатами сходство и заканчивалось. Том всегда знал, кем хочет стать, и к семнадцати годам в его комнате появился скелет, а на стенах он развесил медицинские схемы и диаграммы.

Судя по всему, Дарий тоже рано начал задумываться о будущем. Он повесил у себя в комнате огромные, во всю стену, рисунки.

С одного рисунка на нее смотрел улыбающийся ретривер. Он был прорисован так детально, что казалось, будто собака вот-вот спрыгнет с листа и помчится по каким-то своим делам. На рабочем столе лежала папка с акварелями. Дарий рисовал дом издалека, холмы, птиц и зверей, которые населяли поместье. От мольберта, прислоненного к стене, по-прежнему исходил едва уловимый запах льняного масла. Наташа открыла стоящий за ним деревянный ящик и увидела кисти и тюбики с высохшей краской.

Наташа повернулась к шкафу, открыла его, и к горлу подступил ком, когда она увидела одежду мальчика. Сапоги для верховой езды, туфли, старые разношенные кроссовки, сохранившие форму его юношеской ноги, выстроились в ряд под рубашками, школьной формой, пиджаками, костюмом и смокингом — видимо, первым смокингом в чехле из швейной мастерской на Савил-Роу. Похоже, Дарий так ни разу его и не надел.

Какую жизнь он здесь вел? Вне всяких сомнений, неплохую, и все же он ушел, бросив все: одежду, рисунки, привычный образ жизни.

Наташа села на узкую кровать, провела рукой по старому стеганому валлийскому покрывалу, под которым он когда-то спал. Потом скинула туфли и прислонилась к широкой спинке кровати, устраиваясь на его территории, глядя в окно на вид, с которым он вырос. Она пыталась понять, почему он убежал отсюда. Ведь здесь так красиво, так спокойно.

Она глубоко вздохнула. Жизнь в ее семье со стороны тоже могла вызывать зависть, и не без причины. Но она была взрослой, когда покинула родительский дом. Дарий же ушел отсюда подростком.

Она на время отложила размышления на эту тему и, положив папку на колени, стала

читать историю Хедли-Чейз, написанную его бабушкой.

Дарий оказался прав: здесь не упоминались какие-либо события огромной важности. И все-таки его бабушка создала оригинальную летопись. К каждому описанному событию она добавляла свой комментарий и иллюстрации. Рождения, свадьбы, смерти. Праздники. Трагедии, изменения, которые затрагивали всех.

— Привет... — сказала она в трубку, одновременно ища носовой платок.

Дарий, меривший шагами гостиную Мэри, пока та собирала сумку, услышал всхлип.

— Наташа, что случилось? Ты поранилась?

— Нет... — Она снова всхлипнула. — Ничего не случилось.

— Ты плачешь.

— Я только что прочитала о вспышке оспы здесь в 1793 году. Оспа унесла жизни семерых детей. Одним из них был трехлетний сын Джошуа Хедли.

— Это случилось больше двухсот лет назад, — напомнил он ей.

— Понимаю, что расчувствовалась не в меру, но... твоя бабушка нарисовала его могилу. Она такая маленькая. Это не просто история, это — произведение искусства. Я нашла рассказы не только о несчастьях, но и о радостях, праздниках. Рисунки твоей бабушки — просто прелесть. Теперь понятно, что у вас это — наследственное, — выпалила она.

Дарий пропустил мимо ушей ее попытку поговорить о бабушке.

— В столовой висит портрет Джошуа.

— Вообще-то сейчас я рассматриваю твои ранние работы. — Наташа отказывалась сдаваться. — Акварели.

— Они красивые, но скучные, — ответил он пренебрежительно.

— Ты слишком суров к себе. Мне очень нравится изображение твоего пса. Как его звали?

— Флинн, — ответил он. — Его звали Флинн.

Даже теперь, много-много лет спустя, он все еще как будто перебирал пальцами мягкие завитки собачьей шерсти. Чувствовал теплый запах псины. Тяжелее всего было расстаться именно с ним, но Флинн состарился и уже не мог покинуть уютный дом, где его всегда ждал сытный обед.

Только что он иронизировал над тем, что она сокрушается о ребенке, умершем двести лет назад, но теперь и сам почувствовал, как глаза наполняются слезами.

— Дарий, что с тобой?

Он прокашлялся.

— Все нормально...

— Так можно мне все это использовать?

— По-твоему, рассказ об эпидемии оспы поможет продать дом? — спросил он.

— Возможно, как раз оспу я опущу.

— Правильное решение.

— Так, значит, «да»?

— «Да» со всеми обычными условиями.

— Ты уже видел меня голой, — напомнила она.

Оказывается, она способна пробудить в нем не только воспоминания о прошлом. Ей под силу завести его и рассмешить.

— Так ты сейчас голая? — спросил он.

— Дай мне полминуты.

— К сожалению, у меня возникли трудности.

— Где ты? — спросила она, быстро уловив и разгадав изменения в его голосе.

— Я заехал в сторожку к Мэри Уэбб, бабушке Гэри, — объяснил он. — Он живет с бабушкой.

— Ясно... Очень милосердно с твоей стороны.

— Я не мог не заехать. Мэри была кухаркой у моих бабушки и деда. Я не мог просто так проехать мимо. — Раньше ему казалось, что мог. Последние семнадцать лет он только и делал, что мысленно проезжал мимо.

— Дарий, не важно, что толкнуло тебя на этот шаг, теплые чувства или чувство долга. Главное, что ты приехал.

— Рад слышать, что ты так думаешь. Она как будто пригнулась к земле и стала хрупкой, как птичка, но устроила мне такой скандал, что небу жарко стало!

— Угости ее печеньем, — посоветовала Наташа, не спрашивая, почему бабушка Гэри напустилась на Дария. Она прекрасно понимала, какие чувства испытывает женщина, покинутая... ребенком, о котором она столько заботилась, которого любила с младенчества. Которая в результате того, что случилось тогда, лишилась внука. Его деду нельзя было перечить...

— Жители деревни ей помогают, привозят продукты, но ей нужно нечто большее, так что сейчас я беру ее с собой навестить Гэри, а потом отвезу к ее дочери в Брайтон.

— Должно быть, веселая выйдет поездка.

— Да уж... Всю дорогу придется чувствовать себя виноватым.

— Может, это пойдет тебе на пользу? — заметила она.

— Я выдержу, — заверил он ее. — Но совершенно не представляю себе, сколько на все потребуется времени.

— Не беспокойся. Позаботься лучше о миссис Уэбб. Я придумаю, как выбраться. Отсюда ходит автобус до Суиндона, а там сяду на поезд.

— Мы поедем на машине Гэри, — сказал он. — Ключ от «лендровера» я оставил под цветочным горшком на крыльце.

— Ух ты!

— И все? — спросил он. — Наконец-то ты не нашлась с ответом?

— Просто подумала: если ты пригонишь машину Гэри назад, я подожду тебя здесь.

— Я вернусь поздно.

— Мы можем переночевать здесь, — предложила она.

— У меня есть идея получше. Давай встретимся у тебя дома и устроим пикник, который ты обещала. В складчину.

— Да? А что ты принесешь?

— Бутылочку чего-нибудь охлажденного и три презерватива, — предложил он.

— Целых три? Не многовато ли?

— Один за вчера, другой за сегодняшнее утро и третий — для удовольствия, — пояснил он.

— Разговоры, одни разговоры... — Она от души рассмеялась и положила трубку.

Все еще ухмыляясь, он поднял взгляд и увидел, что на него смотрит Мэри.

— Мой чемодан стоит на кровати, — сказала она, когда он подошел, положила руку ему на плечо. — Дарий, все из-за мотоцикла. Из-за него он рассказал тебе про твоего отца. Гэри никогда не завидовал ничему, что у тебя было, но вот мотоцикл...

— Знаю...

Именно Гэри учил его ездить по проселочным дорогам на старом, выдавшем виды мотоцикле, который он постоянно чинил. Вот почему, когда Дарию исполнилось семнадцать и он увидел у крыльца новенький серебристый мотоцикл, он сразу же запрыгнул в седло и поехал хвастаться Гэри.

Дарий был настолько занят самим собой, настолько незрел, что не понимал, как почувствует себя Гэри, когда увидит своего друга на такой машине. Ведь ему самому такой мотоцикл был не по карману... С того момента они все больше отдалялись друг от друга. Его ожидали последние классы привилегированной частной школы, поступление в университет, наследство в виде огромного поместья. Гэри же, который бросил школу в шестнадцать лет, не сдав выпускные экзамены, предстояла жизнь неквалифицированного рабочего и минимальная оплата труда.

— Он не сделал ничего неправильного. Он сказал мне правду, вернее, то, что сам считал правдой, только и всего.

— Твой дед был жестким, гордым человеком... Он разбил твоей бабушке сердце, прогнав твоего отца из дома за то, что тот не пожелал расстаться с твоей матерью. Бедная хозяйка так и не смогла оправиться после случившегося. И дело не в том, что она не хотела любить тебя, Дарий, просто она столько потеряла, что больше не могла рисковать.

— Мэри, все мы много потеряли. И больше всех мой дед.

Наташа спрыгнула с кровати и подошла к окну, сиюсь разглядеть за деревьями главные ворота. Глупо. Из-за деревьев сторожки не видно. И все-таки она улыбалась. Она заставила Дария выйти за пределы очерченного им самим круга, в котором ему было спокойно. Он заехал к бабушке Гэри, и тот факт, что та злилась на него, доказывал: когда-то их связывали теплые отношения.

И еще... он почувствовал необходимость рассказать ей о том, что Мэри на него злится. Значит...

Стоп. Здесь нужно остановиться. Меньше всего ей сейчас хотелось думать о сложном клубке отношений. Не надо усложнять.

Дарий нажал на кнопку звонка и услышал голос Наташи, искаженный домофоном:

— Кто там?

— А ты еще кого-то ждешь?

— Мои пироги пользуются огромным спросом, — напомнила она.

— Сахарные губки!

— Второй этаж, первая дверь направо. — Она нажала кнопку, и дверь открылась.

— Я на кухне! — прокричала она, когда он открыл дверь и, поставив свои туфли рядом с ее, пошел на голос.

Ее шелковая блузка шоколадного цвета спала с одного плеча, и без того короткая розовая юбка из какой-то легкой материи задралась вверх, открывая длинные ноги. Она стояла босиком. Когда потянулась за двумя винными бокалами, он, не говоря ни слова, обнял ее и прильнул губами к ее плечу.

Когда он добрался до ее груди, она затрепетала от радостного предвкушения и теснее прижалась к нему. Вот о чем он мечтал! Только мысли о ней помогли ему выдержать этот день. Он представлял себе, как обнимает ее, вдыхает аромат ее волос, кожи...

— Ну, здравствуй, — сказала она, смеясь, повернулась к нему лицом и прижалась к его груди. Потом провела пальцами по темным кругам под его глазами, будто пытаясь стереть тени, которые могла видеть только она. — У тебя был нелегкий день...

— Никаких разговоров, — хрипло ответил он.

У него в ушах звенело от разговоров. И теперь, не давая Наташе ответить, он впился в ее губы жадным поцелуем. Она обвила руками его шею и растаяла в его объятиях. Ее горячие мягкие губы стали для него воротами в рай.

Он медленно и с наслаждением целовал ее, а его руки бродили по ее телу. Он обхватил ее за талию, приподнял блузку, стал гладить живот, бедра, спину.

Наташа прижалась к нему и отвечала на его поцелуи еле слышными стонами. Она негромко вскрикнула, когда он прервался, чтобы снять с нее блузку и бюстгальтер, а затем с удовлетворенным вздохом отклонилась назад, когда его губы и язык снова принялись медленно исследовать ее тело.

Действительно, какие уж тут разговоры...

Глава 8

Наташа едва ли была способна связно говорить, когда Дарий, держа ее за ягодицы, ласкал языком ее шею. Потом он опустил ниже, оставляя влажную дорожку в ложбинке между ее грудями.

Она стонала и извивалась, а он опускался все ниже, пока не добрался до пупка, вытворяя нечто невообразимое своим языком. Она, ловя ртом воздух, мгновенно взобралась на него и оседлала, крепко обхватив ногами.

Не останавливаясь, он прижал ее к столу, задрал юбку и спустил с нее трусики. Затем нащупал пальцем самую горячую точку и принялся ласкать ее круговыми движениями.

— Оххх... — простонала она, стаскивая с него рубашку поло и замирая от восторга при виде его мощных плеч, рук, перетаскавших не одну тонну глины, камня и металла, широкой груди, узкой талии, бедер и доказательства того, что он рад ее видеть...

— Хочешь прямо здесь? — спросил он. Его глаза были похожи на горящие угли. Он подразнил ее кончиком пальца, прежде чем погрузить его в нее.

— Оххх... оххх... — снова простонала она, поощряя его, сжимаясь вокруг его пальца, страстно желая большего, всего.

— А может, перейдем в надежную, безопасную кровать?

Вместо ответа она вытащила из кармашка пакетик с презервативом и, не спуская с него глаз, расстегнула ремень на его брюках...

Нагнувшись, чтобы взять презерватив, он прошептал:

— Не останавливайся.

Она дрожащими руками постаралась как можно бережнее расстегнуть молнию на его джинсах и спустила их вниз. Она обхватила его бедра, когда он освободил ее от нижнего белья и надел презерватив.

Затем он поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза.

— Готова? — спросил он.

— Никаких разговоров, — прошептала она, и он вошел в нее резким толчком, который отозвался во всем ее теле. Ей показалось, будто он заполнил ее всю... С трудом отдышавшись, она открыла глаза. — Не останавливайся, — пробормотала она, обвивая руками его шею, обхватив ногами его талию, стараясь принять его в себя целиком.

То, что он с ней делал, невозможно было описать словами. Он не искал быстрого удовлетворения и позволил себе достичь пика лишь тогда, когда она, крича от наслаждения, достигла оргазма.

Наташа дрожала, еле удерживаясь на ногах, она не могла бы сказать точно, кто из них кого поддерживает. Они льнули друг к другу. Она положила голову ему на плечо, слушала, как бьется его сердце — сначала часто, потом возвращаясь к нормальному ритму, — и вдыхала возбуждающий аромат его пота.

* * *

Дарий пришел в себя первым. Он опустил Наташу на пол и поддерживал ее до тех пор, пока не удостоверился, что она в состоянии стоять на ногах.

То, что произошло, было совершенно не похоже на весь его прошлый опыт.

— Не знаю, как ты, но я бы чего-нибудь выпил, — сказал он.

Она подняла голову и поцеловала его в щеку.

— Отличное предложение. — Она протянула ему принесенную им бутылку и два бокала: — Отнеси это в ванную.

Вдвоем они бы ни за что не поместились в крошечной душевой кабинке, так что Наташа наполнила ванну, добавив в воду немного пены, и зажгла ароматические свечи. Он принес бокалы, до половины наполненные розоватым охлажденным вином, поставил бутылку на край ванны и залез в воду. Она устроилась у него между ног, прислонившись спиной к его груди. Потягивая вино в приятной тишине, она вновь переживала каждое прошедшее мгновение, каждое прикосновение.

Его кожа, золотистая при свете свечей, выглядела так соблазнительно, что она повернулась и нашла языком чувствительное место у него под коленкой. Он убрал свой бокал, когда она, поощренная его реакцией, села к нему лицом, нагнулась и провела губами по внутренней поверхности его бедра, а затем подняла голову и встретилась с ним взглядом.

— Здесь или в надежной, безопасной кровати?

— Ни одна кровать не может быть безопасной, если на ней лежишь ты, но я рискну, — сказал он, притягивая ее к себе и целуя. — И на сей раз я буду внизу и позволю тебе делать всю работу.

Не работу... Удовольствие.

Наташа проснулась с первыми лучами утреннего солнца, каждая клеточка ее тела приятно ныла, и на нее нахлынули воспоминания вчерашней ночи. Она повернулась, чтобы посмотреть на него, но рядом никого не оказалось. На соседней подушке лежал лист бумаги. Он нарисовал ее спящей: грудь обнажена, под простыней, укрывавшей ее бедра, проступали очертания ягодиц, рука протянута к нему, словно она звала его обратно в постель.

Она испытала тревожное чувство. Почему он оставил ей этот рисунок? Оставлял ли он такой же каждой из своих любовниц? Чтобы было потом, чем шокировать внуков?

Кофе. Ей срочно надо выпить кофе. Оторвав себя от кровати, она спрятала рисунок в ящик письменного стола, кое-как оделась и отправилась в кухню.

К чайнику была прикреплена записка:

«Прости за неожиданное бегство, но сроки работы над лошадкой поджимают, на следующей неделе я должен отдать ее в отливку. Ключи от «лендровера» и от дома пусть будут у тебя, пока они тебе нужны.

Д.».

Она потянулась за телефоном, чтобы написать ему... Что? Спасибо за ключи? За проведенное время? За все? Было слишком много «всего», за что его следовало бы поблагодарить.

«Не усложняй», — напомнила она себе, набирая слова:

«Спасибо за вчерашний день.

Н.».

Она нажала кнопку «отправить», не дожидаясь, пока мозги у нее окончательно расплавятся.

Следующие несколько дней Наташа потратила на создание рекламного образа Хедли-Чейз. Она отсканировала несколько акварелей и использовала один из рисунков Дария в качестве обложки для профиля в Фейсбуке, на сайте, созданном по ее заказу вебдизайнером, и в аккаунте в Твиттере. Ракурс был почти таким же, как на сделанном ею снимке. Неудивительно, что Дарий похвалил ее.

Закончив с художественным оформлением, она разместила в Твиттере фрагменты из истории дома, снабдив их прелестными иллюстрациями бабушки Дария и его эскизами. Она дала ссылки на свою страничку на «Фейсбуке», а также на сайт, где привела более подробную информацию о доме.

Она записала закадровый текст для видео под названием «Спящая красавица», которое сняла внутри дома, и опубликовала фильм на Ютубе. Для каждой показанной комнаты у нее нашелся подходящий отрывок из летописи.

За последовавшую неделю она собрала немало просмотров, но большинство из тех, кто комментировал ее публикации, больше интересовались автором картин и историей, чем собственно домом. Кто нарисовал акварели? Где их можно приобрести? Можно ли их распечатать? Открыт ли дом для посетителей? Где можно купить книгу?

Пока еще никто не связал рисунки с именем Дария Хедли — это было неудивительно, учитывая, что он прославился прежде всего как скульптор.

От Дария не было ни слуху ни духу. Наташа знала, что он очень занят, но всякий раз, как звенел дверной звонок, она сразу же бросалась к двери, чтобы посмотреть, кто пришел.

— Наташа?

— Привет, мам, — сказала она, впуская мать внутрь, и, пытаясь скрыть свое разочарование, отправилась включать чайник. — Вот так сюрприз. Я думала, ты всю готовишь и собираешься на каникулы.

— Готовлю, — сказала мать, доставая из корзинки форму с запеканкой и ставя ее в холодильник. — В морозилке уже свободного места не осталось.

Как обычно...

— И ты проделала такой длинный путь до Лондона, чтобы немного разгрузить морозилку? — сострила она.

— Не только для этого. Я подумала, что, коль скоро ты сейчас не работаешь, мы могли бы провести день вместе. Прогуляемся по магазинам... Может быть, выпьем чаю сегодня в «Клейборне»? Папа обещал нас угостить.

Ну да, конечно. Ей предлагали не просто вкусно поесть, а отвлечься от неприятных мыслей.

— Мам, вообще-то я немного занята.

— Ты работаешь? Неужели Майлз Морган?..

— Нет. Я веду частную сделку для одного клиента, продаю его дом, — быстро проговорила Наташа, стараясь не думать о том, что этот «клиент» не заплатит за оказываемые ему услуги. Ладно, Дарий обещал ей авторский экземпляр своей скульптуры, а он наверняка стоит немало. Если, конечно, его обещание по-прежнему в силе. — Ну а что ты собираешься покупать? Не поздновато ли прикупать вещички в отпуск?

— С отпуском ничего не получится.

— Почему?

Ее мать глубоко вздохнула, вынула несколько чашек и блюдца, согрела чайник.

— Вчера вечером нам позвонили. По всей видимости, лопнул бак с водой. Потолок обрушился... дом непригоден для проживания в обозримом будущем. Дети очень расстроились.

— Ох... Мне очень жаль.

— Вы не можете найти другое место?

— На весенние каникулы для девяти взрослых и семерых детей? К тому же не забывай, будут официальные выходные по всей стране.

— Для восьми взрослых, — уточнила Наташа, ставя на стол форму с пирогом. — Лимонный будешь? — предложила она, выкладывая кусочек на тарелку. — Что вы собираетесь делать?

— Думаю, съездим куда-нибудь на экскурсию... Ничего, как-нибудь справимся. — Мама взяла кусок пирога и внимательно его осмотрела. — Ты могла бы открыть пекарню, — предложила она. — Или, скажем, интернет-службу по доставке выпечки... Спрос на хорошие домашние пироги никогда не падает.

— Могла бы, но не буду.

— Да ведь я только предложила. Расскажи мне о доме, который ты продаешь.

— Если честно, я продаю Хедли-Чейз.

Мать нахмурилась:

— Разве это не тот самый дом?..

— Тот. Я обещала владельцу, что найду ему покупателя.

— И он согласился?

— Почему бы и нет? У меня рекордное количество продаж.

— Ну да, в то время, когда за твоей спиной стояла солидная фирма, — возразила мать. — К твоим услугам были гляцевые журналы, рекламные брошюры и «Кантри кроникл»... — Она замолчала, сообразив, что напоминать об этом не слишком тактично с ее стороны. — Реклама стоит невероятных денег.

— Необязательно.

Наташа показала матери страничку в Фейсбуке.

— Что ж, похоже, ты собрала немало комментариев. Рисунки очень симпатичные. Кто их выполнил?

— Я нашла их в доме. Они были без подписей.

— Значит, кто-то из тех, кто там жил, был очень талантливым. — Мама отломил вилкой еще кусочек пирога, а затем добавила: — Тебе нужен план.

— Это и есть план, — призналась Наташа. — Мам, а можно предложить тебе кое-что?

— Ты можешь предложить мне еще один кусок своего пирога, — ответила мама, наливая чай и добавляя в него молока. — Что же это за предложение?

— Ты, наверное, уже поняла, что Хедли-Чейз — великолепный загородный дом, расположенный в прекрасном месте. Кстати, там есть ручей, в котором водится форель. Папа с мальчиками могли бы ее ловить... Удочки прилагаются, — добавила она. Она видела их в одной из кладовых. — Там такие шикарные виды, что дух захватывает, а Хедли — классическая английская деревушка. Домики под соломенными крышами, старинный паб, общинный луг... Конечно, это не Корнуолл, — быстро прибавила она, — зато проживание бесплатно!

— Что ж, звучит великолепно и очень великодушно с твоей стороны, учитывая, что это не твой дом, — ответила ее мама, скорее подозрительно, чем с воодушевлением. — А разве в газетах не написали, что лестница в доме вот-вот обрушится?

— С лестницей все хорошо, ее можно привести в порядок, приложив совсем немного усилий, при помощи тряпки и пылесоса. — Она ждала, когда смысл ее слов дойдет до матери.

— Значит, предлагая нам пожить в доме «бесплатно», ты на самом деле хочешь, чтобы мы в отпуске пылесосили, убрали сухие листья и все, что еще там можно найти... Иными словами, устроить генеральную уборку?

— Не во всем доме, — возразила Наташа. — Только в парадных комнатах.

— И в спальнях, если, конечно, ты не предлагаешь нам раскинуть палатки на лугу. И в ванных комнатах. И на кухне.

— С кухней я разберусь до вашего приезда. Там не все так плохо, правда.

Мама отпила чаю.

— Семь дней, восемь взрослых, — продолжала настаивать Наташа. — Все, о чем я прошу, — это час работы в день от каждого из вас, зато у вас появляется возможность пожить в старинном поместье с богатой историей. Обещаю, — продолжила она, не дожидаясь, пока мать выскажет еще какие-нибудь возражения, — что больше ни у кого не будет таких фотографий с каникул, как у вас. Это не какой-то там жалкий коттедж, даже не апартаменты в шикарном доме, а целый дом, кровати под балдахином и бальная зала, и все — в вашем полном распоряжении.

— Ну, не знаю, Наташа...

— Непременно прочти летопись Эммы Хедли. Я отсканировала и распечатала ее, возьми экземпляр. Там великолепные иллюстрации, — добавила Наташа. — Можно, кстати, поделиться своими впечатлениями... Я сделаю для вас презентацию в «Пауэр Пойнт».

— Ты будешь там с нами? — спросила мать, найдя ее слабое место и играя на ее чувстве вины. — Не просто вымоешь кухню и убежишь назад, в Лондон?

На то она и мама. Мама видит ее насквозь, до самых глубинных тайников ее души. Почти как один ее знакомый скульптор...

— Ну да, мне придется там быть, — ответила Наташа. — А в последнюю субботу устроим «день открытых дверей». Пригласим гостей на чай... Ты не откажешься испечь по такому случаю свои булочки?

— А в следующем году поедешь с нами в Корнуолл?

Наташа поняла, что до мамы ей еще далеко.

— Можешь на меня рассчитывать. Я решила научиться кататься на серфе.

Пропустив мимо ушей ее последнюю фразу, мать встала.

— Тогда я лучше поеду домой и все организую. Мы привезем с собой постельное белье. И полотенца, — сказала она. — Я попрошу кого-нибудь из мальчиков забрать тебя в субботу утром.

— Не нужно. Дарий... Мистер Хедли одолжил мне свой «лендровер».

— Кто-о?! Дарий Хедли? — Мать нахмурилась. — Это имя кажется мне знакомым. Не могла ли я видеть его в «Селебрити»?

— Не знаю, — честно ответила Наташа.

Ключи по-прежнему оставались у Наташи; Дарий предоставил ей карт-бланш. Она

вольна делать, что угодно, лишь бы поскорее продать дом. Раз он сейчас так занят, нет нужды его беспокоить... Правда, кто-то должен предупредить охрану, что в доме будут гости. И о «дне открытых дверей» в субботу. Она поедет к нему и все объяснит...

Она решила, что на метро доберется на другой конец Лондона гораздо быстрее, чем на машине или на автобусе. Увидев, что его улица полностью перекрыта грузовиком, Наташа поняла, что приняла правильное решение.

Вокруг толпились зеваки, наблюдая за происходящим, и среди них она заметила Пэтси.

— Что происходит?

— Лошадь грузят. Дарий! — крикнула Пэтси. — К тебе пришли!

Он появился прямо из-за грузовика, пыльный и потный. Щетина недельной давности делала его похожим на пирата.

— Подожди, — сказал он, — я просто должен проследить за тем, как он поедет.

— Не спеши.

Его губы растянулись в широкой улыбке.

— Я никогда не спешу.

— Ох, да...

Их взгляды с Пэтси встретились, и, судя по тому, как та закатила глаза, она все прекрасно поняла.

— Ну как, продали дом? — спросила Пэтси.

— Нет, но я работаю над этим.

— Если я могу быть чем-нибудь полезной... — она протянула свою визитную карточку, — позвоните мне.

— Помощники мне не по карману, — призналась Наташа. — Я предложила своим родным провести неделю за городом в обмен на то, что они сделают там генеральную уборку.

— Сейчас я не могу себе позволить свозить куда-нибудь сына на каникулы. Если вам нужны рабочие руки, я готова поработать за кров и свежий воздух.

— Что ж, спасибо. Чем больше народу, тем лучше.

— Проясните этот вопрос с Дарием и позвоните мне, — сказала Пэтси, взглянув на часы. — Ну, пока!

Наташа прислонилась к стене, когда грузовик завелся, и Дарий присоединился к ней, наблюдая, как тот медленно отъезжает с упакованной и перевязанной лошадью в кузове.

— Ты похожа на мороженое. Я бы поцеловал тебя, — добавил он, — но от меня плохо пахнет.

— Это хороший запах. — Запах глины и сосновых опилок перемешался с крепким запахом честного трудового пота. Подняв руку, Наташа провела ею по его щетине. — Мне нравится.

Он поднял ее руку и поднес к губам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Они подошли к небольшому каменному дому в конце улицы, и он отпер дверь.

— Хочешь быть моей музой?

— Я сразу представляю себе полуодетых женщин, которые слоняются по холодной, продуваемой сквозняками студии, пока художники с дурной репутацией спорят о взглядах на искусство... Так что, пожалуй, откажусь.

— Я не сказал «стать» моей музой, я сказал «быть».

— Значит, у меня нет выбора?

— Как и у меня.

— Ох... Ладно, я рада, что смогла помочь, — сказала она, ненадолго прижимаясь к нему. — Ты что-нибудь ел?

— Пэтси не дает мне умереть с голоду. Ты пыталась связаться со мной? — спросил он, доставая плоский телефон из заднего кармана своих джинсов.

— Я оставила сообщение, но так и подумала, что раз ты работаешь, то отключил телефон.

— Речь о чем-то важном?

— Я не продала дом, — быстро проговорила она, — но нам нужно кое-что обсудить.

— Потри мне спину, и я буду весь внимание, — заверил он ее, снимая в крошечной прихожей ботинки. Стадив футболку, он швырнул ее на пол.

Снаружи дом походил на все остальные дома на этой улице. Внутри она увидела деревянный пол, покрытый лаком, белые стены, простые стальные светильники и старые вытертые кожаные кресла.

Он расстегнул ремень на джинсах, и они упали к его ногам. Переступив через них, он, голый, зашагал по открытой лестнице наверх, в спальную зону. Следом за ним Наташа подошла к ванной из стали и гранита.

— Если ты собираешься помыть мне спину, лучше разденься, а то твоя одежда промокнет насквозь, — предупредил он, открывая кран. Его глаза коварно поблескивали.

— Веди себя прилично. — Сегодня она оделась особенно тщательно. Ей хотелось произвести впечатление. — Мне еще возвращаться домой на метро.

Она расстегнула юбку, и та съехала к ее коленям. Она сбросила ее и сняла туфли.

— Вот и хватит пока, — сказал он, когда она осталась в бюстгальтере и трусиках цвета шампанского. — Мне очень хочется посмотреть, как это намокнет.

— После того, как сможешь не только руку мне целовать, — ответила она, но не стала спешить снимать белье, раз уж оно ему так понравилось. — Отвернись.

Он не отрывал жадного взгляда от ее груди.

— Это обязательно?

Ох... Густые темные курчавые волосы, потеки глины на щеках и груди, вода, стекающая по коже, придавали ему сходство с вождем какого-нибудь первобытного племени.

Все низменные инстинкты побуждали ее сделать еще шаг, прижаться к нему и заняться с ним любовью, но темные впадины у него на висках и под глазами предостерегали ее: сейчас в этом он нуждался меньше всего.

Она взяла с полочки гель для душа и жестом велела ему повернуться спиной. Он уперся ладонями в гранитную стену.

Она намылила ему голову, привстав на цыпочки, чтобы смыть засохшую в волосах глину. Ей пришлось прижаться к нему, грудь скользила по его спине, с которой каскадом стекала вниз мыльная пена.

Когда она повторила всю процедуру еще раз, он зарычал:

— Боже мой, что ты делаешь, женщина?

— Истязая себя, — сказала она, выдавливая гель на губку и намыливая ему плечи.

— И не только себя! Если хочешь сказать мне что-то важное, лучше скажи сейчас, пока я еще в состоянии соображать.

— Я нашла людей, которые приберут в Хедли-Чейз. Мы проживем там неделю начиная с

субботы.

— Что значит «поживете»? — Он чуть-чуть повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Успокойся. Речь идет о моей семье. — Она продолжала мыть ему спину, опускаясь все ниже, к углублению между двумя его восхитительно подтянутыми ягодицами.

— Нет... — начал было он, но вынужден был замолчать. У него перехватило дыхание, когда ее ласковые пальцы спустились ниже.

— Каникулы в Корнуолле накрылись медным тазом, так что я предложила им провести неделю за городом в обмен на небольшую помощь в уборке.

— Я не могу просить твоих родных убирать мой лом, — сказал он.

— Ты не можешь — зато я могу, — ответила она, приседая вниз и обрабатывая мочалкой его колени и совершенно потрясающие икры. — Пэтси тоже вызвалась помогать.

— Пэтси?

— Я встретила ее на улице. Она велела для начала спросить разрешения у тебя.

— Все соседи будут знать мельчайшие подробности, не пройдет и часа с момента ее возвращения.

— Речь идет всего лишь о старом доме, — напомнила она ему. — Куча скучных портретов, парочка кроватей под балдахинами и старая-престарая кухня. Теперь можешь повернуться.

Он повернулся, и у нее на мгновение перехватило дыхание. Может быть, он и не спал всю неделю, но одна часть его тела пришла в полную боевую готовность.

Словно в замедленной съемке, она вымыла ему пальцы ног, лодыжки, внутренние стороны бедер. Потом встала и намылила ему грудь и живот.

Он потянулся было к ней, но она запротестовала:

— Не трогай...

К тому времени, как она добралась до той части тела, что никак не хотела успокаиваться, у него задрожали ноги. Глухо застонав, он отклонился назад и ухватился руками за полотенцесушитель. Он закрыл глаза. Она взяла его мужское достоинство в ладони и поглаживала до тех пор, пока он со вздохом облегчения не разрядился ей в руку. После этого она выключила воду, обняла его за шею и очень нежно поцеловала.

— А теперь иди спать.

Ошеломленный, едва способный говорить, он взял с полочки полотенце, накинул на нее и притянул к себе. Она была теплая и мокрая.

— Останься со мной, — попросил он.

— Так вот чем должны заниматься музы? — спросила она, пытливо глядя на него и слегка хмурясь. — Быть готовой к тому, чтобы ты, проснувшись, рисовал ее во всех позах — довольной, насытившейся, удовлетворившей все желания?

— Я оставил записку, — ответил он. — Я оставил рисунок...

— Почему?

— Ты спала. Если бы я забрал его, это выглядело бы так, словно я краду у тебя что-то совсем личное, интимное.

— Ох. — Она прислонилась лбом к его груди так, чтобы он не мог видеть ее глаз. Не мог видеть, о чем она думает. — Если хочешь, Дарий, возьми его. Он твой.

Он отступил на шаг и приподнял пальцами ее подбородок, читая по ее лицу так же легко, как большинство людей читает заголовки газет.

— Ты решила, что рисунок — прощальный поцелуй? — спросил он. — Рисунок Дария

Хедли в обмен на горячий секс?

— Нет! Наверно... — Она опустила плечи. — Я тебя совсем не знаю, Дарий.

— Точно, не знаешь, — ответил он, беря из стопки еще одно полотенце и оборачивая его вокруг пояса. — Если бы я когда-нибудь мог поступить так подло, я бы обязательно подписался и поставил дату, чтобы рисунок чего-нибудь стоил. Чтобы его можно было продать.

— Дарий...

Он не стал ждать извинений. Она не доверяет ему — вот что главное. Дарий поднял трубку стационарного телефона, стоявшего рядом с кроватью, и нажал кнопку быстрого набора.

— Рамзи? Говорит Дарий Хедли. — Он не стал терять время на приветствия. — Мой агент организовал уборку дома. Пожалуйста, проинформируй охрану, что они будут жить в доме с... — Он посмотрел на Наташу, которая в нерешительности застыла у порога ванной комнаты, прижимая полотенце к груди.

— Сегодняшнего дня, — выпалила она на одном дыхании. — Я поеду туда сегодня, чтобы включить воду, вычистить...

— С сегодняшнего дня, — продолжил он. Он лишь вполуха слушал ворчание Рамзи: как нехорошо пускать в дом целую кучу посторонних людей.

Мокрые пряди волос, прилипшие к румяным щекам, сливочные пышные плечи... ему приходилось делать над собой невероятные усилия, чтобы не подойти к ней. Не молить о прощении...

Какое-то безумие! Точно такое же безумие поразило когда-то его отца. Желание обладать женщиной, выходящее за все границы здравого смысла.

— Я понимаю все ваши доводы, Рамзи, но, откровенно говоря, — сказал Дарий, — ваше мнение меня совершенно не волнует. Я не подарил Хедли-Чейз государству только потому, что кому-то надо защитить местных жителей, а я точно знаю, что вы не будете этим заниматься. — Не дав Рамзи возразить, он нажал отбой. — Что-нибудь еще? — спросил он.

Наташа глубоко вздохнула. Он стоял перед ней с каменным лицом. Она усомнилась в честности его намерений, тем самым оскорбив его чувство собственного достоинства. Она пересекла какую-то невидимую линию, и этого уже не исправишь!

— Только одно. — Она прижала полотенце к груди. Всего мгновение назад быть обнаженной казалось ей совершенно естественным, и вдруг ей стало неловко. — Теперь я не работаю в фирме «Морган и Блэк», поэтому не могу себе позволить устроить в Хедли-Чейз торжественный прием с обедом из трех блюд. И все же в следующую субботу я собираюсь провести там «день открытых дверей», — сказала она. — Приглашу гостей на чай. Если погода будет хорошей, то устрою чай на улице, если же нет — в бальном зале.

Он по-прежнему молчал. Даже не съязвил насчет пирогов. Он словно не мог дождаться, когда она уйдет.

— И хотя я уверена, что потенциальные покупатели и представители изданий о недвижимости захотят побеседовать с тобой, в твоем приезде нет необходимости. — Опять никакого ответа. — У меня все.

Наташа собрала одежду, на негнущихся ногах спустилась по лестнице, одеваясь на ходу, по пути к двери натягивая блузку и юбку на еще влажное тело. Она вышла и шумно захлопнула за собой дверь, чтобы он услышал, что она ушла. Ушла и не вернется.

Черт, черт, черт... Как же она могла так оплошать? Как же позволила себе настолько

влюбиться?

— Наташа! — Она поворачивала за угол, как вдруг чуть не столкнулась с Пэтси. — Что случилось?

— Хм, ну, я... Я просто спешу, — ответила Наташа, внезапно осознав, что к щекам и шее прилипли мокрые пряди волос, что блузка, надетая на мокрое тело, сильно помята. Сразу видно, чем она занималась. — У меня так много дел. Я... м-м-м... передала Дарию что вы вызвались помочь нам.

— Дайте-ка угадаю. Он сказал «нет»?

— Ничего подобного. — Он, правда, поворчал насчет сплетен, но ведь и не отказал. С какой бы стати? Она выложила фотографии Хедли-Чейз в Интернет. Вряд ли Пэтси сумеет углядеть такое, чего соседи не увидят и без ее помощи. — Буду очень рада, если вы поможете, если у вас, конечно, все еще есть желание.

— Я приеду и привезу резиновые перчатки и тряпки.

— Работа не будет отнимать все время, — заверила ее Наташа. — Ваш сын любит рыбачить?

Та улыбнулась в ответ:

— Скоро мы это выясним.

Наташа достала из сумочки новую визитную карточку. На ней было написано: «Наташа Гордон, консультант по недвижимости».

— Вот, напишите мне на электронную почту, если у вас есть какие-то особенные предпочтения в еде. И еще: все берут с собой свое постельное белье. Вам это подходит?

— Конечно, никаких проблем. Если вы не против, я поеду завтра днем, сразу после того, как закончатся занятия в школе. Помогу вам навести порядок в спальнях.

— Вы просто сокровище!

— Мы приедем около шести часов вечера.

— Великолепно.

Она уже заворачивала за угол, когда Пэтси вновь окликнула ее:

— Наташа... — Та обернулась. — У вас сзади задралась юбка.

Первым делом по приезде в Хедли-Чейз Наташе надо было найти в буфетной запорный кран и включить в доме воду. По всему дому надо проверить работу кранов. Как раз подходящая работа для ее отца! Наташа поспешила написать ему сообщение, чтобы он захватил с собой сантехнические инструменты.

Она остановилась на площадке второго этажа. Здесь что-то изменилось, она не сразу поняла, что именно, ах вот: окно.

Дарий должен был работать день и ночь, чтобы закончить скульптуру, но не забыл о своем обещании застеклить окно. Наташа прижалась лбом к холодному стеклу. Она хотела, чтобы он доверил ей то, что камнем лежало на его сердце, но слишком поспешно сделала для себя вывод о нем как о не слишком глубоком человеке. Без взаимного доверия ничего нельзя добиться. Она совершила ошибку и теперь осталась ни с чем.

Вдоволь наглотавшись пыли и отчаянно желая выпить чашечку чаю, она воткнула в розетку провод электрического чайника. Провод заискрился. Она кое-как замотала его изолентой. Потом пришлось растапливать огромную старинную плиту, которую топили угольными брикетами... К тому времени, как ей это удалось, она вся пропахла дымом, покрылась копотью, паутиной и сбила костяшки пальцев.

Всю вчерашнюю ночь она составляла и рассылала приглашения на день открытых дверей и на чай. Каждое приглашение сопровождалось рисунками и отрывками из истории Хедли-Чейз. Она пригласила всех, кого знала, с супругами и детьми, ведь день будет выходной.

Она занялась холодильником. Отмыла его, а потом включила. Снова замыкание, снова во всем доме погасло электричество. Она прошлась по всему дому, осматривая провода и подправив показавшиеся ей наиболее подозрительными. Потом проверила все выключатели. Не хватало еще, чтобы свет вдруг погас, когда стемнеет!

К тому времени, как она закончила протирать последнюю горизонтальную поверхность в буфетной, было уже поздно. Она как раз набирала воду, чтобы помыть раковину, как вдруг увидела в окне чье-то лицо и вскрикнула. С опозданием сообразив, что видит свое лицо, только измазанное сажей, она нервно рассмеялась. И вдруг рядом с ее лицом появилось второе.

Она открыла рот, чтобы закричать, но словно ком встал у нее в горле, и она не смогла проронить ни звука, даже когда открылась задняя дверь и фигура в черном просунула голову внутрь.

— Простите, мисс, я не хотел вас пугать.

Это оказался тот самый охранник, который пытался прогнать их, когда она приехала сюда с Дарием.

— Мистер Хедли позвонил нам и предупредил, что вы будете здесь, а еще попросил меня приглядеть за вами и убедиться, что у вас все в порядке. Он подумал, что это лучше сделать кому-нибудь, кого вы уже знаете в лицо. — Охранник смущенно пожал плечами. — Простите, что тогда так обошелся с вами...

— Ничего страшного... Работа у вас такая... Со мной все в порядке, — сказала она неуверенно. — Хотите чаю? — предложила она, стягивая с рук резиновые перчатки и направляясь в кухню, которая после ее стараний сияла чистотой.

— У меня есть кое-что получше чая. — Охранник поставил на стол контейнер, от которого исходил умопомрачительный запах чего-то острого, пряного, приправленного уксусом.

До того момента она совсем не думала о еде, но теперь, внезапно пораженная острым приступом голода, ответила:

— Неужели рыба с картошкой?

Он ухмыльнулся:

— Мистер Хедли так и сказал, что вы обрадуетесь горячей еде.

Дарий... Ее сердце, уже почти вернувшееся к нормальному ритму, на мгновение замерло. Она сказала, что не знает его, но оказалось, что он-то ее хорошо узнал.

Когда Дарий проснулся, было еще темно. Ему снилась Наташа. Сначала она была каким-то видением в чем-то воздушном и пахла как летний сад, а в следующее мгновение уже прижималась к нему, обнаженная, влажная, в мыльной пене. Пальцами она массировала ему кожу головы, грудь ласкала его спину. А когда он повернулся и она взяла его член в ладони...

Он закрыл глаза, изо всех сил желая остановить мгновение. Желая, чтобы она была здесь, с ним. Он попросил ее остаться, но затем...

Затем он поступил так, как всегда поступал с женщинами, которые становились ему слишком близки, которых он так сильно желал; он сделал все для того, чтобы она не смогла остаться с ним.

Ее так легко прочитать, все написано на ее очаровательном лице, и она об этом знала. Потому-то и уткнулась носом в его грудь... Конечно, он разозлился на то, что она могла так о нем подумать. Но, собственно, почему бы и нет?

Ее только что предали самым бессовестным образом. Ее уверенность в себе наверняка очень сильно пошатнулась. В тот день он не стал будить ее, потому что она тоже могла все прочесть у него на лице. Ему не удалось бы спрятаться. Она бы поняла, что он готовится к паническому бегству.

То, что он чувствовал, то, что он нарисовал, пугало его. Надо было оставить записку насчет ключей от «лендровера», и все. Но записка не выражала никаких эмоций. Так что она получила от него два противоречивых сигнала и истолковала их точно так, как он и рассчитывал. Рассчитывал до тех пор, пока не проснулся этим утром и его сердце чуть не выскакивало из груди от радости.

Он понимал, что поводов для радости у него нет. И поступил он бессмысленно.

Взяв чашку кофе, он вышел на маленький дворик и долго сидел там, наблюдая, как лучи солнца превращают небо из бледно-серого в голубое. Опомнился лишь тогда, когда раздался звонок в дверь.

Пэтси принесла большой картонный конверт. Когда он перевернул его и увидел, что отправитель Наташа, ему больше не нужно было открывать его, чтобы понять, что находится внутри.

«Я тебя совсем не знаю...»

Конечно, она его не знает. Он никогда и никого не подпускал к себе настолько близко, чтобы его могли по-настоящему узнать. Он и сам себя не знал.

— Почему она отправила его тебе? — спросил Дарий. — Откуда она узнала твой адрес?

— Мой адрес ни для кого не секрет, — ответила Пэтси, многозначительно поглядывая

на дверь. На двери коттеджа, как и на двери студии, не было ни номера, ни таблички с фамилией. — Дарий, она славная.

— Нет... — Он подумал, что она яркая, смешная, добрая, задумчивая, ранимая, горячая, восхитительная, пряная, сладкая... Внезапно он заметил, что Пэтси как-то странно смотрит на него, и опомнился. — Прости, да, конечно, ты права.

— Я постараюсь как можно скорее добраться до Хедли-Чейз сегодня во второй половине дня. Когда ты собираешься туда приехать?

— Мне нужно сегодня в литейную мастерскую, — ответил он. — Прослежу, как они приступят к работе...

— А завтра? — спросила она.

— Это займет не одну неделю, — ответил он, но об этом она и сама знала, и спрашивала совсем о другом.

— Передать ей что-нибудь?

Он покачал головой.

— Нет, подожди. — Он взял из кармана карточку и протянул ей. — Заплати за еду. И за все, что еще понадобится для «дня открытых дверей». И скажи, что можно взять вино, которое осталось в погребе.

— Это все?

— Для Майкла все это будет абсолютно в новинку, — сказал он.

— Для того и нужны каникулы, — ответила она и впервые за все время, что он ее знал, не стала подробно рассказывать о сыне.

Пэтси ушла, оставив его в одиночестве на пороге дома. А он вынул из конверта рисунок и обвел пальцем мягкие линии нежной спящей Наташи. «Довольной, насытившейся, удовлетворившей все желания»...

— Не только ты, Сахарные Губки, — прошептал он. — Не только ты.

* * *

Наташа открыла глаза и какое-то время лежала не шевелясь, не сразу вспомнив, где она находится. Затем, когда ее взгляд сфокусировался, и она увидела далекие холмы за большим окном, все вспомнила. Она в Хедли-Чейз, в кровати, на которой спал Дарий Хедли, когда был мальчиком.

Она забралась в постель в первом часу ночи. У нее болели все мышцы, и она так устала, что даже не задернула шторы. И потом, кто ее увидит, кроме пролетающей мимо совы? Ей хотелось, чтобы он был здесь, рядом с ней.

Все же он попросил охранников принести ей поесть чего-нибудь горячего — наверняка знал, что допотопная плита вряд ли станет исправно работать с первого же дня. Она отправила ему эсэмэску со словами благодарности. Ничего особенного.

«Спасибо за ужин. Буду рада твоему визиту.

Н.».

Всего лишь долг вежливости. Она же хорошо воспитана...

Ответа она не получила. А кто ожидает ответа на записку с благодарностью за ужин?

Она потянулась за телефоном, внушая себе, что хочет всего лишь посмотреть на время, и надеясь, что он все-таки снизошел до того, чтобы спросить, нормально ли она провела

ночь в пустом и тихом доме. Ничего. Никаких сообщений. Ни одного пропущенного вызова.

Она вздохнула и вылезла из кровати, растопила плиту, налила себе чаю, вышла в сад и села на скамейку под плетистой розой, усыпанной кремовыми бутонами. Совсем рядом на лугу паслись молодая лань с крошечным олененком. Наташа сфотографировала их на свой мобильный телефон и тут же выложила в Твиттер: все обожают симпатичных зверюшек. Она не забыла добавить ссылку на свой сайт.

Ее мама и невестки наверняка привезут целую тонну еды, но десять взрослых и восемь детей едят довольно много. Так что нужно было выбраться в деревню, чтобы познакомиться с мясником и супружеской парой — владельцами местного продовольственного магазина и магазина фермерских продуктов. Вот они обрадуются крупному заказу!

Покончив с покупками и заказами, она зашла в местный паб, чтобы выпить чашечку кофе с кексом, а также воспользоваться бесплатным Интернетом и проверить свои странички в Фейсбуке и Твиттере.

В Фейсбуке ее ждало два сообщения. Одно было от редактора издательства, другое — от редактора журнала. Просили перезвонить.

Наташа пригласила их на «день открытых дверей». Может быть, стоит пригласить и Фредди, торговца произведениями искусства. Если ей удастся продать книгу, рисунки и дом за один день, она точно станет легендой.

Между тем начали приходить ответы на ее приглашения; даже новостной отдел местного телевидения выражал желание прислать свою бригаду. До сих пор не было ответа только от «Кантри кроникл».

Она проверила телефон, увидела пропущенный вызов от мамы и эсэмэску от отца. Мама оставила голосовое сообщение: ей не нравится, что дочь одна ночевала в старом доме вдали от цивилизации. Если бы Наташа только сказала ей, как подчеркнула мама, она непременно приехала бы к ней, не дожидаясь отца.

В нормальной ситуации предположение, что она с чем-то не сможет справиться, разозлило бы ее. Сейчас она неожиданно поняла, что полностью согласна с чувствами матери. Вчера ночью она бы очень порадовалась маминому обществу. Она улыбалась этой мысли, как вдруг поняла, что кто-то стоит перед ней за противоположным концом стола. Она подняла голову, и ее сердце замерло.

— Дарий... — сказала вдруг охрипшим голосом. — Я... хм... Как ты сюда добрался?

— Сел на поезд до Суиндона, — ответил он, — а оттуда на автобусе. Пара пустяков!

— Я запачкала «лендровер», пока ехала по деревне.

Он продолжал стоять.

— Я сделала покупки на неделю и остановилась тут, чтобы воспользоваться бесплатным вай-фаем... — Она неопределенно махнула рукой в сторону открытого ноутбука. — Если ты остаешься, может быть, сядешь? А то я сверну себе шею.

Он выдвинул стул с противоположной стороны и сел, причем одно его колено коснулось ее, но он отодвинул его еще до того, как она успела восстановить дыхание и подвинуть свое.

— Кофе хочешь? — спросила она.

Он покачал головой.

— Некоторых издателей заинтересовала история твоей бабушки, — сообщила она. Ее ноги дрожали, когда она отодвинула их так далеко, чтобы даже случайно его не коснуться.

— Тогда можно считать, что все мои проблемы решены.

Уж без этого саркастического замечания она точно могла бы обойтись.

— Зачем ты приехал, Дарий?

— Зачем ты вернула мне рисунок? Могла бы просто разорвать, — не сдавался он, глядя на нее в упор. — Выкинуть в мусор вместе с чайными пакетиками и картофельными очистками...

Она с шумом выдохнула и намотала на палец прядь волос.

— Дарий, рисунок очень красивый. Зачем же его уничтожать?

— Ты могла бы продать его своему приятелю, который торгует произведениями искусства.

— Без подписи-то?

— С письмом от тебя, подтверждающим мое авторство, он бы у тебя его с руками оторвал.

— Нет! — Слово вырвалось у нее само собой. Такую личную вещь она ни за что не показала бы ни Фредди, ни кому-либо еще.

— Ты могла бы просто оставить его у себя, — продолжал настаивать он.

— Чтобы в старости шокировать внуков?

Во второй раз она предоставила ему возможность улыбнуться воспоминанию о прошлом, более счастливом моменте. И снова он не воспользовался ею.

— Ты оставил мне напоминание о себе, Дарий. Воспоминание, которое надо было холить и лелеять... — Она раскрывалась до конца, обнажала свой внутренний мир. — Я потеряла право обладать чем-то столь прекрасным, когда все испортила своим недоверием.

— Доверие — дело обоюдное, Наташа.

— Ты доверился мне, ни о чем не спрашивая.

— Тогда речь шла о делах. А тут...

Она спрашивала себя, что заставило его надеть такую непроницаемую маску. Что она должна сделать для того, чтобы заставить его ее снять. И вдруг, теряясь в сомнениях, она словно увидела проблеск света в темноте. Доверие. Все зависело от доверия.

— Что?

Он покачал головой.

— Ты поделилась со мной воспоминаниями о своем прошлом, Наташа, предоставила мне возможность раскрыться перед тобой, но я оказался не так смел, как ты.

— Нет... — Она инстинктивно схватила его за руку, сжала пальцы. — Тебе трудно. И сейчас не время. Я все поняла.

— А я понимаю насчет рисунка. Если бы он ничего для тебя не значил, ты либо сохранила его у себя как воспоминание о страстной ночи, либо сейчас консультировалась бы насчет его ценности с Фредди Гловером.

— Если бы он ничего не значил, — ответила Наташа, — ты бы так не злился!

Какое-то время они просто смотрели друг на друга, понимая, что пересекли невидимую черту.

— Я уходил от людей с тех пор, как мне исполнилось семнадцать лет, — объяснил он ей. — Я пытался уйти от тебя.

— Почему?

— В «лендровере» есть что-нибудь скоропортящееся? Можно бросить его здесь на пару часов? — спросил он, как будто не слыша ее вопроса.

Наташа покачала головой. Он встал, закрыл ее ноутбук и передал его через стойку бара.

— Питер, вы присмотрите за ним?

Тот кивнул.

— Давно вы у нас не появлялись, Дарий.

— Очень давно, — ответил Дарий, направляясь к двери. — Ничего, скоро все навестаем.

— Дарий, — запротестовала Наташа. — Вся моя жизнь зависит от моего ноутбука!

— Здесь его оставить безопаснее, чем запереть в машине. Скоро я заберу его и перегоню машину.

— Да, но...

— Я ушел из Хедли-Чейз на своих двоих. Обратного мне нужно вернуться так же. — Он дошел до порога, затем обернулся и протянул ей руку. — Ты идешь со мной?

— Почему я, Дарий? — спросила она, беря его за руку.

— Не знаю, — ответил он, и на его лице наконец появился намек на улыбку. — Наверное, мне больше никто не подойдет.

Он не произнес ни слова, пока они не прошли сквозь открытые ворота Хедли-Чейз и не оказались на тропинке, ведущей к реке.

— Раньше на том берегу реки жила семья Кларендон, у подножия холма стоял дом в георгианском стиле. Наши семьи очень дружили. Мой отец и Кристабель Кларендон были практически помолвлены еще в младенчестве.

Его отец...

— Сейчас в том доме располагается головной офис одной компьютерной фирмы, — заметила Наташа. — Стив мне рассказал.

— Какой Стив?

— Охранник. Там у них вчера ночью сработала сигнализация... Ложная тревога. — Она повернулась к нему. — Помолвлены?

— Они оба были совсем еще детьми, — ответил он, снова продолжая путь. — С обеих сторон были большие деньги и земли, так что они идеально подходили друг другу.

— Но нужно же и еще кое-что помимо денег и земли!

— Да что ты говоришь? Свадьбы по сговору родителей очень распространены в других странах, а отец и мисс Кларендон к тому же знали друг друга с детства. Никаких сюрпризов не должно было быть.

— Сюрпризы всегда возможны.

— Да... — Они пробрались наверх сквозь деревья и остановились у старого бука; из мощного основания росли четыре ствола. Он посмотрел наверх. — А он все еще здесь. Домик на дереве.

Он поставил ногу на ветку, выпиленную в форме ступени, поймал другую ветку, подтянулся на ней наверх, чтобы посмотреть, а затем исчез внутри.

— Там безопасно? — спросила она, следуя за ним. — Ого... Вот это домик на дереве.

— Гэри смастерил его для меня, — ответил Дарий.

— Гэри? — Крепкий пол был выложен деревянными досками, в плотной соломенной крыше когда-то гнездились ласточки, холщовые стены можно было поднять. На полу лежали ковер и стопка подушек, выцветших, рваных, мятых и проклеванных птицами. — Почему?

— Его отец работал в поместье. Был ловчим, садовником, выполнял другую необходимую работу. Когда Гэри бросил школу, он стал помогать отцу в поместье. В том числе он развлекал меня, когда я приезжал домой на каникулы... И вот как-то летом

соорудил для меня такой домик.

— Он неплохо потрудился над ним.

— Для меня он был не просто работником, а кем-то вроде старшего брата, — продолжал Дарий. — Он учил меня всяким полезным вещам, о которых не узнать от взрослых.

— Пить, читать мужские журналы, время от времени забивать косячок? У меня есть братья, — напомнила она ему, когда у него от удивления поползли вверх брови. — Ты себе даже не представляешь, как я хотела быть мальчиком.

— Можно я скажу, просто так, к слову? Я очень рад, что ты все-таки не мальчик.

— Я тоже, — заверила она его. — Мужчины носят такую скучную обувь.

Он посмотрел на фиолетовые балетки у нее на ногах:

— Мило.

На мгновение она представила себе, как он нагибается, снимает одну из них, целует ее ножку... Она прокашлялась.

— А что ты делал здесь, наверху?

— Пока был маленьким, находил здесь убежище. Это был своеобразный притон, хранилище для всяких секретных вещей. Мы любили сидеть тут в сумерках и наблюдать за барсуками.

— Великолепно.

— Конечно... Разумеется, Гэри никогда не тратил столько усилий просто так, без каких-то тайных мотивов. Когда я уезжал в школу, он приводил сюда девушек. — Дарий пожал плечами. — Когда я стал постарше, я поступал так же.

— Барчук, который соблазняет поселянок? — поддразнила она его.

— Скорее, наоборот, — ответил он, и в его улыбке она прочитала воспоминание о чудесной поре юности, которая была чем-то сильно отравлена. — Я осмотрю домик и приведу в порядок для твоих племянников и племянниц.

— Не значит ли это, что ты остаешься?

— Я отпросился в литейной мастерской до понедельника, но они не могут начать работать без меня. Надеюсь, места мне хватит? — спросил он, обвивая руками ее талию. Ее потянуло к нему, как магнитную стрелку к Северному полюсу.

— Конечно. Если что, поселимся с тобой в одной комнате, она осталась практически в том же виде, как в те времена, когда ты еще жил в ней. Я одолжила у тебя пару «рисуночков» для странички в блоге. Они вызвали большой интерес, — поспешила продолжить она, чтобы скрыть, как на самом деле важен был для нее его ответ. — Одна фирма, которая печатает поздравительные открытки...

— Вот мое предложение, — сказал он, игнорируя ее попытку увести его от темы. — Что же предложишь ты?

— Себя, — ответила она. — Вакансия музы еще свободна?

— Значит, когда ты предлагаешь делить с тобой комнату...

— Я могу перебраться и к Пэтси, но я едва знаю ее, а с тобой мы...

Он вздохнул, прижал ее к себе и поцеловал так пылко, настойчиво и нежно, что сердце чуть не вырвалось у нее из груди. Когда он наконец оторвался от нее, она увидела, что он весь дрожит.

— Дарий... — Она охватила его лицо ладонями. Ей хотелось успокоить его, сказать, что... — Ты не побрился, — дрожащим голосом сказала она и почувствовала, как его губы

расплываются в улыбке.

— Ты говорила, что тебе нравится борода.

— Я хотела сказать, когда ты меня перебил, что мы совместимы практически во всех возможных отношениях.

— Я немного сомневаюсь, что твоих родителей устроит наша... хм... совместимость, — заметил он, спрыгивая на землю и помогая ей спуститься. — К тому же у тебя есть три брата, которые привыкли тебя защищать. У них значительный перевес...

— Но это смешно, Дарий. Ведь дом твой!

— Нет. Я сниму комнату в пабе. — Он взял ее за руку, и они пошли по тропинке к дому. — Я подумал, что нам лучше вернуться к началу, немножечко все замедлить. Может быть, устроим свидание?

— Какое свидание?

— Старомодное свидание: билеты в кино на последний ряд, воскресный обед в деревенском пабе, танцы.

— Ты танцуешь?

— Я могу научиться.

— Что ж, замечательно, но как же музыка?

— Обнаженная? Секс для вдохновения? — Он ухмыльнулся. — Всем этим мы тоже можем заниматься. — Они дошли до края лужайки и вместе повернулись, чтобы взглянуть на дом. — Похоже, у нас гости, — сказал он, увидев маленькую красную машину как раз в тот момент, когда стоявшая у машины женщина заметила их.

— Готовься, Дарий. Это — моя мама.

— Мама! — Наташа заключила ее в объятия. — Как здорово! Позволь представить тебе Дария Хедли, владельца Хедли-Чейз.

— Мистер Хедли. — Мать не дрогнула, только ее брови ненадолго стали похожи на Тауэрский мост.

— Дарий, — ответил он, подавая руку с улыбкой, которая была знакома Наташе по фотографии из «Кантри кроникл». Защитная маска, которую он носил в обществе, но с ней — никогда. — Вы не представляете, как я благодарен вам за помощь.

— Я помогаю дочери, — ответила мама. — Наташа, я думала, что ты одна, и поэтому очень беспокоилась.

— Я была одна и, поверь мне, если бы ты все знала, беспокоилась бы еще больше. Три коротких замыкания, полчища пауков... А когда к окну подошел охранник, меня чуть удар не хватил.

— В самом деле... он поступил необдуманно.

— Как раз наоборот. Дарий тоже беспокоился обо мне, так что он позвонил в охранную контору и попросил Стива принести мне рыбы с картошкой. Стив был чрезвычайно мил. Растопил плиту, убедился, что я умею включать сигнализацию, и перед уходом осмотрел все хозяйственные постройки.

— Я правда очень рад, что вы приехали, миссис Гордон, — сказал Дарий, прежде чем мама успела прокомментировать Наташин рассказ. — Сам я не был уверен, что смогу выбраться, но мне удалось выкроить время до понедельника, сейчас я работаю над срочным проектом. Мы с Наташей встретились только что, в деревне, я собирался снять комнату в пабе.

— Он только что показал мне самый лучший в мире домик на дереве, мама, — подхватила Наташа.

Она отперла входную дверь ключом и добавила:

— Дети наверняка будут просто в восторге! Я заварю кофе. Дарий, почему бы тебе не показать моей маме портрет Эммы Хедли? — предложила она, слегка подталкивая его вперед. Она поняла, как он напряжен, лишь по складкам в углах рта. — Мама выступит в Женском институте и расскажет историю Хедли-Чейз.

— Конечно, миссис Гордон. Пойдемте, портрет висит в библиотеке, — согласился Дарий.

— Можете называть меня Лора, — ответила мама. — Кстати, не понимаю, почему вы решили остановиться в деревне?

— Ну, я, конечно, буду помогать вам по мере сил, но вы ведь приехали в отпуск. Вряд ли вам захочется, чтобы кто-то чужой...

— Ерунда! Разумеется, вы останетесь здесь.

Наташа ухмыльнулась. Все решено!

— Мама, мама, мы нашли лодочный сарай! Там есть двухвесельная спортивная лодка! Пэтси вытаращила глаза:

— Майкл, я ведь запретила тебе ходить к реке без взрослых!

— Там Том, Гарри и Джеймс, они купаются вместе с малышами.

— Ты интересуешься греблей, Майкл? — Дарий, подстригавший газон, ненадолго прервался и взял принесенный Пэтси лимонад.

— Он мечтает попробовать с тех пор, как посмотрел Олимпийские игры, — объяснила та.

— Что ж, тогда пойдем и посмотрим, что там есть. Мне нужен доброволец, чтобы спустить лодку на воду. Есть желающие? — Он взглянул на лежащих на траве загорающих женщин, специально избегая смотреть на Наташу, которая считала, что правило работать один час в день на нее не распространяется, и сосредоточенно отмывала дверные проемы и подоконники.

— Возьмите с собой Наташу, — предложила Пэтси. — Пожалуйста. А то при ней мы все чувствуем себя настоящими бездельницами.

— Наташа! — позвал он. — Ты не хочешь дать остальным передышку?

— Они в отпуске, Дарий, а я — нет, — ответила она, но все-таки сняла резиновые перчатки и подошла к нему.

— Ты хорошо спала? — спросил он, когда они, вслед за Майклом, отправились вниз, к реке.

— Не особенно, — призналась она. — Можно было только предполагать, что нам удастся провести хотя бы несколько минут наедине, но, даже если бы детям приказали следить за нами, им бы не удалось справиться с этой задачей лучше, чем сейчас.

— Твоя мать знала, что делала, когда настояла на том, чтобы я остался, — ответил он. — Если тебя это хоть немного утешит, я тоже не слишком хорошо выспался.

— Воспоминания? — спросила она.

— Скорее, тот факт, что кровать, в которой я спал в детстве, пахнет уже не псиной, а тобой. Что причиняет много беспокойства, особенно учитывая, что последние двадцать четыре часа я провел под неусыпными взорами твоих крепких братьев, которых, поверь, не так просто очаровать, как твою маму.

— Может быть, тебе пора перестать пытаться очаровать их жен? — Ему показалось, что он услышал в ее голосе ревнивые нотки.

— Ты предпочитаешь, чтобы я очаровывал тебя?

— Нет! Я хочу совсем другого, и ты это знаешь.

Он знал, но они уже дошли до лодочного сарая, и Майкл приплясывал на месте от нетерпения, ожидая, когда наконец подойдут эти копуши-взрослые.

— Ну, где же вы?

— Давайте посмотрим, что у нас там...

Хотя крепления, на которых висела лодка, проржавели, им все же удалось снять ее и спустить на воду, но она очень быстро наполнилась водой.

— Извини, Майкл; похоже, корма пробита.

— Ее можно починить? — спросил мальчик, когда они вытащили лодку из воды и Дарий осмотрел пробоину.

— Может быть, но лодка из стекловолокна, так что нам нужно будет обратиться в специализированную мастерскую. — Заметив, как Майкл поник, Дарий поспешил добавить: — Знаешь, если тебе действительно нравится гребля, я запишу тебя в лондонский клуб, где можно будет тренироваться по-настоящему.

У мальчика отвисла челюсть.

— Круто!

— Но сначала спроси у мамы, разрешит ли она. Скажи ей, что это мой вклад в подготовку олимпийского резерва для Игр 2020 года! — прокричал он ему вслед.

Наташа улыбалась.

— Замечательный мальчишка!

— Пэтси очень переживает за него. Наверное, поэтому и вызвалась помогать тебе. Она не может следить за ним двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, а у него как раз наступает опасный возраст.

— Спорт — неплохой выход из положения. — Она посмотрела на лодку. — Твоя?

— Она принадлежала моему отцу. Когда я был ровесником Майкла, я любил сидеть на этой скамеечке, ставить руки и ноги на те места, куда их ставил он. Мне хотелось почувствовать его.

— Ты его никогда не видел? — спросила она.

Дарий покачал головой:

— Он преподавал в Лондонском университете, в Школе стран Азии и Африки. В Лондоне он жил в будние дни, а сюда приезжал на выходные, у них с Кристабель тут был коттедж, в котором они проводили выходные и праздники.

— Не очень хорошо начинать так семейную жизнь.

— Вообще-то она сама так решила. Она не любила Лондон.

— Ну а что случилось потом?

— Не «что», а «кто». Студентка из Ирана такой ослепительной красоты, что одного взгляда на нее моему отцу хватило, чтобы потерять голову, рассудок и память.

— Твоя мать. — И когда он взглянул на нее, добавила: — Тебя выдает имя.

Он кивнул.

— Отец бросил Кристабель и еще неродившегося ребенка и переехал жить во Францию с Сорайей.

Не в состоянии больше находиться в сарае, чьи стены хранили воспоминания о маленьком мальчике, пытавшемся дотянуться до своего отца, которого он никогда в жизни не видел, Дарий вышел на свежий воздух, скинул ботинки и сел на полуразвалившийся причал. Бывало, он сидел, болтая ногами в воде, и джинсы у него промокали до колен.

Наташа осторожно пробралась по доскам и села рядом с ним, опустив ноги в воду.

— Дед оставил его без гроша; надеялся, что это приведет отца в чувство, — продолжал Дарий. — Но ничего не помогало.

— А Кристабель? Как же она?

— Она очень плохо пережила случившееся. Ребенка она потеряла. Мальчика, который мог бы стать наследником всего этого.

— Бедняжка...

— Ее родители продали дом, тот, что на другом берегу реки, и переехали. Гэри сказал, что она наложила на себя руки.

— Не может быть!

— Мой дед это отрицал, но я решил убедиться и несколько лет назад принялся за поиски. — Он оторвал гнилую щепку от доски, раскрошил, бросил в воду. — Она живет в Испании с мужем и тремя детьми.

— Ты пробовал как-нибудь связаться с ней?

— Я хотел. Я хотел поговорить с кем-нибудь, кто знал моего отца, так что я поехал к ней, надеялся ее увидеть. Они как раз выходили из дома... — Он покачал головой. — Ей

очень не хотелось, чтобы я, словно черный ворон, вторгнулся в ее замечательную семью и ворошил мрачное прошлое.

Наташа почувствовала, что глаза у нее наполняются слезами, она не могла вымолвить ни слова. Вместо этого она лишь крепко сжала его руку.

Дарий покосился на нее:

— Одобряешь? По-твоему, я поступил правильно?

— Совершенно правильно. — Она обвила рукой его талию, а он обнял ее за плечи, чтобы она могла положить голову ему на плечо. — А что случилось с твоими родителями? Наверное, что-то ужасное, иначе он не жил бы с бабушкой и дедом.

— Когда мне исполнилось несколько месяцев, Сорайя сильно заболела, и ей пришлось вернуться на родину. Она оставила меня с моим отцом, что кажется немного странным, но они не были женаты. Наверное, она боялась признаваться родителям, что живет с женатым мужчиной. Что у них есть ребенок.

— Если честно, для меня это тоже было бы трудновато.

— Похоже, они все уже знали. Спустя два дня после ее отъезда мой отец получил весточку от ее отца. Он хотел перевезти всю свою семью в Европу, и, чтобы получить выездные визы, им нужны были деньги на подкуп чиновников. Очень много денег. Подтекст был таков: если он хочет снова увидеть Сорайю, должен заплатить.

— Но... Какой ужас!

— Мой отец скрепя сердце поехал к деду и умолял его о помощи, и склочный старикан дал ему деньги, но с одним условием.

— Ты... — Она подозревала, что в его жизни случилось нечто странное, но никак не могла предположить что-то настолько кошмарное. Настолько жестокое.

— Он потерял наследника. Мой отец в его глазах лишился этого права. Я не был идеальным ребенком, рожденным в честном браке, но, кроме меня, у него никого не осталось.

— Ты был ценой, которую твой отец должен был заплатить, чтобы спасти твою мать.

— Рамзи состряпал официальный документ, по которому отец отказывался от родительских прав в пользу деда и бабушки. По условию, я жил с дедом и бабушкой, они обеспечивали мне хорошее образование и воспитание. Я становился наследником своего деда, но мои родители для меня как будто умерли... Отец подписал документ.

— Конечно, подписал. Что еще ему оставалось делать? Он любил твою маму, Дарий; он не мог оставить ее.

— Да. Я был в безопасности, а она нуждалась в его помощи.

Над рекой пролетел зимородок; уточка собирала свое пушистое потомство. Откуда-то с реки послышался восторженный визг ребенка. Несколько минут назад все шло просто замечательно, но чудесный день вдруг словно накрыла черная тень.

— Что же потом? — спросила она.

— Мой дед передал деньги, отец поехал в аэропорт, и больше уже никто не видел ни его, ни мою мать. Правда, никто их особенно и не искал.

— Мне так жаль...

— Когда дед умер, я настоял, чтобы Рамзи предпринял нормальный розыск моих родителей, прежде чем дом выставят на торги. Если бы оказалось, что мои родители живы, я бы все передал им.

— Ты не мог продать что-нибудь из этого дома?

— К сожалению, Хедли не были знаменитыми коллекционерами предметов искусства. Никто из них не позаботился о том, чтобы заказать фамильные портреты Томасу Гейнсборо, купить импрессионистов, когда они были дешевыми, прихватить парочку картин Пикассо...

— Предки часто бывают недалёковидными. А как же земля? Или коттеджи?

— Земля находится в Зелёном поясе и потому не подлежит застройке. В коттеджах живут бывшие слуги с семьями. Все, что я выручу от продажи дома, потрачу на то, чтобы помочь им с переездом.

— А квартира в Лондоне?

— Когда у деда обнаружили болезнь Альцгеймера, Рамзи настоял, чтобы он подписал генеральную доверенность на мое имя. Квартиру я продал, чтобы оплатить уход за ним. Осталось еще немного денег, но их не хватит для оплаты налога на наследство.

— Может быть, твой дед и вырастил тебя, Дарий Хедли, но ты совсем не похож на него.

— К семнадцати годам я уже почти стал таким. Высокомерный, избалованный, я думал, что весь мир принадлежит мне. Если бы я остался здесь жить, то стал бы таким же, как он.

Наташа хотела сказать ему, что он ошибается. Но вместо этого просто крепче обняла его, и он зарылся лицом в ее волосы. Спустя какое-то время он продолжил:

— Бабушка пришла на мою первую выставку. Тогда она уже умирала, но все-таки бросила ему этот вызов. Я был на ее похоронах. Дед, увидев меня, решил, что это мой отец, и стал кричать...

— Рамзи удалось разузнать что-нибудь о твоих родителях? — спросила она, отчаянно пытаясь отвлечь его от этой ужасной картины.

— Только слухи. Одни говорили, что всю семью Сорайи схватили при попытке пересечь границу, и они либо в тюрьме, либо умерли. Другие — что мой отец все выдумал только ради того, чтобы получить деньги, а они с Сорайей живут где-то под теплым солнышком... Третьи уверяли, что отца просто поймали на удочку. Стоило ему передать деньги, он перестал получать вести от семьи Сорайи. Выбирай любой вариант.

— Нет. Только не последнее.

Впервые за весь день легкая тень улыбки смягчила черты его лица.

— Ты абсолютно уверена?

— На сто процентов, — ответила она. — Если бы Сорайя собиралась обмануть твоего отца, она избавилась бы от тебя, когда узнала о своей беременности.

Полностью сосредоточенная на нем, на его боли, Наташа увидела в его взгляде целый вихрь эмоций: пронсящиеся облака радости, горечи, тьмы и света, все оттенки серого.

— Значит, в детстве ты ничего об этом не знал?

Дарий покачал головой.

— Это Гэри рассказал тебе. Кто же еще! Это случилось, когда вы выпили слишком много пива во время наблюдения за совами и барсуками? — воскликнула Наташа.

— Нет, язык ему развязало не пиво. Это сделал мотоцикл. У него был старый мотоцикл, который он буквально собрал по кусочкам. Он научил меня ездить на нем, когда я дорос до педалей. Когда мне исполнилось семнадцать и я получил на день рождения новенький мотоцикл, первым, с кем мне хотелось поделиться радостью, был Гэри.

— Ох... — Она уже предчувствовала, куда повернет его рассказ.

— Мне — молодому, нахальному, избалованному — и в голову не приходило, как он на это отреагирует. Конечно, у меня всегда было всего больше, чем у него, но мотоцикл был такой взрослой вещью, о которой он мечтал и которую он никогда не смог бы себе

позволить на те деньги, которые получал, работая на моего деда. Я ни секунды не работал, а только получал... и все потому, что моя фамилия — Хедли. Словно пропасть тогда разверзлась между нами, и он использовал единственное доступное ему средство, чтобы снова оказаться выше меня. Он просто рассказал мне о моих родителях. О том, как мой отец продал меня, чтобы развлекаться со своей шлюхой.

— Пустые сплетни, — сказала она, представляя, как сплетня, пущенная в деревне, искажалась и обрастала новыми подробностями с каждым новым пересказом.

— Он сразу понял, что натворил, и пробовал пойти на попятный, взять свои слова назад, пока я еще не завел мотор и не поехал разбираться со своим дедом, но сказанного было уже не вернуть. Я потребовал правды, и старик меня не пощадил. Он сказал, что я теперь достаточно взрослый, чтобы узнать все, и выложил мне историю — со своей точки зрения. Мой отец предал свою жену, бросил своего нерожденного ребенка ради...

— Дарий...

Она прервала его, не желая, чтобы он повторял ужасное слово, но он погладил ее по щеке и посмотрел на нее сверху вниз:

— Дай договорить. — Он махнул рукой в сторону покосившегося лодочного сарая, в сторону дома, скрывавшегося от их взоров за деревьями. — Дед хотел сохранить дом, сохранить имя. — Он вынул из заднего кармана бумажник и достал из него фотографию. — А вот кого полюбил мой отец.

— Она прекрасна, Дарий. — На снимке молодая женщина смеялась над чем-то, что сказал ей фотограф, и ее глаза были полны такой любовью, что у Наташи перехватило дыхание. Чтобы на тебя смотрели так... — Откуда у тебя эта фотография?

— Я получил конверт после того, как бабушка побывала у меня на выставке. Без записки.

— Такая улыбка против четырехсотлетней истории. Вне конкуренции. — Она подняла взгляд на Дария, у которого были такие же темные глаза... — Она наверняка приехала бы за тобой. Пробралась бы в дом. Никакие документы ее не остановили бы.

— Да. В глубине души я всегда знал, что они умерли, но я надеялся...

— Куда ты ушел? Где ты жил, когда убежал из дому? — спросила она.

— Не в картонной коробке под мостом Ватерлоо, — ответил он, как будто читая ее мысли. — Я поехал в Бристоль, продал мотоцикл, снял комнату, записался в колледж и получил работу в супермаркете: раскладывал продукты по полкам.

— Ты продал мотоцикл? — удивилась она. — Ты же говорил, что ушел отсюда на своих двоих!

— В переносном смысле, — ответил он, но его мрачность потихоньку уступала место улыбке. — Я хотел... Мне было нужно, чтобы ты пошла со мной.

— Тогда тебе нужно было только попросить. — Они молча смотрели друг на друга. — А что случилось с Гэри? — спросила она прерывающимся голосом.

— Наташа, ты всегда ухватываешь самую суть. Я плутаю на просторах античной истории, а ты рывком возвращаешь меня назад, на землю, говоря о том, что действительно важно.

— Я не принижаю того, что случилось с тобой. Но ты сам признался, Дарий. У тебя было все, чего ты хотел, а у него не было ничего, и я как-то с трудом могу себе представить, что такой человек, как твой дед, мог закрыть глаза на его проступок.

— Ты права конечно же. Я не выдал ему Гэри, но он сразу понял, кто виноват. Кроме

него, некому... По словам Мэри, дед предоставил ему выбор — оставить поместье навсегда и никогда не возвращаться или его отец и бабушка теряют работу, а вместе с ней — и жилье.

— Непримируемый, яростный, мстительный... Он заставил их всех поплатиться.

— Если бы я остался, я смог бы его остановить.

— Как? Заключил бы с ним сделку? Чем бы ты смог пожертвовать, чтобы помочь ему? Ты был бы полностью под его контролем, Дарий. Для вас обоих было лучше держаться подальше отсюда.

— И снова верно. Моя ошибка состояла в том, что я не заехал за Гэри и не забрал его с собой. Потом я всегда очень жалел об этом.

— Мне кажется, ты тогда вряд ли был способен ясно соображать, — возразила она, высвобождаясь из его объятий. — Ну, пошли! — Она нагнулась и подняла туфли. — Там еще осталось много травы, которую нужно скосить, и много дверей, которые нужно отмыть...

Дарий поймал ее за руку.

— Спасибо тебе.

Она просто встала на носочки и поцеловала его.

— Если мы вскоре не вернемся, все начнут гадать, куда мы пропали.

— Ты хотела как следует осмотреть лодочный сарай, проверить, нужно ли его сносить, или его еще можно отремонтировать, — подсказал Дарий.

— Правильно, — согласилась Наташа, на минуту кладя голову ему на грудь, прежде чем заставить себя сделать шаг назад, вернуться к уборке дома.

Обернувшись, она увидела своего брата Джеймса, который стоял, привалившись к стене лодочного сарая с удочкой в руке. Очевидно, он стоял там уже некоторое время.

Дарий опомнился первым.

— Тебе удалось поймать что-нибудь на ужин? — спросил он.

— С такой-то кучей орущих и шлепающих по воде детей? Они распугали всю рыбу на пять миль вокруг, так что мы решили предоставить женщинам разбираться с приготовлением еды, а самим прогуляться в деревню и продегустировать местное пиво. Такова воскресная отпускная традиция. Когда как следует осмотришь лодочный сарай, приходи, тебя будет ждать твоя кружка.

Не дожидаясь ответа, Джеймс ушел.

— Интересно, — задумчиво произнес Дарий, — это было дружеское приглашение или меня собираются пригвоздить к стенке и использовать в качестве мишени для игры в дартс?

— Обед в пабе — таинственная мужская традиция, — ответила она. — Матерей, жен и сестер туда не приглашают. Могу сказать тебе только одно. Мои братья обычно не приглашают с собой мужчин, с которыми я целуюсь. Ты первый.

— Мне радоваться? Это хорошо?

— Вполне возможно, но, если они пригвоздят тебя сегодня за уши к стенке, завтра я поручу им самую что ни на есть грязную работу.

— Фотографии сделать не забудь, — сказал он.

— Я выложу их в Фейсбуке, — обещала Наташа. — Когда ты уезжаешь?

— После обеда. Мне нужно сделать то, что я должен был сделать в пятницу. Должен успеть до открытия литейной мастерской в понедельник. Не обещаю, что приеду в субботу: когда начнется отливка, мы уже не сможем остановиться, пока не закончим работу.

— Я никак не ожидала, что ты приедешь на эти выходные. Это было...

— Было весело, Наташа. Мне было очень весело.

— Даже проиграть моей маме в «Угадай слово»? — Он промолчал. — Так ты ей поддался? Идем! — Наташа засмеялась и потащила его к дому. — А то твое пиво нагреется.

Или она затащит его под ближайший куст...

Наташа удовлетворенно вздохнула. Хедли-Чейз сиял, великолепный, как она и надеялась, возрожденный к жизни не только благодаря солнечному свету и чистящим средствам, но и благодаря детскому смеху, слышному теперь в этих стенах, запаху свежей выпечки, охапкам цветов из доселе заброшенного сада. Цветов нарвали ее невестки; букеты дополнили лесным купырем и кипреем, и получились очень красивые композиции.

В оранжерее поставили столики, на которых накроют к чаю. Взятые напрокат водогрейный котел и заварочные чайники выстроились в ожидании своего часа. Двери в сад были распахнуты. Дети играли в крикет, набор для которого Гарри нашел в одной из хозяйственных построек. Наконец подъехали первые гости.

— Наташа, все выглядит восхитительно. Если бы Дарий был здесь, он ни за что бы не смог расстаться с домом, — заявила Пэтси.

— Может быть, именно поэтому он и держится подальше отсюда.

— А может, и нет. Разве там не его «лендровер»? — Неделю назад Пэтси попросила Дария отвезти ее домой; таким образом Дарий смог перегнать «лендровер» обратно в Лондон. — Иди и поздоровайся, — посоветовала она, когда машина обогнула дом и

остановилась у задней двери.

— Слишком поздно, — ответила Наташа, увидев, как к ней с протянутой рукой спешит редактор «Кантри кроникл».

— Наташа! Я так рад видеть тебя в добром здравии.

— Как видишь, Кевин, слухи о моем нервном срыве были не то чтобы преувеличены, а откровенно высосаны из пальца. — Она пожала ему руку. — Спасибо, что выбрался. Твой приезд очень много для меня значит!

— За это тебе стоит поблагодарить Питера Блэка. Он так зол на тебя, что пригрозил, если я буду освещать «день открытых дверей» в Хедли-Чейз, он расторгнет с нами контракт на рекламу.

— По-моему, он просто болтает. Кто еще заинтересуется объявлениями фирмы «Морган и Блэк», кроме вашего журнала?

— Болтает он или нет, но я не допущу, чтобы рекламодатели диктовали мне, о чем писать, а о чем — нет. — Редактор огляделся по сторонам. — Поздравляю, дорогая! Ты здорово поработала, всколыхнула общество. Кстати говоря, дети — отличный прием. Можно мы сфотографируем их на фоне дома для разворота?

— Для разворота?

Он улыбнулся:

— Сделаем материал на две полосы или даже больше, если Дарий Хедли согласится дать интервью. Я не люблю, когда мне угрожают.

Дарий стоял в сторонке и наблюдал за Наташей. Она встречала гостей, отдавала поручения родственникам, держалась уверенно и непринужденно. Дарий убедился в том, что она была совершенно права, называя себя лучшей. На короткое время она принадлежала только ему, но после такой успешной кампании наверняка вернется в свой мир.

Он напомнил себе, что именно этого он и хотел. Хотел, чтобы все было именно так. Вспышка страсти, а затем — снова вперед. Никакой глубокой привязанности.

Но было уже слишком поздно. Вернее, поздно стало уже тогда, когда он впервые увидел ее, когда позволил ей остаться. Поцеловал ее. Он убрал все свои защитные барьеры, сделал то, что клятвенно обещал себе не делать никогда. Он безнадежно влюбился. Последняя мысль вызвала у него улыбку.

На пороге дома появился Морган. Дарий инстинктивно шагнул вперед, чтобы защитить Наташу, но она со всем справилась сама, заговорив чистым, спокойным, уверенным голосом:

— Майлз? Вот так сюрприз!

— Наташа, я приехал, чтобы извиниться. Меня провели, как последнего дурака.

— Да что вы говорите? — Наташа не двинулась с места.

— Этот идиот Тоби сбежал.

— Сбежал? — чуть менее холодно спросила она.

— Он подписал контракт с итальянской профессиональной командой. Когда его родители об этом узнали, они так разозлились, что задумали подставить тебя, чтобы он вынужден был занять твое место и подумать наконец об интересах семьи и компании. Тоби вернулся, понятия не имея, что происходит, но его мать устроила истерику, и его загнали в угол.

— Ну почему родители не позволяют ему просто радоваться жизни и заниматься тем, что ему нравится?

— Семья, наследство... — Майлз пожал плечами. — Тебе все это хорошо знакомо.

— Да... — ответила Наташа. — Еще как. — Она прокашлялась. — Джанин тоже участвовала в заговоре?

— Они с Питером всегда... были близки. Сейчас она... скажем, так... ищет себе другую работу.

— Что же теперь будет с «Морганом и Блэком»? — спросила Наташа.

— Никакого Блэка больше нет. Вот вторая причина, которая привела меня сюда. Наташа, мне нужен новый компаньон, и я бы очень хотел, чтобы им стала ты.

Дарий не стал дожидаться, пока она ответит. Он только что услышал, как на горе свистнул рак, и ему вдруг стало холодно.

Он хотел уйти незамеченным, но на кухне была Лора, она как раз загружала столик на колесиках сэндвичами, пирожками и булочками.

— Дарий! Как я рада тебя видеть. Наташа знает, что ты приехал?

Он покачал головой:

— Она занята.

— Как там, снаружи — все нормально?

— Собралась целая толпа народу. Вам помочь?

— Спасибо, я уже справилась. Не хотите еще раз осмотреть дом, пока он еще чистенький и сияет? Наверное, таким же великолепным он был, когда вы здесь жили...

— Лора, может быть, он и выглядел тогда, как теперь, отполированный до блеска, наполненный цветами... Но в нем никогда не было так тепло, как сейчас. Вы и Деррик, ваша семья, Наташа...

Он сунул руки в карманы и поднял глаза к потолку, силясь найти слова, которые могли бы выразить, как они все изменили это место. Превратили Хедли-Чейз в дом, куда хочется войти, где не кажется, будто чего-то не хватает. Чего именно ему не хватало, он понял, когда узнал правду. Он стал неполноценной заменой тому мальчику, который умер еще в утробе матери.

Объяснением всему было одно слово...

— Любовь... Любовь совершила все это. Ваша семья собралась здесь, чтобы помочь Наташе, потому что вы любите ее. Вот в чем разница.

Лора сочувственно положила руку ему на плечо.

— Вы устали, Дарий. Работа сутки напролет в литейной мастерской и продажа дома так же утомляют и изнуряют, как смерть или развод, даже если прожить здесь не так долго. А четыреста лет... — Она покачала головой.

— Да...

У него образовался перерыв, несколько часов, и он воспользовался им, чтобы приехать сюда, побыть с Наташей, но оказалось, что она в нем не нуждается. Произошло то, ради чего она так старалась. Скоро она получит свою награду. Она получит все, чего хотела.

— Сядьте. Я налью вам чаю и принесу чего-нибудь поесть. Нужно следить за уровнем сахара в крови. У нас есть сэндвичи с огурцом, лепешки... Хотите фруктового пирога?

— Лучше имбирного!

На пороге стояла Наташа, ее щеки покрылись румянцем, она смеялась, и его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, как бывало всякий раз, когда он ее видел. И всякий раз это было по-другому. В первый раз чувство было чисто физическим, как будто в нем загорелось пламя.

Теперь к этому пламени добавилось много всего. Наташа заслуживала большего. Но ее смех, ее радость относились сейчас не к нему, а к чему-то другому.

— Что ж, не сомневаюсь, тебе тоже не помешает небольшой перерыв, — заметила Лора. — Посиди с ним, а я пока отвезу в оранжерею закуски.

Наташа тут же села к нему на колени, обняла его за шею и поцеловала.

— Ну, так что там с уровнем сахара в крови? — спросила она. Ее глаза сияли, на шее от возбуждения билась жилка.

— Повысился. Определенно повысился, — ответил Дарий.

— Может, осмотрим лодочный сарай? Сейчас самое время!

— Наташа... — К тому времени, как ее отец показался на пороге, она проворно соскочила с его коленей, быстро поправила прическу и отошла в другой угол кухни. — Тебя спрашивает некий мистер Дервиш. Я проводил его в библиотеку.

— Отлично! Главный покупатель недвижимости. — Она бросилась к выходу, но на пороге обернулась. — Кстати, в «Кантри кроникл» нам обещали целый разворот! Кевин Роуз, редактор, знает, что ты — тот самый Дарий Хедли. Боюсь, твое инкогнито лопнуло.

— Я и сам понимал, что рано или поздно это случится, — ответил Дарий. — Интервью с ним нам поможет? — спросил он так, будто не слышал Наташиного разговора с редактором.

— Милый, если ты дашь ему интервью, мы попадем на обложку.

— Великолепно, — сказал он, когда она уже выбежала прочь из кухни. — Тогда я так и поступлю.

Дарий и ее отец вдвоем смотрели на то место, где только что стояла Наташа.

— Дарий, работа для нее — все. Ее жизнь началась тяжело; возможно, в детстве мы слишком опекали ее.

— Она мне все рассказала.

— Она отказалась от очень хорошей работы только потому, что мечтала уехать из дому.

Стать независимой. Что-то нам доказать.

— По-моему, не вам, а себе. — Доказать, что она уже не девочка, что не больна и не трудный подросток. И ей это удалось, удалось стать самым успешным агентом по продаже недвижимости, доказательством чему, помимо прочего, служил красный спортивный БМВ. И даже когда она получила тяжелый удар, она оправилась и снова доказала, что она — лучшая.

— Ты знал о том, что она отказалась от работы в Национальном тресте?

Дарий улыбнулся:

— Она и об этом тебе рассказала. — Деррик направился к холодильнику. — Я играю в гольф с человеком, у которого она могла бы работать. Он спросил меня, почему она отказалась от их предложения — по сути, самого первого... Ее матери я ничего не сказал... Пива хотите?

— Нет, спасибо... После интервью с Кевином Роузом мне нужно будет вернуться в Лондон. — Наташа дала ему слишком многое; самое меньшее, что он мог сделать для нее, — добиться того, чтобы статья оказалась на обложке «Кантри кроникл». Имея на руках такой сильный козырь, она сможет потребовать от Майлза Моргана все что угодно. Он заплатит любую цену, лишь бы она вернулась к нему в компанию. — Я совсем ненадолго заехал. На следующей неделе или через неделю мне предстоит установить в Лэмберне скульптуру, так что нужно вернуться в Лондон, чтобы руководить ходом работ. — Хотя он придумал

довольно жалкую отговорку, как ни крути, Деррик, похоже, принял ее за чистую монету. — Если мне не удастся пересечься с Наташей до моего отъезда, скажите ей... — Что? Что он мог ей сказать? — Скажите ей, что она — лучшая в мире во всех отношениях.

— Дарий, ты сейчас можешь разговаривать?

— Только если быстро.

Наташа нахмурилась. После «дня открытых дверей» в их отношениях все стало по-другому. Допустим, она была занята, ему нужно было быть в другом месте, но он уехал не попрощавшись, а потом все пошло не так. Секс — изредка, во время рабочего времени — был по-прежнему ошеломительно горячим, но что-то в его отношении к ней, из-за чего она верила, что является для него единственной женщиной на земле, как будто исчезло. Он забыл, что предлагал ей забавные «свидания». Наташа подозревала, что он закрылся от нее, потому что продажа дома оказалась для него слишком болезненным событием, чего он сам не ожидал. В таком случае вряд ли ему понравится то, что она собирается ему сообщить.

— Я просто хотела, чтобы ты знал: у меня есть два верных предложения о покупке дома, они лежат у меня на столе.

— Два? У нас будет аукцион? — устало спросил он. Видимо, он совсем не обрадовался перспективе.

— Все не так просто. Одно — от заокеанского покупателя, который ищет дом за городом в дополнение к лондонским апартаментам... Он предлагает высокую цену.

— Так прими его предложение!

— Второй покупатель предлагает не такую высокую цену. Мне удалось в ходе переговоров немного поднять ее, но она все еще на полмиллиона ниже, чем у первого покупателя.

— Тогда почему ты вообще о нем упоминаешь?

— Потому что само по себе второе предложение гораздо лучше. Второе предложение поступило от цифровой компании, чей главный офис располагается на другом берегу реки. Они расширяются, поэтому им нужно больше места, но с той стороны есть некоторые ограничения. Дело в том, что многие их сотрудники живут здесь, их дети ходят в местные школы, так что они не хотели бы переезжать.

— Тогда, может быть, им стоит назначить цену повыше?

— Она ниже, но вообще-то само по себе их предложение стоит большего. Мне удалось оговорить, что коттеджи, которые находятся на территории Хедли-Чейз, не тронут, так что тебе не придется заниматься переселением их обитателей. В результате чистый доход для тебя будет выше. Расходы на ремонт и содержание компенсируются за счет налога, а в будущем коттеджи можно будет продать. Наконец...

— Есть что-то еще?

— Наконец, — продолжила она, — они знают Гэри; он подрабатывал у них в прошлом, так что они согласны оставить его смотрителем и подсобным рабочим. Ему дадут оклад и премию. На такое он и рассчитывать не мог, работая в имении твоего деда.

Когда от цифровой компании пришло первое предложение, она сразу же поняла все его преимущества. Такое будущее гораздо лучше для деревни, для людей, за которых Дарий чувствовал себя в ответе. Кроме того, она выбила дополнительные льготы. Такой сделкой можно гордиться! В результате Хедли-Чейз не только будет процветать, но и у Дария сохранится связь с «фамильной» деревней.

— Их топограф только что ушел, — продолжала Наташа. — Скажи «да», и они переведут деньги на твой счет уже к концу этого месяца. — Она немного помолчала. — Алло? Я тут сама с собой разговариваю?

— Н-нет... — ошеломленно ответил Дарий. — Я просто потерял дар речи. Ты необыкновенная женщина, Наташа Гордон. Ты уже все всем доказала. Навсегда.

— Спасибо... — У Наташи от волнения сел голос. — Ну, тогда я, наверное, сообщу Рамзи все детали, да?

— Да... наверное.

— Дарий, ты правда этого хочешь? Если ты вдруг передумал продавать Хедли-Чейз, так и скажи.

— С чего вдруг? Хедли-Чейз — последнее место на земле, где я хотел бы жить.

— Не знаю. Ты какой-то... шершавый, колючий.

— Правда? Может, ты меня намылишь и разгладишь?

В его предложении ей послышалось что-то решительно отталкивающее. Оно прозвучало так, как будто он хотел ее и сам себя ненавидел за это желание. Или, может быть, как будто он хотел, чтобы она его ненавидела. Как бы там ни было, вся ее радость вдруг куда-то улетучилась.

— Я думала, ты работаешь, — уклончиво ответила она, понимая, что лучше всего решительно отказать ему. Но она не могла себя заставить сказать ему «нет».

— Как хочешь, — последовал его ответ, в котором ей послышались нотки облегчения.

— Так я звоню Рамзи? — спросила она. — Чтобы скорее дать ход делу... — Он не отвечал. — Дарий! Ты меня слышишь?

— Да, — ответил он наконец, сухо и деловито. — Работа выполнена. Пора подумать о твоём гонораре.

— Имеешь в виду бронзовую статуэтку?

Наташа проглотила подступивший к горлу ком. Нет. Он все сказал. «Работа выполнена». И они оба понимали, что речь идет не о продаже дома. Но после всего, что они вместе пережили, после всего, чем они друг с другом поделились, она никак не могла сидеть перед ним в качестве натурщицы, получающей почасовую оплату.

— Ты и так достаточно сделал. Интервью, которое ты дал Кевину Роузу, выше всяких похвал. Помочь тебе вывезти из дома вещи? — предложила она. — Я видела там кое-какую симпатичную мебель. — Она сидела за столом его бабушки и думала о том, что, если бы она могла себе это позволить, кое-что она точно у него купила бы.

— Нет. Оттуда мне ничего не нужно. Рамзи сам разберется.

— Ничего? Правда? — Она откинулась на спинку стула. Интересно, откуда взялась фотография его матери? Ее могла прислать только бабушка. Наташа погладила рукой полированную столешницу. Однажды в передаче, посвященной антиквариату, она видела такой стол... В нем был потайной ящик.

Дарий долгое время смотрел на экран телефона, прежде чем нажать отбой. Он соврал, что работает. Лошадь была закончена, доставлена заказчику. Скоро ее установят на том месте, где она вечно будет прыгать через невидимый барьер.

Он кинул телефон на диван, на котором сидела Наташа в тот день, когда пришла к нему, суля не просто продать его дом... Она смотрела на него своими васильковыми глазами и предлагала отведать ее пирога...

Бесчувственный. Нет, способность чувствовать он не потерял. Наоборот, он только что обрел ее. Нашел что-то такое, чего он по-настоящему никогда не знал в детстве. Нашел то же, что нашел и его отец, потому что, по семейной легенде, дед задумал «идеальный брак». Таким образом он собирался контролировать будущее.

Вот от чего он бежал, став взрослым. Он боялся, что запутается, как отец, и уже не сможет восстановиться. Но как же он ошибался! В любви не теряют себя, а, наоборот, находят. Только в любви можно стать цельным.

Он подошел к глиняной статуе, к которой приступил, вернувшись из Хедли-Чейз, уже понимая, что все кончено. Днем он работал в литейной мастерской, а по ночам ваял эту скульптуру, пытаясь увековечить тот миг, когда она протянула к нему во сне руку.

Ему не нужны были эскизы. Руки уверенно мяти глину, формировали так хорошо знакомые ему изгибы ее тела, ее плечи, ее согнутое колено, волосы, рассыпанные по подушке.

Его пальцы сомкнулись вокруг протянутой к нему руки, которую он не мог видеть из-за слез, застилающих глаза.

— Дарий...

— Наташа?

— Мне нужно видеть тебя. Ты не можешь выделить для меня полчаса?

— Я в студии. Заходи.

Один-единственный последний раз, обещала она себе. Последний раз.

К тому времени, как она приехала к нему, день уже склонился к закату. Дверь студии стояла нараспашку, но солнце висело совсем низко, и внутри было темно.

— Дарий!

Он снимал со стен фотографии лошади, убирал рабочие поверхности. Когда она возникла на пороге, он обернулся, и время как будто остановилось. Сердце выскакивало из груди от радости, только ставшей в сотни раз сильнее при воспоминаниях о каждом прикосновении, каждом поцелуе, каждом мгновении, которое они провели вместе.

— Пирог не принесла? — спросил он.

— Не было времени, — ответила она. — Я с ног сбилась на работе. А здесь темно!

Он щелкнул выключателем; осветились рабочий стол и диван. Наташа подошла к нему и протянула толстый конверт.

— Что, опять подписывать документы? — поморщился Дарий.

— Нет. Я... — Скорее всего, они видятся в последний раз, и ей не хотелось, чтобы все окончилось вот так... — Я смотрела на письменный стол твоей бабушки, и мне внезапно пришло в голову, что я уже видела очень похожий в передаче про антикварную мебель. По телевизору.

— Так ты пришла, чтобы сказать, что стол стоит целое состояние?

— Нет. Я пришла, чтобы сказать, что в столе имеется потайной ящик.

Дарий насторожился:

— Это лежало внутри?

— Нет, ящик был пуст, но стол натолкнул меня на мысль, что нужно внимательнее осмотреть дом.

Я знала, что у твоей бабушки должна была быть не только фотография. Вот что я нашла на чердаке.

Она открыла конверт и вытащила из него содержимое. Фотографии, письма с обратным парижским адресом... Заметка об автомобильной аварии, в которой они погибли, пытаюсь бежать за границу с ее родственниками. Их свидетельства о смерти. Письмо отца, оставленное сыну на случай, если что-то пойдет не так. Он чувствовал опасность...

— Я оставлю тебя одного, чтобы ты смог спокойно во всем разобраться.

— Нет! — Он схватил ее за руку и притянул к себе, а затем взял фотографию своей матери. Она держала на руках сына. Его отец стоял рядом и смотрел на них такими любящими глазами, что Наташе захотелось плакать.

И вдруг вся жесткость, все его защитные барьеры рухнули, и она оказалась в его объятиях. Она поддерживала его, вытирала слезы, бегущие по его лицу, шептала слова утешения, а он благодарил ее.

— Ты когда-нибудь потом видел своего дедушку? — спросила Наташа после того, как он прочитал письмо и посмотрел все фотографии. — После похорон бабушки?

— Да, когда Рамзи понял, насколько серьезна дедова болезнь. Конечно же сам он ничего не понимал, и только после того, как он упал и попал в больницу, нам удалось ради его же безопасности уговорить его переехать в дом престарелых. Я навещал его там. Чаще всего он совершенно не помнил, кто я такой. Иногда он принимал меня за отца и спрашивал, как поживает Кристабель. Как скоро появится на свет ребенок.

— Болезнь Альцгеймера — страшная штука, — сказала Наташа. — Она лишает возможности привести в порядок свои дела. Сказать близким, что ты любишь их.

— Так почему бы не сказать эти слова, пока есть такая возможность?

— Я... — Как она могла ответить «да» и умолчать о том, что любит его? Как может она взваливать на него лишнее бремя? — Все очень сложно.

— Я так и думал, но сейчас я все упрощу.

Он взял ее за руку и повел в противоположный угол. Потом включил прожектор, и Наташа увидела статую...

Она подошла поближе и посмотрела на себя, такую, какой ее видел Дарий. Фигура, лежащая на животе с согнутой в колене ногой среди смятых простыней, была настоящей красавицей. И в ней отражались все ее мысли и чувства. Каждый, глядя на нее, понял бы, что здесь изображена влюбленная женщина.

Детальность скульптуры поразила ее. Тут было все — тщательно вылепленные руки, крошечные складочки под коленями, ямочки над ягодицами. Он вылепил ее образ по памяти.

Когда она обернулась, он стоял позади нее и наблюдал за ней.

— Она прекрасна, Дарий, — сказала она слегка дрожащим голосом, — но на каминной полке она будет выглядеть... несколько неуместно.

— Она не покинет этих стен. Она не для того, чтобы выставлять ее в галерее. Я вылепил ее для себя, Наташа, в попытке запечатлеть нечто особенное, исключительное. Но как только я закончил, понял, чего ей не хватает и что могла бы сделать только настоящая женщина из плоти и крови. Завтра от нее ничего не останется, кроме комка глины.

— Только не говори, что хочешь уничтожить ее!

— Зачем мне ее сохранять? Каждый раз, когда я смотрел на нее, я думал о том, каким же дураком я был, когда сидел в кресле и делал ту зарисовку вместо того, чтобы поддаться искушению и вернуться к тебе в постель. Когда не сказал того, что нужно было сказать. Статуя не будет смеяться со мной, плакать со мной, не будет выбиваться из сил, лишь бы

сделать мир чуть более приветливым для меня.

— Да. — Статуя на такое не способна. — Зато она идеальна... Никогда не состарится. Никогда ничего от тебя не потребует...

— И никогда не даст ничего в ответ, — перебил ее Дарий. — Никогда... — Он осекся.

— Что «никогда»? — спросила она.

— Никогда не полюбит меня в ответ.

Он произнес эти слова так, словно их вырвали у него клещами.

Не просто горячий, страстный секс, но нечто большее, что таилось в глубине души его. То единственное, чего он не имел в своем вполне обеспеченном детстве. То единственное, чего он не позволял себе, став взрослым и добившись успеха.

— Не полюбит в ответ?

— Любовь — самое важное слово в словаре, — вздохнул Дарий. — Ты права; лучше сказать все вовремя, чем жить, сожалея о невысказанном. Я люблю тебя, Наташа Гордон, всем сердцем и всей душой. Я ничего не жду, ничего не требую и ни о чем не жалею.

Слезы хлынули у нее из глаз.

— Дарий, я внушала себе, что не хочу, чтобы ты чувствовал себя виноватым. Мне хотелось, чтобы ты вспоминал меня с удовольствием, но я боялась пересечь черту... Мне стыдно, потому что ты такой смелый... Ты заслуживаешь большего, но я люблю тебя, Дарий Хедли. Всем сердцем и всей душой.

На его лице отразилось такое сильное волнение, что на миг она потеряла дар речи. Затем, ни на миг не сводя с него глаз, она махнула рукой в сторону скульптуры:

— Вот доказательство... Пусть весь мир увидит!

Какое-то время никто из них не двигался, не дышал, а затем он нежно поцеловал ее, словно она была сделана из стекла.

— Я должен сказать тебе еще две вещи, — вздохнул он, наконец отрываясь от нее. — Через неделю состоится открытие статуи. Мне нужна будет спутница. На открытии будет ее величество, так что тебе понадобится шляпка.

Наташа смахнула слезы и заулыбалась:

— Шляпка? Отлично!

— Я записался в танцкласс, но мне нужна партнерша. Кстати, ты не хочешь сходить на новый фильм про Джеймса Бонда?

— Это уже три вещи.

— Слишком многого требую? Понимаешь, Наташа, мне нужно большее, чем страстный секс без обязательств. Мне нужны настоящие, взрослые отношения с женщиной, которая знает, чего она хочет; с женщиной, у которой найдется время для меня, и для семьи, и для карьеры. Так что я спрашиваю: сможешь ли ты совместить что-нибудь такое с твоей новой работой?

— Новой работой?

— Разве рак на горе не свистнул? — спросил он. — Я слышал, как Морган предлагал тебе стать его компаньоном.

И все вдруг встало на свои места.

— Так вот почему ты злился на меня! — воскликнула она.

— Злился?

— Ты ходил надутый, мрачный — совсем как во время нашей первой встречи.

— Но ведь ты так этого хотела!

— Совершенно верно.

— Так почему же ты мне ничего не сказала?

— Может быть, потому, что ты стал надутым, замкнутым и неприступным, — ответила она, поворачиваясь к нему. Ноги у нее дрожали. Неужели она чуть не потеряла его? — У тебя ни для чего не находилось времени, ты все время убегал. Если бы ты поговорил со мной, я бы все тебе рассказала. И ты бы узнал, что я отказалась от его предложения.

— Но ведь... — Он нахмурился, на его лице отразилось полное недоумение. — Тебе не захотелось вернуться?

— Я говорила тебе, Дарий, я не смогу доверять человеку, который обошелся со мной так, как Майлз. Но отказала я ему не только поэтому. Мне понравилось быть самой себе хозяйкой. Подбирать подходящий дом для клиента, который ценит высокий уровень сервиса. Мне нравится делать все по-своему.

— Мне тоже нравится, как ты по-своему ведешь дела, — ответил он, когда она начала расстегивать блузку.

— Пора вставать, — запротестовала Наташа, с усилием высвобождаясь из жарких объятий Дария. — У меня на одиннадцать назначена встреча.

— Куда ты собираешься ехать? — спросил он, прижимая ее к себе и утыкаясь носом в нежную ямочку у нее за ухом.

— В Суссекс. Я нашла прекрасный дом для клиентки, которая специально прилетает из Гонконга, чтобы осмотреть его. — Наташа прикусила губу, когда его рука скользнула по ее животу вниз.

— Тот самый дом, о котором ты мне рассказывала?

— Угу... Могу ли я соблазнить тебя на выходной день на природе? — спросила она в попытке отвлечь его. И отвлечься самой. Ей правда пора собираться... — Как только закончится осмотр, мы можем прогуляться к холмам, пообедать в деревенском пабе. Тебе удастся выкроить время?

— Нет, — ответил он, переворачивая ее на спину. Теперь она смотрела на него снизу вверх. — А тебе?

Нет! Она собиралась сказать «нет», но он уже прильнул к ней губами, его руки вытворяли такое, что она лишилась дара речи...

Проклятие, вот так всегда! Она специально проснулась заранее, чтобы успеть на место, а он набросился на нее... Она широко улыбнулась, выезжая из ворот на своем микроавтобусе и направляясь к Суссекским холмам. Надо заводить будильник на полчаса пораньше, иначе она всюду будет опаздывать.

Оказалось, что она беспокоилась зря. Она успела вовремя, но, когда подъехала к воротам, никакой клиентки там и в помине не было. Зато она получила голосовое сообщение: ее задержали. Клиентка просила сфотографировать для нее сад и особенно грот.

Она достала фотоаппарат и портативную видеокамеру и стала снимать дорожку, ведущую к большому дому. По обе стороны росли старые глицинии — они, наверное, великолепно выглядят весной.

Прекрасное место — и не только для клиентки.

В доме можно устроить ее рабочую студию. В парке есть домик, в котором могут жить Пэтси и Майкл, — Пэтси теперь работала у нее. За домом есть сарайчик.

В таком доме хватит места для двоих... для тех, кто хочет создать семью, растить детей. Нет смысла обманывать саму себя. Она хотела, чтобы Дарий приехал сюда только для того, чтобы тоже влюбился в этот дом с садом.

Его лондонское жилье в бывшей конюшне тоже неплохо, но там нет места для нее. Там они могут лишь страстно заниматься сексом. Наташа вздохнула. Дарий сам говорил, что хочет не просто секса, но большего — ответственности, семьи.

Она надеялась, что... Она немного поснимала сад и со вздохом зашагала дальше. Солнце клонилось к закату, и его свет отражался в оконных стеклах. Алые георгины были самой заметной деталью осеннего пейзажа.

Деревья в лесистой долине пожелтели. На месте ствола прежде огромного дерева образовался грот.

Наташа видела фотографии, но никогда еще сама здесь не была. Сегодня она пошла вдоль узкого ручейка, который спускался уступами, собираясь в озерцо внутри грота. Свет, падавший сверху, проходил сквозь листву, и в полутьме мерцала не просто вода.

На фотографиях, которые ей показывал агент, не было ничего подобного! Сгорая от любопытства, она спустилась вниз. На какой-то момент она не могла поверить в то, что увидела, но потом у нее перехватило дыхание.

В гроте была установлена скульптура, которую изваял Дарий и которую обещал уничтожить. Оказалось, что он не уничтожил статую, а, наоборот, отлил ее в бронзе. Вот она — лежащая на постели, окруженная водой прудика — лесная нимфа, протягивающая руку к своему любимому.

Она затрепетала и, не оборачиваясь, поняла: Дарий здесь, рядом с ней.

— Как красиво! — сказала она.

— Да.

Она повернулась:

— Как ты узнал?

— Я не знал. Я описал тебе дом, который великолепно подошел бы для нас. Пять спален, комната, в которой можно устроить рабочий кабинет, некоторые внешние постройки, коттедж для обслуживающего персонала... Я не сомневался: ты найдешь то, что нужно.

— Но как же миссис Харпер?

— Никакой миссис Харпер не существует. Твой клиент — я.

— Ты? Но... — Наташа покачала головой. — Но как же ты все это устроил? — спросила она, махнув рукой в сторону скульптуры.

— Мне разрешил владелец. К сожалению, он потребовал, чтобы статуя осталась здесь, независимо от того, купим мы дом или нет.

— Но... но... но... — Наташа никак не могла сообразить, и вдруг до нее дошло. — Ты уже купил дом, да?

— Мне показалось, так будет лучше всего. Студию я сдал. Если хочешь, сохраним мое жилье или твою квартиру — нам ведь нужно будет иногда бывать в Лондоне. Для второй квартиры можно найти жильцов. Таким образом, остаются всего два вопроса.

— Два?

— Итак, первый: ты выйдешь за меня замуж?

Наташа ахнула.

— А какой второй вопрос? — спросила она.

— Твоя мама рассчитывает, что свадьба состоится на Рождество. Ты согласна? — Он ждал, пока она пыталась выдать из себя слова. У нее в горле было сухо, как в пустыне Сахара. — Если тебе нужна подсказка, вот она. Правильные ответы — «да» и «да».

Она бросилась в его объятия, смеясь и плача одновременно:

— Да, и да, и да, и да... — А затем она немного укорила его: — Ты уже все обсудил с моей матерью!

— Скажем так: во время последнего воскресного обеда были сделаны некоторые весьма прозрачные намеки.

— Ох, прошу тебя... Это было совершенно не обязательно!

— Поздно. Мы уже заказали венчание. — Он поцеловал ее, и она надолго лишилась дара речи.

Свадебные колокола, сказочный свет, сверкающий на снежно-белом покрове. Алые ягоды и веточки плюща на скамьях и в свадебном букете... Белоснежный бархат и бабушкины жемчуга... И Дарий.

Дарий ждет ее у алтаря. Дарий протягивает ей руку, сжимает ее пальцы и улыбается так, словно наступил лучший день в его жизни. Наташа улыбнулась в ответ, потому что наступил лучший день и в ее жизни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.